

АМУР

Литературный альманах БГПУ,
№ 13. – Благовещенск: Издательство БГПУ, 2014. – 100 с., илл.

ISSN 1999-4095

Редакционная коллегия

А.В. Урманов – главный редактор,
Н.В. Киреева – зам. гл. редактора,
Е.В. Воропай,
И.Д. Игнатенко,
С.И. Красовская,
В.Г. Лепик,
О.А. Рыкова – секретарь

Графическая модель, обложка – С.Д. Ладыгин

Вёрстка – Т.В. Корниенко

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство ПИ №ФС77-31530 от 21 марта 2008 г.

© Благовещенский государственный педагогический университет – составление, 2014.

Отпечатано в типографии БГПУ, 675000, Благовещенск, ул. Ленина, 104. Подписано к печати 04.02.2015 Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 11,55 Тираж 500 экз. Зак. 3175

АМУР

Литературный альманах БГПУ

2014

№ 13

Слово – мастерам

Валерий ЧЕРКЕСОВ. Стихи	2
Александр БОБОШКО. Стихи	4
Николай ЛЕВЧЕНКО. Стихи	7
Игорь ИГНАТЕНКО. Товарищеский суд. Рассказ	8

Поэтическая встреча

Тамара ВОРОНЦОВА. Стихи	17
Регина ПОЛИВАН. Стихи	19
Анжела МУФТАХИТДИНОВА. Стихи	21

Малая проза

Александр ГЕРАСИМОВ. Оторопь. Где цапли ночуют? Вспоминания прозрачных дождей. Рассказы	22
Ярослав ТУРОВ. Агентство. Рассказ	27
Николай ДЕГТЯРЁВ. Первый день зимних каникул (За резинками). Рассказ	36
Гульчера БЫКОВА. Солнечки на прищепках. Эссе	38
Станислав РЕМ. Как хороши, как свежи были... Воспоминания	41

Поэтический дебют

Хелена САММЕР. Стихи	44
Елизавета ШЕЛОМИХИНА. Стихи	45

Критика и литературоведение

Ирина НАЗАРОВА. «Тайга насквозь пронизана стихами....»: «Певцам БАМа» посвящается (к 40-летию Байкало-Амурской магистрали)	47
Валерий ЧЕРКЕСОВ. Жизнь – это дорога... (Виктор Волчков). Воскреснет гул лихих годин... (Алексей Воронков). Историей тоже движет любовь (Станислав Федотов). Статьи	56
Ирина НАЗАРОВА. Книжная лавка. Обзор книжных новинок (2012-2014)	60

Россия – Китай: диалог культур

Александр УРМАНОВ. «Пулемётный бомбардир». Предисловие к избранным страницам из книги амурского публициста начала XX века Владимира Кондратьева	65
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Современный Китай. Фрагменты из книги. Публикация и примеч. А. Урманова	69
Евгений ГОНЧАРОВ. Yabaو.ру. Главы из повести в рассказах	72

Из архива

А. Матюшенский и «Дело девяти смертников». Публикация, вступ. статья и комментарии А. Урманова	75
Павел ВАСИЛЬЕВ. Люди в тайге. Очерки. Публикация А. Урманова	83
Александр УРМАНОВ. Русский гений XX века на Амуре. Вместо послесловия	92

Штудии

Валерия КАТЮЖИНСКАЯ. То, о чём никогда нельзя забывать. Эссе	94
Валентина БУГАЕВА. Есть зачем жить. Рецензия	95
Максим ГОЛЕВ. Возвращение в реальность. Эссе	96
Мария БАТИЩЕВА. Татьяна. Рассказ	96

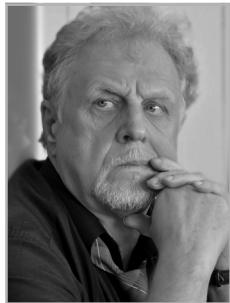
Из читательских откликов

Ричард ТЕМПЕСТ. К Юго-Востоку от Солженицына. Отзыв на одно справочное издание	98
Татьяна НАЗАРОВА. Письмо в редакцию	100

Слово – мастерски

Валерий ЧЕРКЕСОВ

член Союза писателей России

От редакции. Осенью 2014 г. из Белгорода в Благовещенск, на свою родину, вновь приезжал наш постоянный автор Валерий Черкесов – известный поэт, лауреат всероссийских литературных премий «Хрустальная роза Виктора Розова» (2008) и «Прохоровское поле» (2013). Побывал он и в БГПУ: встречался со студентами и преподавателями, с редколлегией «Амура». А уже после возвращения домой прислал нам очередную подборку стихов – «амурскую», как определил сам поэт. Она, действительно, такова – потому, что пронизана неизбытной горько-щемящей любовью к родным дальневосточным краям, к матери, живущей в Благовещенске. Главный лирический мотив предлагаемой вашему вниманию подборки, как и всего творчества В. Черкесова, – возвращение на родину, буквальное или в воспоминаниях, мечтах, снах.

Стихи

* * *

Моей маме Фаине Николаевне

Пахнет полынь бедою,
ну а ромашка – радостью.
Как же они уживаются
на железнодорожном откосе?
Вдыхаю пьянящий запах,
довolen нечаянной малостью,
словно я молод и весел,
не сед, не печален я вовсе;
словно рассвет встречаю,
а не закат провожаю,
словно в доме белёном
ждёт-не дождётся родня.
Вот переезд миную
и на тропе повстречаю
соседку, она, наверно,
и не узнает меня.
Взойду на крыльцо, минуту
стоять буду до замиранья:
конечно же, мама почувствует,
что возвратился сынок,
не зря же она спозаранку
блинов напекла, и варенье
брюсличное приготовила,
и высветлила порог.

Сейчас вот дверь отворится...
Пусть сон этот длится и длится!..

Детство. Крещение

1

По сусекам поскребу
памяти: авось, найдётся
светлое и дорогое –
от чего замрёт душа.

Напрягаюсь – только детство
выплывает... Неужели
я потом ешё полвека
прожил? – нету и следа.

Что-то было же! Наверно.
Но, увы, не зацепилось
так, как солнечный воскресный
день и золотистый храм.

2

Бабушка за руку держит.
Батюшка на шею крестик
надевает:
– Ну, отныне
твой отец – Иисус Христос.

Я похвастаюсь, конечно,
Только – пусть не обзывают
безотцовщиной.
Его-то
батя – форменный алкаш.

Называют так в округе,
хоть дядь Гриша безобидный:
как напьётся – распевает
про матроса-кочегара.

Он и сам пообгоревший:
танк под Курском подпалили,
ранен был, но жив остался...
И Толяна вон родил.

Медный крестик на минутку
дам дружку – пускай подержит:
может быть, мой новый папа
пожалеет и его.

Кондитерская фабрика. Конец 90-х

*Вблизи г. Благовещенска
будет строиться космодром.
Из газеты*

Сладковатый витает дух –
карамелевый и шоколадный.

Всё пропитано им вокруг
от цехов до железной ограды,
за которую мы, пацаны,
как осколки недавней войны,
на морозе торчали, вдыхая
ароматы заветного рая.

А сегодня здесь тишина,
трубы чёрные, как обелиски,
словно снова была война
и беда незабытая близко.

Я понимаю: космос, ракеты –
без них Отечеству не обойтись,
но в то, что дети разлюбили конфеты,
не поверю ни в жизнь!..

Октябрь 2014 г., Благовещенск

* * *

Александру Урманову

...Ещё запомнился вокзал.
Народ встречал и провожал,
стоял, сидел, лежал; звучал
уставший голос в зале душном,
и суетиться начинал
люд, а я жадно выпивал
воды-бурды вторую кружку.

Поддавшись общему порыву,
оказывался на перроне,
а паровоз густую гриву
из дыма распускал, и кроме
меня, наверно, ни один
приехавший и уезжающий
не знал, что встречи возвещающий
гудок дал дядя Никодим –
сосед наш. Он мне обещал –
возьмёт в дорогу до столицы,
как вырасту...

И тот вокзал,
и город тот мне часто снится –
зовут и просят возвратиться...

Но добрый дядя Никодим
на благовещенском кладбище
давно...

Ветра гудят над ним,
рыдая, завывают, свищут.
И горький паровозный дым
клубится, как над пепелищем.

* * *

«Счастливый ветер дует в паруса» –
писал когда-то отрок синеглазый.
На берегу Амура он сидел,
в тетрадке школьной рифмы подбирая.
Придумывал себе судьбу и верил,
что явью станет вымысел, когда

Встреча со студентами БГПУ. Октябрь 2014 г.

он повзрослеет и поэтом будет,
пусть не великим, но и не последним,
в стране, где даже бабушки на лавках
стихи Асадова читают вечерами.

Сбылась мечта. Он книжек настрогал
поболее десятка. Но однажды
негаданно-незданно той страны
не стало... А собгенные старухи
теперь всё больше говорят о ценах,
о пенсиях, которых не хватает
на хлеб насущный... Стыдно признавать
ему теперь, что посвятил он жизнь
маранию бумаги... Лучше б сеял,
пахал или хотя бы научился
чинить краны – который день на кухне
вода течёт, как вирши граформана.

Читая книгу Л. Завальнюка «Слово и цвет»

1

Кони шли на водопой...
Боже, что это со мной?
Я давно же видел это,
в детстве, как табун к реке
брёл, копыта на песке,
розовом в лучах рассвета,
оставляли не следы,
а неведомые знаки.
Вот вошли в простор воды
и поплыли...

Помню, значит,
если видится опять
из окна многоэтажки,
как корабликом бумажным,
белый конь плывёт отважно.
Не догнать и не позвать...

2

Вот мы бредём с надеждою вдвоём,
куда – не знаю,
и потому безудержно ревём,
хотя и здраво понимаем:
нам просто хорошо идти вдвоём
к неведомому краю.

Мальчик рад, что синицу поймал,
старец – что журавли в поднебесье
пролетают, и вольные песни
заполняют бездонный прогал
в мирозданье, где всем нам когда-то
пребывать. А хоти – не хоти,
Бог не спросит... И в свете заката
перекрестья наши пути.

Остаться там, родился где, не каждый
сумеет – жизнь, как ветер, по земле
нас носит так стремительно!..

Однажды
вернёмся и как будто свет во мгле
увидим: ничего дороже нету,
чем над Амуром ясные рассветы,
чёрёмуха у дома, старый мостик
и холмики родные на погосте.

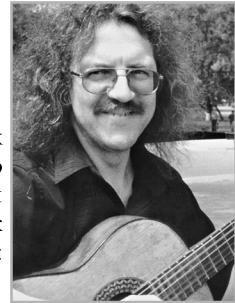
20-21 ноября 2014 г.

Александр БОБОШКО

член Союза писателей России

От редакции. Александр Бобошко – поэт, музыкант, исполнитель, лауреат дальневосточных бардовских фестивалей, автор более десятка поэтических сборников. Предлагаемая вашему вниманию подборка его стихов и песен показывает разные грани творческой индивидуальности автора: бунтарский дух, острый социальный критицизм, публицистичность и – лиричность, исповедальность, склонность к рефлексии. Причину повышенной чувствительности и сердечной ранимости отчасти объясняет сам поэт: «Тяжело артисту с правдой на Руси...».

Стихи

* * *

Ноябрьская заметь.
Снег липкий на ветках лежит...
Меня чья-то память
Сегодня всю ночь тормошит.

Строчат пулемёты.
Я ранен. Я слышу свой стон.
Летят самолёты,
Но с чёрным – не красным крестом.

И вот они рядом.
Весь мир полыхает в огне!
Осколки снаряда
Вонзаются в голову мне.

Ах, фрицы – паскуды!
Боль мучает, факелом жжёт.
Ещё полсекунды –
На части меня разорвёт.

Я с жизнью прощаюсь.
Костлявая ждёт впереди.
...И тут просыпаюсь.
Колотится сердце в груди.

Таблетки глотаю.
Не может помочь ни одна.
Едва засыпаю –
Идёт продолжение сна.

В бой рвётся пехота.
Солдат, тот, что рядом упал,
Меня отчего-то
По имени бати назвал.

Не болен я, братцы,
Не псих, и отнюдь «не того».
Я в реинкарнаций
Не верю, друзья, волшебство.

Но – снежная заметь,
Но – Погоцк в руинах лежит.
...Отцовская память
Меня по ночам тормошит.

2012

* * *

Разум я с тобой теряю.
Всё у нас в огне и в дыме.
Я давно подозреваю:
У тебя другое имя.

Ты – притворщица и лгунья.
Облик ласковый и милый.
Только дружбу – эй, колдунья,
Водишь ты с нечистой силой.

Мастерица, ворожея,
Ты меня околдовала.
Не услышав возраженья,
Сердце ты моё украла.

Песен сладостных певунья,
Поишь, как вином, любовью.
Жгли таких, как ты, колдунья,
На кострах Средневековья.

Снова села ты напротив,
Покоряешь нежным взглядом.
Слышишь, колдунья, я не против,
Чтоб всегда была ты рядом.

2011

* * *

Грехи нам наши не видны
И с самокритикою глухо.
Казалось мужу, у жены
Проблемы сложные со слухом.

Вновь не услышанный женой –
Так стало мужу горько, гадко –
В трёх метрах за её спиной
Он стал, приблизившись украдкой.

«Меня ты слышишь?» – он спросил.
В ответ реакции ни грамма.
Шагнул поближе, повторил,
А результат такой же самый.

Он снова крикнул ей: «Сейчас,
Тамар, услыши супруга Гришу!»
Та обернулась: «Третий раз
Я говорю тебе, что слышу».

...Как в заблуждении подчас,
Мы не в себе, натужно дышим.
Нам кажется – не слышат нас.
На самом деле – мы не слышим.

2012

* * *

Я в жизни «умирал» десятки раз.
(Как видно, по-другому не умею).
Мальчионкой был – букварь меня потряс,
Решил – умру, коль вдруг не одолею.

Читать я научился лет к шести.
В желании своём не обманулся.
Но снова я смертельно загрустил:
Баян услышал – мир перевернулся.

Там, где баян, в дым брошусь и в огонь!
Жизнь без него теперь не представляю.
Я одолел, как чокнутый, гармонь.
Полвека на баяне уж играю.

Девчонку ночью провожал домой.
От близости девчоночьего тела
В глазах темнело, пульс терялся мой.
Её обнять мне до смерти хотелось.

Потом я без поэзии не мог.
Потом мне без гитары – жизнь не в радость.
А вот сейчас подходит страшный срок.
Взправду умереть диктует старость.

2012

Меня не любят

Скажу открыто, без прикрас.
Я знаю, многие из вас
Меня не любят.
За то, что правду говорю
И в рот начальству не смотрю –
Меня не любят.

Что дерзок я порой и смел,
И сделать кое-что сумел –
Меня не любят.
Что не киваю, лезу в спор.
Хожу «лохматый» до сих пор –
Меня не любят.

Кому не дал талантов Бог,
Кто жизни свой недолгий срок
Впустую губит,
Не наделён большим умом,
Маршрут один: работа – дом –
Меня не любит.

За то, что мне немало лет,
Но не осел. Рвусь в белый свет,
Тянусь я к людям.
За то, что пошлость не терплю,
За то, что я ещё люблю –
Меня не любят.

2013

Баллада о скоморохе

Мухам – плавать в крынке.
Загустеет мёд.
Свой концерт на рынке
Скоморох даёт.
И веселья ради
(Век жесток и лют)
Поспешил к эстраде
Весь торговый люд.

Ах, устроил праздник
В серый будний день
Шут и безобразник!
Мозги набекрень!
«Пляшет он не слабо!
Ай да молодец!» –
Бывают в ладоши бабы,
Нищий и купец.

Вид его отпетый:
В рубище одетый.
Брякают на шапке
Звонко бубенцы.
Поистёрги шмутки,
Но – игрец на дудке!
Так сыграть не могут
Богачи-дельцы.

Рожа скоморошья,
Браги ли хлебнул,
Что не дружишь с ложью?
Правду лишь одну
Вслух ты называешь,
Удалец, храбрец!
Про царя гутаришь,
Дескать, царь – подлец,

Все бояре – воры.
Вакуум в казне.
Царь лишь разговоры
Любит о стране.
Речи мягко стелет.
Образ создаёт.
А на самом деле
На народ плюёт.

Царь не верит в Бога.
Потому убого
Мы живём сегодня.
В темноте – тропа.
И попы – ворюги.
Нет по всей округе
Одного хотя бы
Честного попа.

Ох, и громкий хохот!
Зритель входит в раж.
Славит скомороха:
«Правдолюбец наш,

Скучно нам и тяжко.
Братец, для души,
Спой, поэт-бродяжка,
Иль ещё спляши!»

Но не спеть артисту
Под мажорный лад.
На конях со свистом
Стражники летят.
Пикой – по макушке,
Дурня усмиря.
А не пой частушки,
Сволочь, про царя!

Лупят скомороха.
Скомороху плохо.
Бьют его по рёбрам,
Метят прямо в пах.
Не агент он вражий.
«А неча будоражить,
Не фиг смуту сеять
В душах и сердцах.

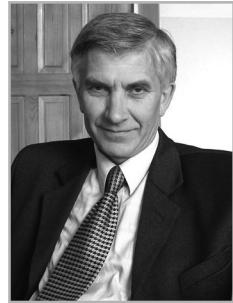
Вот тебе, бродяге:
Гусли – об забор!»
Все его бумаги
Бросили в костёр.
Дым кроваво-мглистый
Стался, гой-еси.
Тяжело артисту
С правдой на Руси...

2009

Николай ЛЕВЧЕНКО

член Союза писателей России

Стихи

Ангел

Сегодня праздник – ты себе берёшь
Как друга – Ангела, что за твоей спинуЮ
Всегда шепнёт, где правда, а где ложь,
Что стоит делать, а чего – не стоит.

Тот Ангел будет за плечом твоим,
Его крыло надёжно и упруго,
И ничего не страшно вам двоим
Всегда, когда вы верите друг в друга.

За эту дружбу стоит заплатить,
Лишив себя свободы своеволий,
Терпеть свидетеля твоих попыток жить,
Судьи для всех страстей твоих и болей.

Нет ничего мучительней стыда
Под строгим оком ангельского взора,
Но похвалы полезнее всегда
Лекарство молчаливого укора.

За то наградой будет волшебство,
Когда, среди уныния и бессилья,
Пришедшее на помощь божество
На миг подарит собственные крылья.

О, не покинь нас, должников твоих,
Толкующихся по жизни неумело,
Учитель жить как будто за двоих –
Спаситель наш, наш дивный ангел белый.

1–9.01.2015

Акварель

Небо, снег, деревьев ветви,
Стол, окно и чистый лист,
От окрестностей рассветных
Взгляд пронзителен и чист.

Удивленье – «неужели?»
Увидав рассвета гжель,
Безо всякой ясной цели
Затевает акварель.

И в задворках подсознаний
Выплывает, что давно
Отошло в воспоминаний
Чёрно-белое кино.

И в стволах, и в этих ветках,
Как подтекст или канва
Старой маминой салфетки,
Вдруг пропадают кружева.

И родительской посуды
Промелькнёт в окне узор,
И вернувшийся оттуда
Стародавний разговор.

Громыхнёт бельём с мороза
Акварельный жёсткий лист
Белизною целлюлозы,
Что оттаивает кисть.

И пропадут все, что было,
Да не высохло до дна,
Всё, что было, да не сплыло,
И становится видна

Сквозь капризы акварели
Вся, сплошные «неужели?»,
Жизнь, дошедшая доселе,
До рассветного окна.

10–11.01.2015

Игорь ИГНАТЕНКО

член Союза писателей России

От редакции. «Товарищеский суд» Игоря Игнатенко перекликается – тематически и генетически – с опубликованным в прошлом номере «Амура» его же рассказом «Там, где падают “дули”». Вновь обращаясь к памяти прошлому, автор восстанавливает подробности давней своей поездки в плодородный черкасский край – поездки, которая помогла воссоздать «нить отцовской жизни». Он с большим тщанием и любовью рисует детали жизни в украинском селе: его «хаты-мазанки», «густые тёмно-зелёные садочки», «чугунок с наваристым борщом, густо заправленным фасолью». Он полной грудью «вдыхает запахи отцовской родины» и выясняет у бабушки и тёти корни своего «родословного дерева». Увиденное заставляет поколебать убеждение героя-рассказчика, что «в стране образовалась единая общность – советский народ» и что «нет ни “холдов”, ни “москалей”». И только родственные связи, любовь душевно щедрой, трудолюбивой, испытавшей немало тягот и бед украинской родни и ответное чувство к ней помогают ему объединить бушующую за окном метель Дальнего Востока и идущие в это время на Украине «дощи».

Рассказ

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД

Рассказ

Здание районного суда приотилось под одной крышей с прокуратурой и адвокатской конторой. Советская Фемида не делила карательные и защитные функции, полагая их родственными ветвями на древе юриспруденции. Правосудие должно торжествовать при власти рабочих и крестьян согласно закону, по которому «степь плодородит». Таблички по обе стороны входной двери были выполнены одним и тем же трафаретом неведомым мне местным наследником живописного таланта великого кобзаря Тараса Шевченко. Все учреждения начинали работать с девяти утра. Отметив про себя, что украинские чиновники, подобно дальневосточным, не любят спешить на работу в одной толпе с трудовым людом, я толкнул калитку и вошёл в небольшой квадратный дворик.

Грушевые деревья, вперемешку со старыми яблонями и дубами, сомкнувшиеся кроны над крашенной строгим суриком скамейкой с прямой спинкой, давали прохладную тень. Июльское солнце уже изрядно прижало на улице, я успел порядком нажариться под его прямыми лучами, идя сюда от центра городка.

За невысоким штакетником ограды проблескивала сквозь купы приречных садов Рось, испокон веку бегущая в каменистом ложе к Днепру. Ниже плотины речка была загромождена крупными гранитными и базальтовыми валунами. Переливаясь через них, поток дробился на несколько водопадов. Их немолчный звук долетал во дворик, напоминая шум ветра в лесу.

В моём распоряжении было ещё часа полтора. Можно привести себя в порядок и собраться с мыслями.

В мае и июне того года мне предстояла учёба в институте повышения квалификации Всесоюзного телерадиокомитета. Я работал старшим редактором молодёжных программ Амурского радио и настал черёд «ехать в Москву разгонять тоску». Два месяца столичной жизни сулили кучу разнообразных удовольствий, начиная от театра и кончая неспешными прогулками по старинным улочкам и паркам. Лекции светили филологических наук

и знаменитых журналистов обещали немало полезных сведений и впечатлений.

Время учёбы мелькнуло, как тень от самолёта. И вот я на родине отца, плодородной черкасской земле.

Не верилось, что из этого изобильного края отец был вынужден спешно уехать вместе с семьёй дядьки Матвея, младшего брата матери, в самом начале «голодомора», искусственно организованного ретивыми исполнителями продовольственных заготовок, когда колхозные амбары и «клуни» на частных подворьях выгребались до единого зёрнышка. Шёл 1932 год. Даниил окончил семилетку, что по тем временам сулило неплохие перспективы, но отнюдь не в родных местах. Шестнадцатилетний парубок отправился «шукать соби долю» на «Дальний Схид». Дома в селе Кошмак оставались бедовать отец Сергей с матерью Степанидой, а с ними младшие Елена, Евдокия, Антонина, Иван и только что народившаяся Надюшка, которая с пелёнок заработала тяжелейшую болезнь, виной чему был голод.

Память пунктирно воссоздавала нить отцовской жизни.

Приехали переселенцы в Завитинск, железнодорожный городок на Транссибе. Семья Матвея и его жены Фёклы пустила здесь глубокие корни. К двум дочерям-малолеткам, родившимся на Украине, добавилось ещё шесть детей. Матвей как устроился грузчиком на угольный склад в депо, так и не выпускал из мозолистых рук громадную совковую лопату, пока не заработал с её помощью горба.

Даниил избежал подобной участии. Свидетельство о семилетнем образовании сыграло свою роль. Для начала устроился на службу в местной юстиции товарищем прокурора, писал различные бумаги и протоколы. Слава богу, до недоброй памяти «ежовщины» было ещё не близко, хотя нравы и порядки в надзорных органах строжали день ото дня. Именно с той поры стал Даниил молчалив, словами не разbrasывался попусту; прежде чем сказать что-либо, не один раз прокручивал мысль в

высоколобой голове. Поднаторев в русском языке, основательно возмужав и скопив деньжат, отправился в Благовещенск. Почему поступил в фельдшерско-акушерское училище, отец не рассказывал. По малолетству я не расспрашивал об этом, а с годами отец отошёл от медицины и неохотно ворошил прошлое.

Так получилось, что ранняя самостоятельность развила в отце крепкий характер. В череде этапов служебного роста прошёл через крутие ступеньки советской и партийной работы. Окончил очно Хабаровскую высшую партийную школу. Вершиной карьеры стала должность заместителя председателя Тамбовского райисполкома. Был многолетним депутатом районного Совета. На его плечах лежала ответственность за развитие сельского хозяйства в самом хлеборобском районе Приамурья.

Ходил батя в полувоенного покроя френче и галифе, носил по будням яловые, а по праздникам хромовые сапоги и фуражку-сталинку. Таков был стиль одежды районного начальства в ту пору. Да и то, месить грязь по полям в сапогах полегче, чем в ботинках. Имел правительственные награды, из которых первой стала медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», а за ней шли медали за Победу и её юбилеи. Была медаль и за освоение целинных земель, которых в Приамурье оказалось немало. Про почётные грамоты умолчу, при желании ими можно было обклеить все стены нашего дома.

Трудная и ответственная работа, за которую, чутко что, и на партийный «ковёр» могли вызвать, насобирала немало хворей в крупное и сухопарое тело. Пенсия и заслуженный отдых позволили отцу, при помощи прикроватного столика с лекарствами, протянуть ещё почти двадцать лет. Он регулярно писал письма на Украину матери и сёстрам, с праздниками и днями рождения посыпал телеграммами. Каждый месяц откладывал из своей пенсии областного значения по паре червонцев. Потом шёл на почту и один раз в квартал посыпал денежный перевод в Кошмак. А ещё раньше, когда работал, два-три раза в год отправлял на родину продуктовые посылки. Что мог положить в них дальневосточник? В основном, в фанерный ящичек клалась копчёная и солёная красная рыба, тщательно упакованная сельдь. Обязательно в гостинцах занимали своё место кулечки с конфетами и печеньем. Преимущество отдавалось карамелькам в обёртке, чтобы уберечь сладости от рыбного духа. Сюда же помещались мясные консервы. Ящички заколачивались фанерной крышкой. Упакованную тару мама обшивала белой матерней, на которой отец писал химическим карандашом адрес.

В ответ с той же периодичностью мы получали заколоченные теми же самыми гвоздиками знакомые нам ящички, в которых плотно лежали холщовые мешочки с сушёными фруктами – цельным черносливом, нарезанными повдоль грушами, тонко нашинкованными яблочками и тёмно-алыми бусинками-вишнями, сморщенными от сушки на домашней печи и ужавшимися едва ли не в половину. Особо на дне помещался мешочек с грецкими орехами, которые, судя по чёрным подпалинам на

Бабушка Степанида

боках и крошкам пристывшей золы, жарились в самой печи. В середине упаковки, для сохранности, обязательно стояла баночка с вишнёвым вареньем, накрепко укутанная в обрезок старой клеёнки.

Когда отец вскрывал посылку, то не спешил сразу же вынимать лакомства. Наверху обязательно лежал двойной листочек, вырванный из школьной тетрадки. Писала обычно тётя Лена крупным почерком. Мы слушали отца, читавшего о новостях в далёкой семье. Читал он по-украински, в особо трудных местах пояснял некоторые слова и выражения. В конце письма обычно тётушка «бажала» нам счастья и здоровья, что не требовало толкования. Помню, в раннем детстве меня особенно удивляло, что зимой на Украине нередко идут «дощи». За окнами нашего дома бушевала метель, сугробы высились порой до краёв забора, а там такое...

А уж какой компот получался из присланных сухофруктов! – наваристый, сладкий-пресладкий, ароматный и густой. Мама варила компот лишь на праздники, а праздников в те годы было мало, не то что сейчас...

Я достал из походной сумки тёмно-синий блокнот в ледериновой обложке форматом в ладонь, врученный отцом в апреле перед моим отлётом на запад. Аккуратным почерком на первой страничке был прописан маршрут от Корсуня до Кошмака. Для большей наглядности ниже нарисована схема движения, с указанием номеров автобусов и расписанием.

Далее была изложена суть моего визита в районную прокуратуру. Вкратце дело состояло в следующем.

С первыми весенними дождями сосед, чьи владения размещались на склоне холма выше фамильной усадьбы нашего рода, прокопал канаву для отвода воды. И она залила низ огорода, где к тому же размещался колодец. Тётя Лена взяла лопату и стала засыпать канаву на

границе владений. Прибежал сосед, вырвал лопату и ударили тёту по спине. Тётушка попыталась оказать сопротивление, но на подмогу соседу прибежали плечистые сыновья. Помочь женщине было некому. Бабушка Степанида из хаты не слыхала шума ссоры, да и что она могла поделать в свои без малого восемьдесят лет?

Дело кончилось тем, что соседи вновь отрыли канаву, а лопату забросили в крапиву, росшую густыми кустами в большом овраге, который назывался «провалль». В детстве я там любил играть в «войну» и заодно лакомиться черешней.

В скромом времени в селе собрался товарищеский суд. Доморощенные праволюбы не придумали ничего лучше, как выписать каждой из сторон конфликта штраф в пользу сельсовета. Тётя Лена, не привыкшая перечить властям, пошла на почту и перечислила на счёт сельской «рады» пятнадцать «карбованцев» из своей сорокарублёвой колхозной пенсии.

Вот обо всём этом и попросил меня отец поговорить в прокуратуре. Причём призвал быть предельно сдержаным, не поддаваться эмоциям и постараться хоть в чём-то помочь тётушке. Напоследок отец для пущей убедительности вспомнил годы своей собственной юношеской службы в завитинской прокуратуре, где впервые в жизни услышал такой постулат из уст своего начальника: «Дайте мне человека, а статью я ему подыщу...» Признаться, не сразу поверил я такому кощунственному утверждению. Но жизнь показала, что подобные «истины» бессмертны.

Погруженный в изучение записей в блокноте, я не сразу услышал вплетённый в речной шум уверенный шаг хозяина храма юстиции. В том, что это был именно хозяин, сомневаться не приходилось. Невысокий грузный мужчина в серых парусиновых летних брюках, пару которых составлял их родной брат – пиджак из того же материала, достал связку ключей, встягнул, отыскивая нужный, и отомкнул замок. Пока мужчина отворял дверь, я успел рассмотреть его. На вид было ему лет под пятьдесят, о чём свидетельствовали глубокие залысины на круглой голове с зачесанными строго назад жиленькими волосами то ли русого, то ли просто выцветшего от времени колера. Обнаружилось сие обстоятельство после того, как обладатель летнего костюма снял соломенного цвета шляпу из синтетики и вытер капли пота на лбу и шее, оттопырив предварительно воротник белой рубашки в линялую полосочку. По всему было видно, что добирался он на службу пешком, но особо не торопился: жёлтые сандалии на ногах не успели запылиться. Значит, живёт неподалёку, работает здесь давно, знает все ходы-выходы и поможет определиться с моими хлопотами. Лицо типичного украинца, с глубокими глазными впадинами, призванными защищать зрачки от яркого солнца. В них легко прятать и прожигающий собеседника сверлящий прищур, и полудремотное сведение век. Большой прямой нос, крупная верхняя губа и властно прочерченная линия рта с поджатыми губами дополняли картину, которую я по укоренившейся журналистской привычке нарисовал себе в первоначальной попытке определить ха-

рактер нового для себя человека и, в соответствии с этим, начать выстраивать линию поведения в предстоящем разговоре.

– Прошу раннюю пташку в нашу каталажку... – пощупил, как со своим старым знакомым, человек с ключами.

Мы поприветствовали друг друга, перекинувшись тарапунькинской фразой «здравеньки буль». Я представился, упомянув, что приехал сегодня рано утром из Москвы киевским экспрессом. Для пущей убедительности показал удостоверение внештатного корреспондента всесоюзной радиостанции «Юность». Хозяин отсканировал его беглым взглядом, но, увидев московскую печать и солидный гриф на краснокорой книжечке с золотым тиснением, внимательно оглядел меня с головы до ног. Модная летняя одежда заграничного производства и чешские джинсовые туфли, которыми я успел обзавестись в столичных универмагах, убедили исследователя моей внешности в том, что перед ним «пташка» отнюдь не низкого полёта.

– Шуткую, – снял хозяин возникшее замешательство и кривовато ухмыльнулся. – Если вы к прокурору, то это ко мне. Не удивляйтесь, что я не в форме. Климат не позволяет, то бишь разрешает.

Мы прошли внутрь прохладного помещения. Кабинет размещался в конце коридора и выходил на теневую северную сторону. Обстановка более чем спартанская. Массивный старый стол, два деревянных стула по обе его стороны. Графин с водой и гранёный стакан на блюдечке. Поверхность стола абсолютно пуста, если не считать настольной лампы с молочно-белым колпаком. В углу громоздился двухсекционный сейф, утащить который даже двум дюжим мужикам вряд ли было под силу. Так что решётка на окне носила скорее условную, нежели охранную функцию. На стене портрет «железного Феликса».

Я кратко изложил суть своего визита.

Прокурор изогнул линию рта, подперев верхней губой нос и посопел в раздумии.

– Собственно, вы чего хотели от меня? – изрёк он, доставая из ящика стола чистый лист бумаги. – А впрочем, изложите-ка письменно.

Я переписал из блокнота отцовы скрижали и пододвинул заявление прокурору.

– Та-а-к... – промычал он. – Значит, вашу тёту ударили лопатой. А свидетели тому есть?

– Она была одна, престарелая мать оставалась в доме.

– На товарищеском суде, значит, синяки показать отказалась?

– А как вы это себе представляете? Среди односельчан шестидесятилетняя женщина станет снимать плаТЬЕ?

Прокурор подвигал кустистыми бровями, опять посопел в верхнюю губу.

– Почему штраф заплатила? Значит, чувствовала свою вину?

– Элементарную законопослушность вы исключаете? – ответил я вопросом на вопрос.

Прокурор встал, громыхнул связкой ключей, пошёл к сейфу и отпер хранилище секретов. После недолгого копания достал картонную, с бумажными витыми тесёмками, тощую папку.

— Кажись, тут оно у меня...

Он положил папку на стол, дёрнул шнурок и извлёк на свет божий исписанный с двух сторон тетрадный лист.

— А соседи утверждают, что Олена Гнатэнко первой напала на их дила. Вот тут подписи, целых три, как положено. Украинскую мову розумиет? Можете прочитать.

Я покачал отрицательно головой.

— Читать наветы хулиганов не стану, не за тем приехал за десять тысяч вёрст. Вы скажите прямо: закон разрешает мужчинам бить одиночную женщину, вставшую на защиту своего имущества?

— Цэ дило трэба розжуваты... Конечно, не дозволяет. Но всё надо доказать...

— И долго требуется жевать? — не удержался я, нарушая отцовский наказ быть предельно корректным.

Прокурор неспешно налил стакан воды, осушил до дна, словно и впрямь запивал разжёванное и усвоенное «дило».

— Молодой человек... молодой человек... Вы, я вижу, не украинец.

— Это к делу не относится, — с запозданием дал я обратный ход, прокрутив, однако, по инерции колёса в прежнем направлении. — Насколько я понимаю установку партии и правительства, в стране образовалась единая общность — советский народ. Не так ли? Нет ни «хохлов», ни «москалей», тем более «чурок» и «нацменов». Я, например, дальневосточник, отец украинец, мать русская.

Наверняка прокурор член партии и на этой почве вряд ли будет спорить со мной, догадался я, глядя, как он утирает капли пота с щек.

— Народ у нас тяжёлый, — вздохнул уныло собеседник.

«Притворяешься, дядя!» — подумалось мне.

— За каждый клочок земли привыкли воевать со времён царя Горюхы. Вот и не остановятся никак.

— А побитая женщина при чём?

— Если вы о штрафе беспокоитесь, то ведь и соседи уплатили ту же сумму. На эти денежки сельсовет прокопает кувет, мосток перекинет у огорода. Живи — не хочу! Вот вам и «единая общность»...

Хозяин кабинета спрятал моё заявление и соседнюю бумажку в папку, затянул тесёмки и прихлопнул сверху растопыренной пятерней.

— И не беспокойтесь понапрасну. Товарищескому суду мы не указ, — он вновь сделал ударение на *и*. Для моего уха это слово прозвучало с иным смыслом, исключающим оттенок доброжелательности. — Одначэ, обеим сторонам драки вынесли своё порицание. Чтобы впредь не повторялось это безобразие.

— Вы принимаете во внимание, что у соседа была судимость? И статья не маленькая — измена Родине. Был полицаем, служил гитлеровцам. А наша семья, вся до

единого, честно работала для блага государства. Елену Сергеевну в плен угоняли фашисты. Младший брат сгинул в Германии. И вот теперь такое! — бросил я прокурору последний аргумент.

Прокурор опять полез в карман за платком, долго тёр лоб и шею, выигрывая время для ответа.

— Так-то оно так... Была судимость... Да отсидел своё... Цэ дило такэ...

Говорить дальше с этим человеком не представляло никакого смысла. Я сухо откланялся и покинул «цитадель» права с ощущением, что не выполнил наказ отца и ничего существенного не добился. Но считать встречу с прокурором напрасной тоже не мог. Наверное, подобные люди и устроили именем закона голодовку в этом изобильном чернозёмном kraе. Прокурор наверняка прямой потомок организаторов «голодомора», погнавшего моего отца и тысячи ему подобных украинцев на Дальний Восток.

Пеший путь в Кошмак, известный мне с детства, достаточно живописен, чтобы менять его на автобусную поездку. Хотелось привести мысли в порядок, да и просто снять нервное напряжение, отвлечься.

Надо было перебраться на противоположный берег Роси. Туда вели два пути. Идти автомобильным мостом не хотелось, хотя от прокуратуры до него было рукой подать. Рядом с мостом тянулось длинное кирпичное строение пуговичной фабрики, похожее скорее на барак, сложенный из дикого камня, нежели на промышленное предприятие. Ни тебе густого дыма из трубы, ни железного лязга. Вывеска над воротами выцвела и была понятна лишь старожилам. Как рассказывал отец, допотопное производство возникло ещё в прошлом веке. Сырьём для изготовления продукции служили речные ракушки-перловицы, добываемые местными «ихтиандрами» тут же со дна реки. Помнится, тётя Лена сразу же после войны некоторое время работала на фабрике. В колхозе на трудодень денег не выдавали, только считанные граммы зерна да постного масла с «буряками» — сахарной свёклой. Каждое утро отмеряла семь километров от хаты до «миста». И столько же вечером обратно. Однажды, по пути домой, её ограбили в лесу. Надо бы расспросить тётушку при встрече об этом поподробнее.

Я спустился по набережной улочке вниз по течению реки вплоть до гидростанции. Энергетический узел,озведённый ещё до войны на средства окрестных колхозов, взорванный нашими войсками при отступлении и лишь после войны восстановленный, был настолько маломощен, что его ваттов едва хватало, чтобы осветить «лампочками Ильича» деревенские хаты. Правда, годах в шестидесятых произошла широко рекламированная попыткапустить по местным чернозёмам электротрактора, для чего пришлось возводить Каневскую ГЭС на Днепре, куда стремила свои воды Рось. Даже в журнале «Огонёк» напечатали большой фотоочерк об индустриализации сельского хозяйства на полях Черкассы. За блестящими заводской краской новенькими тракторами, движавшимися по чёрной пахоте, тянулись толстые кабели, связанные с передвижными подстанциями. На зад-

Коимак – отец с матерью, сёстрами и племянниками. 1960 г.

нем плане в мареве испарений выселились опоры высоковольтной линии, уходящие в мираж. Не за горами прятались восьмидесятые «роки», когда все мы должны были заключить в обещанном советскому народу Никитой Хрущёвым светлом коммунистическом будущем.

Помнится, отец долго хмыкал, крутил головой, разглядывая фотоснимки, что-то чертил на бумаге, складывал и умножал столбцы цифр. Потом изрёк, подведя черту под своими вычислениями: «Ни хрена не получится из этой затеи! Резина на кабелях быстро сотрётся. В такую копеечку влетит эта химера – буханка хлеба золотой станет безо всяких метафор. А главное, электричество не хватит. Если только к Братской ГЭС не подключиться да Днепрогэс сюда же в пристяжку поставить...»

Горькая ирония отца была далека от насмешки. Немало поколений его предков, запорожских казаков и черкасских хлеборобов, полили потом лучшие в мире черноземы. Да и он сызмала поработал в колхозе, попахал всласть. Правду от пропагандистской сказки отличить мог безошибочно.

Отец спрятал журнал в ящик стола, куда он складывал письма с Украины, и задвинул внутрь – «до лучших времён».

Плотина межколхозной ГЭС подняла Рось и затопила приречные усадьбы. По водному зеркалу скользили стайки домашних уток. В прибрежных камышах орали, надувая защёчные воздушные мешки, зелёные лягушки. Чайки заламывали белые крылья и ныряли за рыбёшкой. На мостках какая-то баба в подоткнутой высокою юбке полоскала бельё. Высоко в небе чертил круги коршун. Воздух дрожал в июльском пекле, слегка смягчаемом речной свежестью. Стрекозы трепетали над речными струями, завихрявшимися в небольшие водовороты.

Я перебрался по верху плотины, называемой здесь обиходно «греблей», на правый берег. Пересякнувшись, вошёл в старинный парк князей Браницких. В их родовом поместье, напоминающем трёхэтажный средневековый замок с четырьмя башенками по углам, после войны был создан музей истории Корсунь-Шевченко.

ковской битвы. На площадке перед зданием стояли советские танки и пушки, автомобильные и тракторные тягачи, ракетная миномётная установка «Катюша». В воскресные дни здесь обычно бывало многолюдно, но сегодня подступы к музею пустовали. Лишь пожилой мужик в соломенной шляпе-«бриле» махал метлой на высоких ступенях перед центральным входом. Клумбы с розами, чернобривцами и мальвами были политы ещё до восхода солнца и слегка поблескивали. Рядом лежал, свернувшись кольцами, подобно удаву, чёрный поливочный шланг. Из него натекла порядочная лужа, в которой купались голуби-сизари.

В зады музея уходила аллея высоченных вязов, по которой я выбрался на просёлок. Отсюда узкая и пыльная дорога сбегала вниз, круто изгибалась и уходила в жёлтое пшеничное поле. За ним ждал сумрачный лес.

Под хвойными сводами просёлок глубоко изрезали тележные колеи, обочь которых изредка проступал отпечатанный на высохшей грязи след велосипедных колёс.

Где-то в глубине соснового и елового бора изредка раздавался раскатистый сухой треск. Поначалу, в прежние свои походы через лес, я думал, что стучит часто-часто по сушине дятел. Но тётя Лена, работавшая в молодые годы в «лиси», объяснила, что это вовсе не дятел. Она сама видела, как забравшаяся на дерево змея, повиснув на толстом суку, задирала кверху хвост и тряслася им, издавая таинственные звуки. Очевидно, это была гремучая гадюка, каких немало водилось в здешних потаённых местах. Зачем она это делала? Пугала ли кого? Заманивала? Возможно, на этот звук летела или ползла добыча?

Где-то здесь тётя Лену подкараулил грабитель. Лучшего места и придумать невозможно. Дорога тут круто изгибалась, ныряла в глубокую ложбину, густо поросшую колючим кустарником, «тэрэном». Звуки в низине тонули, как в омуте. Тут кричи – не докричишься...

Из ручья, бегущего в ложбине вдоль дороги, сунувшейся почти до ширины тропинки, я напился, черпая ладонью чистую и холодную воду, в которую успела осипать хвоинки старая сосна с расщеплённой молнией верхушкой. Это была старая примета, по которой я определил скорое окончание леса.

Сердце забилось сильно и гулко. Пришлось постоять немного, чтобы унять волнение, прихлынувшее к горлу. Чтобы унять дрожь в руках, я отломил сухую ветку с нижнего яруса старой ели, должно быть, помнившей меня в прежние посещения, и стал счищать грязь с туфель.

На опушке просёлок расширялся вновь, делал плавный поворот, взбирался на невысокий покатый холм и словно тормозил на его вершине, чтобы путники могли получше разглядеть открывшееся за свекольным полем село.

Остановился здесь и я. Хаты-мазанки белели сквозь густые тёмно-зелёные садочки, кое-где взблескивали на

солнце оконные стёкла. Подсолнухи по краям огородов, устав глядеть на небо, свесили долу свои круглые, отороченные золотыми лепестками шляпки. Кукуруза успела вымахать в рост человека, наиболее длинные саблевидные листья жаркое лето переломило пополам.

Родина отца – Кошмак. Кто знает, почему село так называли? Возможно, здесь изготавливали в старину кошмы?

Мне вспомнился рассказ бабушки Степаниды, связанный с оккупацией. В их избе разместился на посту штаб немецкого артиллерийского батальона. Было это слякотной осенью первого года войны. Тяжёлые орудия вязли в распутицу, даже гусеничные тягачи не могли вытащить их из липкого чернозёма. Офицер костерил непогоду родными немецкими матюгами. Но бабушка поняла, о чём речь. «Was ist das Koschmak? Est ist Koschmar!» – брызгал слюной командир батальона, рассыпавший не лишённым фонетического чутья ухом грозный смысл губительного для фашистов созвучия двух слов.

Меня ждали. Отец заранее известил о моём приезде телеграммой.

Бабушку годы согнули вдвое. Обнимая меня худенькими руками с синими жилками, ткнулась головой в белом платочек в мой живот. Снизу вверх поглядела на «онука» и повела в избу, утирая краем платка слезинки из уголков поблекших глаз.

Баба Стёпа! Неужели это я, трёхлетним карапузом, взбирался тебе на «закорки», и ты везла меня на спине по пыльной тропинке в ржаное поле за селом, где вместе с дочками жала серпом «жито», вязала снопы и ставила суслоны-хатки на колючей стерне? А я колотил тебя пятками в бока и кричал: «Но, старая коняка!» Молодые тётушки смеялись взахлёб, а я старался и выкрикивал новое для себя слово «коняка», которое и услышал от самой бабушки.

Происходило это в 1946 году, когда отец привёз нас с мамой к себе на родину после войны познакомиться и по-настоящему сродниться.

Была тогда Степанида высока и стройна, под стать мужу, недаром в нашей родове низкорослых детей не велось. Старший Даниил вымахал под два метра, сёстры тоже уродились «довги», крепки и осанисты, не хуже брата. Все, как одна, высоколобые. Общей семейной чертой были массивные «упрямые» подбородки, которые у сестёр приятно округлялись, придавая облику нежную женственность. Вот только перенятая у деда Сергея волевая линия рта, с опущенными вниз уголками, в минуту сосредоточенного раздумья придавала некую сурвость и неуступчивость их лицам. Но когда улыбка трогала губы сестёр, они чем-то неуловимо напоминали знаменитую итальянку, которую звали Лиза и портрет которой, вырезанный из журнала «Огонёк», неизвестно каким образом оказался на стене в хате. Украшали всех широко посаженные чёрные глаза, осенённые

длинными ресницами и прикрытые пушистыми, сходящимися на переносице бровями. Стриглись сёстры коротко, по моде тех лет. А младшая Надюшка со своей стрижкой «под горшок» вообще походила на «малэсенького парубочки», если бы не цветастая кофточка да отобранные у сестёр и нанизанные на тонкую шею нитки коралловых и стеклянных бус.

Особенной статью выделялась тётя Лена. Тяжкая физическая надсада ещё не гнула её крепкую спину. Голову покрывали пышные русые волосы. До девических лет носила она длинные толстые косы, но потом отрезала, поскольку косы мешали «працоваты». Она вообще рано начала работать по дому, поскольку после отъезда Даниила на Дальний Восток в одиннадцать лет осталась самой старшей из материных помощниц. Я помешался целиком на её крепких ладонях, как на качелях. И она подбрасывала племяша к небу, по которому плыли такие пухлые и белые облака, каких я больше нигде и никогда не видывал. «Полети!» – отправляла меня в полёт сильная тётушка и подхватывала, визжащего от восторга, почти у самой земли.

Я оглядел внутреннее убранство хаты. Тот же, удививший в детстве, убитый до каменной твёрдости желтоватый глиняный пол, покрытый вязаными из разноцветных кусочков ткани половиками-дорожками. Вот только потолок стал пониже. Деревянная, крашенная потерявшим цвет коричневым колером, длинная лавка вдоль правой стены с невеликими окнами, смотрящими во двор. На этой лавке некогда меня клали поперёк, а теперь я вряд ли поместился бы и повдоль. В правом дальнем углу хаты под вышитым крупным красным крестиком рушником тускло светится оклад старинной, ещё от предков, иконы Спасителя. Перед ней дрожит огонёк плоской стеклянной лампадки. Эту картинку сохранила зрительная память, как впечатала в себя и галереику разномастных семейных фотокарточек в большой рамке под стеклом. Отдельно висят довольно крупные портреты моего отца и дяди Ивана. Причём местный фотограф увеличил

Тётя Лена и тётя Надя у колодца

дядин снимок, сделанный для комсомольского билета и чудом уцелевший в пламени войны. Портрет раскрасили цветными карандашами, но чья любящая рука это сделала, я не знал.

Вскоре с огорода прибежала тётя Лена, похудевшая и почерневшая от вечного пребывания на солнце и ветру. Некогда пышные волосы время усекло до линии затылка и поместило под неизменной, беленькой в краинку, косынкой, без которой украинские женщины во двор не выходят. Тётя и в росте заметно поубавилась, словно вечный труд пригнул её к земле-кормилице, заставив смотреть под ноги, а не в даль. Взгляд прищуренных глаз осветился изнутри тёплым огоньком, да тут же и затуманился слезами.

Тётя поставила на лавку корзину с зеленью и крепко сжала меня своими рабочими, по-прежнему крепкими руками, отрывисто поцеловала в губы. Охнула: «Як ты вырос!» Потом поспешила к печи и вытащила оттуда сковороду, накрытую тарелкой. Распахнула створки чёрного буфетика, достала с нижней полки бутылку с «горилкой». Пальцами левой руки, щепоткой, прихватила три стаканчика.

Почему так называется этот распространённый на Украине напиток – не знаю. Возможно потому, что «первач» хорошо горит. Или потому, что горек и крепок до слёз?

Я знал, что «горилка» является в семье чем-то вроде ходовой валюты, которой расплачиваются с приглашёнными мужиками за работу по хозяйству, непосильную женщинам – «орание» огорода или бетонирование колодца, поскольку деревянный сруб в сырой низине подола долго не служил. В «бабьем царстве», которое после кончины деда Сергея осталось «хозяйновать» в усадьбе, без мужских рук многое пришло в упадок и запустение.

Мы чокнулись гранёными стаканчиками, выпили за встречу. Я до дна, бабушка и тётя лишь губы обмочили.

– Ты обидай, Игор, путим побалакаем, – сказала бабушка и пододвинула поближе сковороду с яичницей, жареной на сале. Красные помидоры и пупырчатые огурцы лежали целиком на блюде, придавленные сбоку пучком лука с головками в мой кулак и ворохом ажурного укропа. Глиняная солонка с крупной солью стояла рядом.

Закусили «яешней», потом из печи появился чугунок с наваристым борщом, густо заправленным фасолью. «Не забыли ведь мой вкус!» – отметил я это обстоятельство, вычерпывая остатки белой крупной фасоли со дна миски. Запили обед грушевым «узваром» – компотом, принесённым из погреба, где он стоял на запасённом ещё с зимы льду.

После обеда настал черёд подарков. Отец дал деньги на пуховый платок для матери, который отыскался на одном из столичных рынков. Продавец-армянин уверял, что это настоящий оренбургский, и цену заломил, особенно когда услышал, что платок нужен чисто белый. Тётушке купил в ГУМе цветастую шаль с красными розами по чёрному полю. Обе женщины скромно приняли

подарки, примерили по моей просьбе, одобрили выбор и спрятали обновы в покрытый дерюжкой сундук, притулившийся у припечка.

Затем тётя отвела меня в горницу, занимавшую левую, меньшую часть дома. Здесь стояла крытая полотняным рядном железная кровать из тех, что обычно называют солдатскими. В головах высились, одна на другой, три пуховых, с весёлыми цветастыми наволочками, подушки. На стенах висели духовитые пучки трав, собранных для целебных настоек и других лекарственных снадобий. Кажется, они висели здесь всю жизнь, источая тонкий духмяный аромат. Я узнал его сразу же, как вошёл в горницу. Единственное низенькое окошко затеняла со двора старая груша, которая помнила моего отца ещё мальцом.

Я улёгся безропотно, утомлённый бессонной ночью в поезде, утренним разговором с прокурором, пешей прогулкой через лес. И полетел в забытьё, вдыхая запахи отцовской родины.

В сумерки тётушка разбудила меня «вечерять», иначе я проспал бы и до утра.

Стол накрыли на дворе под раскидистой грушей, окружённой сливами и ореховыми деревьями. Пока чаёвничали, я рассказал о причине своего приезда и, в свою очередь, попросил бабушку и тётя поведать подробнее о постигшей беде.

В последние годы в усадьбе, устроенной ещё пррапрадедом Харитоном в середине девятнадцатого века, жили и хозяйствовали только две женщины из нашей некогда большой семьи – бабушка Степанида да тётя Лена. Тётя Дуся и тётя Тося жили отдельно и редко навещали отчину, хватало и своих семейных забот. Хворая с детства самая младшая тётя Надя, вечная богомолка и странница, дома бывала редко, работницей не считалась. Умерла за три года до моего приезда, сорока восьми лет от роду.

Дед Сергей участвовал рядовым солдатом в Первой мировой войне. Несколько раз был ранен, отправлен газами. Воевать во Второй мировой потому не смог. По странному совпадению обстоятельств, умер на следующий же день после кончины Сталина, с тем же самым диагнозом – «кровоизлияние в мозг».

Я запомнил деда задыхающимся и кашляющим, совершенно беззубым, неразговорчивым и всегда занятым каким-нибудь делом. Он разрешал крутить точильное колесо, что мне особенно нравилось. Нижний край колеса окунался в корытце с водой для смачивания и лучшей точки ножей, топоров и кос, которых в хозяйстве было немало. Чем быстрее я кручил рукоятку колеса, тем больше брызг летело в лицо мне и деду. Искры шипели и гасли в водовороте, вызывая восторг и смех.

Пробовал я крутить и колесо прялки, упрятанной от меня на «горище» хаты, крытой соломой. Я вообразил себя моряком, и прялка выла от стараний превратить её большое деревянное колесо в штурвал корабля. Но бабушка быстро обнаружила внука на чердаке за этим занятием и строго-настрого запретила туда лазить. А для надёжности велела вынести из сеней, разделявших жилую избу с горницей, лестницу-«драбыну», по которой я забирался на верхотуру.

Бабушка была ровесница деда, оба с 1895 года. И фамилию носили одну, что в небольших сёлах встречается нередко, и не только на Украине. Память бабушка сохранила ясную, говорила так кратко и выразительно, что я понимал смысл её украинской речи практически всегда. Родила за свою жизнь семерых детей. Ещё девчонкой батрачила от зари до зари на «панских» полях, а в советскую пору выходила исправно на работу в «колгосп», оставив в хате малых детей на попечение старшей дочери Елены. Полола и убирала сахарную свёклу, жала серпом пшеницу и жито, молотила горох.

Помнится, в тот памятный вечер под старой грушей я спросил бабушку, как глубоко уходят корни нашего родословного дерева.

— Тоби о працедах? — уточнила бабушка.

— Ну, хотя бы по линии отца или матери — что помните.

Бабушка посидела, подперев щеку ладонью и пошевеливая время от времени сухими потрескавшимися губами, как бы нашупывая нужные слова. Поправила платочек на голове, прищурилась, словно заглянула куда-то внутрь самой себя.

— Рокив точно нэ скажу, дуже давно цэ було... Мий батько Корней сказував про своєго діда Прокопа та про ёго жинку Олэкандру. Вони були крипаки у Кричелей, польски таки помешки тоді усім туточки володили. Олэкандра ще й кормилицею була у их диттей, Кароля та Генриха. А Прокоп бондарем справным був. Добру пряжу прял, полотно ткал со льна та конопли. Вот и считай, колы цэ було...

Я прикинул количество колен отцова рода, умножил на среднюю продолжительность жизни каждого поколения. По самым скромным подсчётам вышло, что родились Прокоп и Александра на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, а по какую его сторону — кто теперь скажет? Если и были какие-то записи в церковной книге, то теперь её днём с огнём не сыщешь. Столько настоящего огня пронеслось по многострадальной украинской земле, столько войн прогремело...

Тяжёлую судьбу дал Бог тёте Лене. Когда началась фашистская оккупация, её вместе с другими девчатаами и пареньками, среди которых оказался и семнадцатилетний брат Иван, отправили на работу в Германию. Как выяснилось позже, там Иван и погиб за год до конца войны. В пути полная сил и жажды жить на свободе двадцатилетняя девушка выпрыгнула из кузова грузовика, сумела чудом уцелеть под обстрелом охраны и скрыться от погони в густом лесу. Конечно же, прибежала домой. До поры до времени скрывалась в погребе. Но её высledил сосед-полицай и выдал немцам. И снова конвой, дорога до польской границы, бегство, мучительные и бесконечные скитания по пути в родные места. Пока добиралась до Кошмака, в Украину возвратилась Красная армия.

Соседа-полицая долго искали, пока не схватили в окрестных лесах. В селе состоялся показатель-

ный суд, приехали из Киева высокие судейские чины, фотографы, корреспонденты газет и журналов. Изменнику родины дали пятнадцать лет лагерей. Выслали на Колыму, на золотые прииски, где редко кто доживал до конца срока. Его уже начали забывать, когда он возвратился в Кошмак и вновь поселился в доме, где ждали жена и выросшие к тому времени сыновья. Сельчане пошумели-пошумели, да и затихли. Да и что скажешь? Перед законом чист, хотя какая уж тут «чистота»! Устроился в колхозе сторожем, а днём горбатился на своём подворье. Возил картошку, овощи и фрукты в Корсунь, продавал на рынке. Держал кур и свиней, салом и мясом подторговывал. Был скуп и нелюдим.

Порой тётя Лена обнаруживала, что разделявший обе усадьбы «заплот» отодвигался соседом на метр-полтора в её сторону, особенно внизу огорода и сада, куда не каждый день случалось заходить. Заодно сосед безжалостно рубил ветки оказавшихся на «его стороне» яблонек и груш.

Бралились на всё село, да без толку, поскольку чёткого детального плана усадеб, выверенного до метра, в «сельраде» не существовало, там ссылались на оккупацию, бомбёжки и пожары. Словом, отношения были не мирными и рассчитывать на добрую волю негодяя не приходилось.

Я не удержался и спросил тёту, нет ли какой связи с ограблением после войны, когда она работала в Корсуне на пуговичной фабрике, и соседом-полицаем, скрывавшимся в окрестных лесах? Ведь кто, как не сосед, хорошо знал лесную дорогу из «миста» до Кошмака? Подкараулил, когда шла с полушкой, завёрнутой в платочек и положенной в торбочку с городскими гостинцами. Всё отобрал у обомлевшей девушки. Хорошо, хоть не убил.

Тётя покачала головой: «Хто ёго знае... Тэмно у лиси було. А вин лохматый, борода така страшна... Оборваний, як та чертятка! Бандера, да и всэ...» И махнула рукой безнадежно.

Вечерние сумерки накрыли село. Из подола потянулся туман. В кроне старой груши гуднул и умолк жук-хруш. Дневная жара спала, дышалось легко.

Две родные женщины сидели передо мной, медленно поглощаемые мглою. Мы молчали после долгого и большого разговора. Было жалко обеих, но особенно тёту. Прожила весь век одиноко, не сумев обзавестись собственной семьёй и детьми. Только радости, что нянькала беззаботно племянников. В тяжёлой работе истратила некогда видную женскую стать и немалую силушку. Угоняли в плен немцы. Грабили бандеровцы. Эксплуатировали колхозные и иные власти, отдавившись парой «почётных грамот» и назначив нищенскую пенсию. Обворовывал и притеснял сосед, бил лопатой, за что ещё и штраф платить пришлось.

Когда-то, в студенчестве, я написал стихотворение «Вечер на Украине». Свою поэтическую ипостась перед родными людьми старался никогда не выпичивать. Но на сей раз не удержался и прочитал. Хотелось хотя бы таким способом снять напряжение.

Молочно-розовый закат.
Холмистая равнина.
Колодцы-«журавли» у хат
Да у плетня калина.
Плыёт над крышами дымок.
Жук-хрущ гудит, как трактор.
Набегался – не чую ног! –
По майским росным травам.
«Вечерять! –
Бабушка кричит. –
Егор, ты дэ сковорався?»
Она не знает, что я сыт
Не хлебом и не квасом.
Мне только бы пройтись ещё
В саду меж вишен белых,
А после уж корми борщом
И всё, что хочешь, делай.
На западе тускнеет свет.
Неразличимы лица.
И дальний голос мне вослед
Спивае про криницу.

– Гарно! – похвалила тётя Лена.

– Як у тэбэ це всэ складно выходыть… – вздохнула бабушка Степанида.

Я достал конверт. В нём было пятнадцать рублей, положенных мною в Корсуне после беседы с прокурором.

– Вот ваши деньги. Штраф несправедливо назначили. Я был у прокурора…

Бабушка и тётя переглянулись, покачали головами. Но перечить не стали и деньги тётя спрятала за божницу.

– Я завтра потолкую с соседом. Он у меня узнает, как изгаляться над беззащитными женщинами!

– Цёго нэ трэба, – решительно воспротивилась тётя. И бабушка тоже затряслася отрицательно головой.

– Почему не надо? – возразил я недоуменно.

– У сусида сыны таки, як ты. Рослы да дюжы. А ты для их москаль, або кацап. Батько так их воспыгав… Нэ трэба, колы не хочеш знов яку-сь биду накликаты, – возразила тётя.

И бабушка тоже вставила слово:

– Колысь, ще й когда Махно у Гуляй Поли анархистом був, казалы диды: «Хай гиршэ, та инше».

Через два дня я уехал и больше никогда не видел бабушку. Скончалась она в августе восемьдесят третьего. А через год тётя Лена приехала с сестрой Евдокией и племянницей Надей, дочерью тёти Антонины, к нам в гости на Дальний Восток. Общему счастью не было границ. Отец светился от радости и до самой кончины вспоминал о долгожданной встрече.

Вот и я не могу забыть то, о чём припомнил сейчас.

Поэтическая встреча

Тамара ВОРОНЦОВА

Я коренная амурчанка, родилась в пос. Магдагачи, а выросла на небольшой железнодорожной станции Дактуй. Моё детство – это весёлая речушка Ольга, земляника и красные саранки, лапта и коньки-«снегурки», сеноюсы, мама с папой, пионерские слёты, советские праздники... Моя юность – город Комсомольск-на-Амуре, первая любовь, первые разочарования... Мои зрелые годы – сыновья, карьера, установившийся быт, обретения и утраты... И во всём этом – неизменно рядом Поэзия.

Стихи пишу с 2009 года. Публиковалась в коллективном сборнике «Звездопад» (Москва, 2009), международном альманахе «Родники любви» (Ташкент, 2010), альманахах сетевой поэзии «Паутина» (Киев, 2010) и «Строкой отмеренных лет» (Киев, 2011), на сайтах «Стихи.ру» и «Неизвестный гений», на форуме «Мирком»... В настоящее время живу в пос. Новобурейский.

Стихи

А жизнь бунтует

Картинки за окном обнажены –
Зализан ветром выстуженный дворик,
Сорока так стрекочет на заборе,
Как будто наклевалась белены.
Нет ни теней, ни юркого луча –
Бледнеет нерешительное утро,
Итишина настолько неприютна,
Что хочется за птицей вслед кричать
И, смяв невозмутимость декабря,
Сбить глухоту космического уха,
Чтоб разыгралась буря-завируха,
И ждать, пока виски не отболят
Пустым раздумьем – чем унять тоску...
А жизнь ещё бунтует в буднях быта,
Пока родное слово не забыто
И снег не набивается в строку...

Душа на карантине

Простуженный январь. Душа на карантине.
Невнятный лепет слов, набившихся в строку.
Зима грозит пургой, ярится без причины,
И память шелестит, подобно сквозняку.

Во времени разбег на пояса и годы –
Меж нами пыль снегов и заросли дождей,
В перебродивших снах заоблачной свободы
Затеряны следы крылатых лошадей...

Сужает день зрачки. Преддверие заката.
До клейкого листка ещё полсотни выиг.
Сойдёт с календаря очередная дата,
И ледяная ночь потянетесь к жилью.

Настроение

Холодное утро. Молчание снега
Услышишь, ещё не вставая с постели.

Зима перепутала альфу с омегой –
Плутает по городу, словно с похмелья.

Растерянный март, не причастный к ошибкам,
Снимает с ветвей белоснежные сгустки,
И кажется всё невпопад в этом зыбком
Расхристанном мире... И как-то по-русски

Весна прибывает – с ленцой, бестолково.
Душевная хворь – неизменною свитой ...
В надежде на силу целебного слова
Без пользы слоняешься по алфавиту –

Найдённой строкой устраниться от боли,
От памяти едкой сгоревшего лета,
От пристальных глаз короля карамболя,
В игре зацепивших тебя рикошетом...

На белых тропинках по-зимнему зябко,
Среди многоточий – неясные знаки...
Совсем не ко времени – запахи яблок
И слёзная грусть февраля Пастернака...

Повилка

Отпрянет от окна пугливый день –
Утонет в сонме прожитых недель
И в прошлом затеряется до клика.
У памяти смятены падежи –
Плетёт, плетёт сомнения души
Бессмысленно ночная повилка.

А город спит в объятьях февраля,
Лишь бритые в нулёвку тополя
Бредут куда-то, тьмой прикрыв уродство...
Повсюду снег, и нежится строка,
И ты уже во власти языка,
И щурится с обложки мудрый Бродский,

Ему известно: слово «никогда»
Измучит беспощаднее стыда,
И будущее лучше бы не трогать...

Со Временем опасны кутежи,
Любимые уйдут в другую жизнь
И не вернуть ни Нобелем, ни Богом.

Не трогаешь... Прощён был, кто ушёл.
Остались – лёгкий ветер за душой
И прелый запах облетевших вишнен...
Ещё – свобода, словно оберег,
И этот бесконечный колкий снег,
Да милости, обещанные свыше.

Март

Март немного горчит, под грачным крылом
Согревая дыхание утра.
Оголённого неба пустой окоём
Лёгкой дымкой тумана окутан.

Всё теснее под кожицей почек весне,
Мечет бисер серебряный верба,
Догорает в оврагах обугленный снег,
Свежий воздух и влажен, и терпок.

Голосами пернатых щебечет эфир...
Сквозь сырой прошлогодний валежник
С любопытством дитята таращится в мир
Удивлённый весною подснежник!

Предвесенное

Привереда-зима напоследок разгульна,
Между тем, как резонно заметит Эвтерпа,
Наливается розовой кровью багульник
И к пасхальным обрядам готовится верба.

Прошлогодней тропинки чернеет полоска,
О случайному прохожем трезвонит сорока,
И толпятся дубки в грязно-рыжих обносках
В ожиданиях животворящего сока.

Ослабевший февраль вязнет в рыхлых сугробах,
Плавит солнце пласти отболевшего снега...
Ни беды, ни хандры, ни сердечных ознобов –
Лишь целебная просинь ожившего неба.

Весеннее рядовое...

Подсластила ночь к утру короткий сон
И пропала в переулках тишины,
Закатилась за неровный горизонт
Перламутровая пуговка луны...

Тонкий луч упал на крыши городка
И на кроны гарнизона тополей.
Начиная новый день с чистовика,
Мир опрятнее казался и светлей

И сквозил неудержимо весной
Вдоль фасадов, тротуаров и дорог...
Вдохновенно у небесной проходной
Первый дождик собирал на землю Бог.

Майское

В разгаре весеннего дня
Свершается всё по сезону:
Усердных букашек возня
В зелёном подшёрстке газонов,

Сирени – густой аромат,
Пчелиные первые взятки,
И солнцем забрызганный сад,
И ветер, играющий в прятки.

Прозрачные прописи птиц...
И в тайне небесного света –
Следы голубых колесниц,
Вращающих время на лето.

* * *

Ещё посапывает леший
И щепетильна тишина,
В туман, как сливки, загустевший,
Ныряет мутная луна...
Но утро высовывает страницу,
И не смущаясь, на виду
Восхода розовая птица
Склюёт последнюю звезду.

Этюд в дожде

Июль жарою не грозит –
Дождём безудержным изморен...
Вон – снова хлещет, чёрт возьми,
Откуда в небе столько моря?

Всё громче всхлипы тополей,
К окну причаливает утро,
И ливень лупит по земле,
Не разбирая время суток.

Нет в мире действий без причин
И в небесах – свои убытки...
И понимающие молчат
Душа, промокшая до нитки.

Ночь с кислинкой...

Ветра вымокшего вздохи,
Ночь с кислинкой мирабели,
Всюду рябь осенней охры
И размытой акварели...
Вновь господство монитора –

Ненасытного магната,
И окно за лёгкой шторой –
Казимировым квадратом.
Темнота.
Готовность боли
Разжимать зрачки и душу.
Вводишь в прошлое пароли –
Голос памяти послушать,
Выбираешься из плена
Осмотрительного эго,
Но отрывистым рефреном –
Только собственное эхо,
Только эхо...
Ночь всё глупше,
Щурит глаз фонарь дворовый,
И в строку из лет минувших
По слогам сочится слово...

Ожидание

Не вини в тайном умысле осень –
Полыхать ей открыто пожаром...
Боятся в окна ослепшие осы,
Обезврежены острые жала.

Жмётся к сердцу ранимая память,
Словно стаей забытая птаха,
И песком высыпается камень
Из-за пазухи бывшего страха.

Обнажается суть оберега...
Всё по кругу – и боль, и расплата,
И в молчании первого снега
Ожидание точки возврата.

От редакции. Стихи, которые вы прочитали, поразили нас, редакторов альманаха, своей удивительно чистой интонацией, музыкальностью, точностью подобранных слов, кристальной прозрачностью и одновременно «вещественностью» узнаваемо-неповторимого дальневосточного пейзажа – в разное время года и суток, при разной погоде, меткостью сравнений и выразительностью деталей. И какой-то совершенно невероятной для непрофессионального автора, поистине феерической метафоричностью – свежей, незахватанной. И своей интеллектуальностью и утончённой ассоциативностью. Но особенно – красотой и поэтичностью души лирической героини, той теплотой, мягкостью, сердечностью, которую излучают стихи Тамары Воронцовой.

Регина ПОЛИВАН

журналист

От редакции. Имя Регины хорошо знакомо читателям альманаха. Начав публиковаться на страницах «Амура» ещё со студенческой скамьи, она сохраняет верность изданию, помогающему увидеть, как совершенствуется её мастерство и расширяется творческий диапазон. Когда-то редакторы альманаха выразили надежду, что «стихи Регины подобны подростку, пока ещё нескладному, немножко “зажатому” и инфантильному, но обещающему “вырасти” в интересного человека». Думается, эта надежда осуществляется!

Стихи

Вода

1

Рыбина уходит в глубину,
Рыбина зевает, как со сна.
И всего за несколько минут
Заживает рваная десна.

Там, на дне, всё можно, всё своё.
Рыбина пускает пузыри.
Хорошо Офелия поёт
Из старинных песен попурри.

Ей, как рыбе, сделалось тепло
Под водой, текущей в никуда.
Что ещё пока не зажило,
Заживёт – на то ведь и вода.

2

На старые овальные часы,
застигнутые в полдень или в полночь,

глазеет с любопытством чей-то сын.
И хочется ему прийти на помощь
часам и оживить их механизм,
пошевелив заржавленные стрелки,
чтоб потекли минуты, словно реки,
куда-то вниз, и вверх, и снова вниз.
Но мальчику покуда невдомёк,
что дело не в часах, не в циферблате.

Течёт река. В ней плещется малёк.
А взрослой рыбе времени не хватит.

* * *

Никто не жалуется вслух,
А лишь тайком и то без веры.
Хоть раз почувствовав испуг,
Уже не станешь Робеспьером.

Так, Гулливером в Бробдингнег,
Где всё солиднее и выше

И ты – совсем не человек,
Раз даже ростиком не вышел.

Вершок от кухонной плиты,
С кастрюлькой глупое соседство.
Почти забыты, как латынь,
Язычество и диссидентство.

И даже спросишь – промолчат:
Вот, мол, живём, чего ещё нам?
И только в спальнях по ночам
Мужья о чём-то шепчут жёнам.

24 и 30 июня 2014

Плоды

По реке проплывают плоты,
А быть может, простые плоды –
Слишком спелые, чтобы висеть,
Утонуть или броситься в сеть.

Плодоножка, зерно, кожура –
Динамит без огня и шнуря.
Кувырок, поворот головы,
Минованье земли и травы.

По течению сверяя маршрут,
Пара сотен офелий плынут.
Не подобраны, не учтены.
Раз без цели – так нет и цены.

7 июля 2014

* * *

Сегодня ночь здесь делает Китай,
а наша бухта щурится едва лишь.
И берега с рекой как три кита –
по плавникам их только и узнаешь.

Но тот, что в центре, стоит остальных,
Он кормчий и старейшина по праву.
И левый бок его скребёт тальник,
а небоскрёбы подступают справа.

Взгляни за борт – вода. Взгляни в бутыль
соседей-однопалубников – пиво.
Здесь без него не видно красоты,
вот все и прозревают торопливо

и смотрят на китайские огни,
пытаясь скрыть беспомощную зависть
за фразой «Мы бы тоже так могли,
когда бы хоть немного постарались».

Но что-то не срослось – ивняк, камыш,
бетонный шов, разбитые ракушки
и левый берег – тёмный, как и мы.
Всё яркое по-прежнему снаружи.

18-21 августа 2014

Репост

Есть ещё города, где не то чтобы гладь или глуши,
Но повадки провинции, так узнаваемо тесной.
Там почти одинаково выглядят кукиш и куш,
И нарочно для сельди пекут ежедневную прессу.

Там в саду городском, где и пони, и тир, и оркестр,
Разноцветной эмалью раскрашены пни и скамейки.
И скрипят карусели, видавшие виды: «Окей,
Мы ещё покатаем и ваших наследников мелких».

И не врут, между прочим, хоть замысел этот не прост,
Но сбывается, словно бы кто-то подслушивал возле.
Потому что в таких городах неизбежен рапорт
Как единственный способ не выпасть из времени вовсе.

Каменный мяч

Видишь каменный мяч? Он сто лет пролежал на крыльце.
Кто его положил туда, умер полвека назад.
А мячу хоть бы что, он по-прежнему гладок и цел.
Белый шар – это то же почти, что и чёрный квадрат.

Этот мяч – заблуждение, выдумка, детский пустяк.
Кто его положил на крыльце, лишь затеял игру,
Но она продолжается даже столетье спустя,
Наполняя объёмом все плоские вещи вокруг.

Со ступеней тот шар не скатить, не подбросить в руках,
Бесполезна округлость его и немного смешна.
Но зимой даже он оставляет нас всех в дураках,
Так легко принимая обличье большого снежка.

Анжела МУФТАХИТДИНОВА

выпускница БГПУ 2014 г.

От редакции. Первая публикация стихов Анжели Муфтахитдиновой состоялась на страницах «Амура» в 2011 году – тогда она была студенткой истфилла БГПУ. Нынешняя подборка теперь уже выпускницы при очевидной узнаваемости творческой манеры свидетельствует об изменении горизонтов, об обращении к иной проблематике. Теперь поэтессу интересует уже не «близость душ» и поиск единения с тем, кто «один по жизни бредёт». Новые стихи А. Муфтахитдиновой – о принятии себя, о готовности «всю жизнь в сомнениях прожить» и растиать в многолюдье, и всё-таки петь «гимн жизни без стальных одежд».

Стихи

---

* * *

Как бы сейчас сказали,
Я прожила этот День глупо:
Смеялась и отдавалась чувствам без остатка.
А по мне лучше так,
Чем быть манекеном-куклой
С одной выхоленной эмоцией
Гладкой!
Как бы сейчас сказали,
Я не могу определиться, кто я.
А по мне
Лучше всю жизнь в сомнениях прожить,
Чем в одной очереди стоя!

* * *

Сломалась в одиночасье –
Лечилась в полнолунье.
Всевластная без власти,
Всем чуждая молчуны.

Сольюсь в многоголосье,
Растаю в многолюдье,
Ведь большей нет напасти,
Чем сердце на распутье...

* * *

Окрылённую
Цепями будней не сдержать!
Проторённою
Тропою не хочу бежать.
Стремлюсь я ввысь –
За радугу надежд,
Пою гимн жизни
Без стальных одежд.

Малая проза

Александр ГЕРАСИМОВ

выпускник БГПИ 1977 года

От редакции. Александр Герасимов, ныне прочно обосновавшийся на противоположном от нас краю России, продолжает из Калининграда радовать читателей «Амура» своими «картинками вспоминаний прозрачных призрачных дождей». «Наивные рассказы» эти – о трогательной дружбе с лесным мышонком, об охотнике, берущем с собой в тайгу томик Пушкина, о поездке с Солженицыным в «захолустный городок Поднебесной» – позволяют автору вновь возвращаться мыслями на малую родину, а читателю – открывать для себя её незнакомые стороны.

Рассказы

Александру Урманову

ОТОРОПЬ*

Через заросли красно-бурых кустарников, тоненьких блестящих осинок-берёзок мы вошли в зимний лес. То была опушка, воротничок леса. Но здесь деревья степенные, высокоствольные. Остановитесь, прислушайтесь к своему дыханию. Воздух свежий, студёный. Чистым снегом пахнет. Хорошо!

Славный снег выпал, мягкий, пушистый. И целёхонькие снежинки россыпями бриллиантов светятся, сверкают, искрятся; несмелый ветерок, шёпотом гуляющий среди деревьев, их легче пуха подхватывает и бережно опускает. А бывают снежинки как крупка, они белыми рыхлыми градинками выпадают, как сахарная пудра, как мерцающие звёздочки, как мохнатые пёрышки, такими художники на картинах любят изображать, но эти – самые красивые, ажурные, лучистые – из детства, тогда, упав на ладошку, они казались огромными и сказочными, но, к великому огорчению, тихо истаивали и растворялись.

Солнечно, но оттепелей и сильных ветров не было, оттого не взялись снега корочкою наста. В сугробах снег тоже разным бывает: воздушным, шелковистым, бархатным, колючим, жёстким, клёклым, волглым – не счесть, всевозможным. А какие разные случаются снегопады: глухие отвесные, косящие наклонные, карусельные, а ещё – слепящие метели и хлесткие метелицы, разгульные выруги, тоскливы завирихи, заверти, замети, позёмки… Ух, попадал я в снежные передряги – как-нибудь расскажу, если не очень торопитесь.

Сегодня снег радостный. Праздник, а не снег.

Дробинки следов видите? Эту строчку мышонок оставил. Пробежал немного, припорощенные сухие былинки понюхал, развернулся, чиркнул тонким хвостиком пышный снежок, заспешил дальше и нырнул в рыхлую норку. Сейчас он под снегом – в придавленных опавших листвиях у него лабиринты проходов и уютное круглое гнёздышко, выстланное мягкими сухими травинками и пушинками увядших цветов. С одним таким мышонком я дружил.

Много лет назад работал на таёжном Севере учителем. Там настоящая тайга начиналась сразу за домами посёлка лесорубов. После школы, а иногда и до уроков, я

ходил в таинственные чащи. Ступал по мягкому толстенному, годами нараставшему ковру осыпавшейся лиственничной хвои – идёшь, затаив дыхание, потому что шагов своих не слышишь. Бродил дивным таёжным ручьём, вода в нём чистая-чистая, и гладкие камешки на дне словно колышутся, пытаются обогнать один другого.

А однажды я заблудился. Когда неблизко уходил, старался придерживаться чуть приметной тропинки, набитой охотниками к дальним озёрам и зимовью. Но тут увлёкся табунком рябчиков, всё время отлетавших от меня, стал за ними продираться через цепкие кусты, обходить завалы рухнувших деревьев, вывернутых корней и запутал. Был конец октября. Небо мерклое. Меленькие снежинки мельтешат. Знобко мне стало. Решил в посёлок возвращаться. Пытаюсь на тропку выйти, да найти не могу. Стараюсь одного направления держаться, пробиваюсь сквозь дебри, а вновь свои же рыхловатые следки на снежной порошице вижу, – оказалось, что круги наворачиваю. Всполошился. Неужто в тайге ночевать придётся? С собою даже спичек не взял, обут в ледяные сапоги, ноги стынут. Назавтра у меня – день рождения, двадцать пятое. Вот попал… А может, попытаться выйти по своим следам, – рассуждаю, – пока их ещё не совсем присыпало. Разворачиваюсь и по едва различимым отпечаткам резиновых сапог начинаю распутывать собственные блукания. Долго ли коротко, а вышел-таки на знакомую тропиночку. И едва успел, потому как запорхали большие лохматые снежинки, и натоптанное мною скрылось, исчезло в белом саване. От сумятицы и беготни распалился, вымотался. Сел, привалился спиной к лиственнице, ладони в рыхлый снежок опустил, а там кустики брусники, а на них твёрдые шарики. Коченелыми пальцами веточки прочёсываю и мёрзлые ягодки с чистым снегом в рот отправляю. И так мне хорошо стало! С кем бы радостью поделиться?

Тут-то он и появился. Лесной мышонок. Тёмный на снегу, кругленький. Нащупал в кармане батончик с изюмом, в школе купленный, отламываю кусочек, протягиваю зверушке. Подумав, тот подбегает, осторожно нюхает, доверчиво берёт угощение в маленькие лапки и быстренько уносит под ворох опавших листвьев. Покру-

тившись, пошуршав в своей крохотной берлоге, возвращается. Немного погодя от моего батончика ничего не осталось. Из смурого ненастливого неба лохматый снег полетел охапками. Я попрощался с маленьким приятелем и поспешил домой. Снегопад усиливался, густел, а когда я подходил к посёлку, стал таким плотным, что вытянутой руки невозможно увидеть.

Ночью я сочинял письмо девушке Люсе о первом снеге и забавном мышонке. Любимая связала и подарила мне красивый шерстяной пулlover солнечного цвета, он меня грел, в печке потрескивали, шипели и пищали сырье поленья, пахло смолою, а снег за мокрым окном всё падал и падал. Но утро было восхитительно погожее, лучезарное. С хорошим настроением отведя уроки, купил два батончика с изюмом и заторопился в заснеженные кущи. Рыхлый снег был по колени, но я бороздил его не хуже вездехода. Смог найти вчерашинюю лиственницу. Под нею на первоснежье увидел бисерные тропочки моего дружка. Через малое время он и сам обнявился, узнал меня, побежал и привстал на задние лапки. Один батончик я покрошил ему, другой съел сам. Так и отместили мой двадцать второй день рождения. Мышонок был внимательным и отзывчивым собеседником.

Я ещё с неделю приходил к маленькому другу, приносил лакомство. Конечно, я считал себя серьёзным взрослым человеком, в тайгу ходил вовсе не для этих

встреч. В руках у меня были то ружьё, мечтал добыть царственного глухаря, то спиннинг с удочкой – на благодатного тайменя. Но в трофеях случались только рыбчики да хариусы. Потом повалили непросветные дремучие снега. А когда погода наладилась, раза три пытался найти ту лиственницу и не отыскал. Огорчался, успокаивал себя, что в норке под пухлой снежной периной крохотному мышонку должно быть тепло, а запаса моих гостинцев хватит надолго.

Давно была та история. Девушка Люся стала моей женой – получив в подарок вязаный ею пулlover, посчитал, что обязан жениться. Я уже не пишу простодушных писем. Некому. Но иногда сочиняю наивные рассказы. Будто бы с кем-то беседую. Как с тем чутким мышонком в тихой тайге на снегу под высокой лиственницей,бросившей до весны свою мягкую хвою.

Ну вот, опять вы куда-то спешите. Понимаю. Не до беспечных прогулок. Дела. Да и эка невидаль – лесные мышки. А они, между прочим, в отличие от полёвок и серых домашних, замечательны незаурядной сообразительностью и бесподобным проворством, даже по деревьям умеют лазать.

*Это слово, как известно, имеет много значений, в том числе: замешательство, растерянность, недоумение, изумление.

Сентябрь 2014 г.,
г. Калининград

ГДЕ ЦАПЛИ НОЧУЮТ?

– Сам-то охотник, нет? – первый вопрос человека с соседней койки. На верещавшей вихлявыми колёсиками каталке меня только что ввезли в палату, медсёстры и санитар перевалили на жёсткую кровать-трансформер, воткнули в обе руки стальные иглы капельниц и ушли. В вопросе моего соседа было столько надежды, что огорчать его я не посмел. Но и ответить не успел.

– А зовут как? Меня – Валерием.

Я назвался, сказал, что сейчас предпочитаю рыбалку, тихую охоту без выстрелов. А по молодости с ружьём бегал.

Как-то сразу сошлись. Двум добродушным инфарктникам с соседних больничных коек всегда есть о чём потолковать. И переговаривались мы часами напролёт: с предрассветных зимних сумерек, пожелав друг другу доброго утра, днями, вечерами и ночами, включив либо позабыв зажечь прикроватные светильники. Когда ты лежишь в больнице, время суток не имеет значения. Тем более что молоденькие медсёстры цокают каблучками по коридорам, хохочут, гремят и разговаривают, никогда не снижая децибела с дневных наочные.

Вставать ещё не разрешали, к нашим рукам тянулись прозрачные щупальца капельниц. Но по ночам мы слезали с железных кроватей и, взяв в руки шаткие штативы с провисшими бутылочками физраствора, подходили к окну, смотрели с пятого этажа на блеклую безлюдную улицу, хозяевами которой в эти часы были стаи бро-

дящих собак, перебегавших дорогу то в одну сторону, то в другую, да ещё кареты «скорой помощи», раздражённо сверкая маячками, подкатывали и отъезжали.

Валерию семьдесят, мне пятьдесят пять. Мы в той возрастной поре, когда пятнадцать лет разницы уже не разделяют. Разговаривая на «ты», увлечённый беседами, я так и не удосужился узнать отчество моего товарища. А фамилия его – Щепкин, он пошутил: «лесная фамилия». Сам – сухой, сутулый, долгоногий, лицо тёмное, в глубоких бороздах.

– У меня любовь к лесам, озёрам, рекам, лугам – от отца. Когда ещё мальчионком был, жили мы в таёжном посёлке. Красота там – умирать не надо, не налюбуешься. Отец уйдёт на охоту, через недели возвращается измотанный, худющий, а глаза – глазища огромные – счастьем светятся. И не трофеям был рад, я чувствовал. Уже тогда меня к походам приучал, про тайны и загадки лесного мира рассказывал.

Повествовал мне Валерий о своих походах и охотах. Скудная вселенная больничной палаты и апокалиптического пейзажа ночной улицы теряла границы. Представлялась великая тайга, наполненная тайнностями. Виделись дышащие нежными туманами тёмные лесные озёра. Трепетная весна, томливое лето, полная чарующих красок осень, сказочно-снежная зима с морозами, от которых «даже зубы мёрзнут».

О своих недугах мы не поминали. Никогда, ни разу.

Однажды в полночь через распахнутую дверь увидел, как санитар на повизгивавшей каталке провёз умершего, с натянутой на лицо простыней. Бедняга, – подумал я, – поверил смерти. А лежал бы с Валерой в палате, слушал наши разговоры, может, и жил бы ещё. Потерянная работа, предавшие друзья-приятели, несбывшиеся надежды... Разве стоят они существования жизни? Даже то, как наши хорошеные медсестрички каблучками звенят – достойно большего внимания.

По понятным причинам обитателям нашей палаты волноваться нельзя. Но без эмоций рассказывать об охоте Валерий не мог:

– Охота – страсть, азарт, праздник. Я на водоплавающую, реже – на боровую дичь хожу. Никогда не было цели набить побольше. Как-то с братом за город выбрались, и он из нового ружья выстрелил в табушок куличков. Семь птиц упали. Вся стайка, весь выводок! Оба расстроились. Больше с тем ружьём брат на охоту не ходил... Сам стреляю метров от сорока пяти до семидесяти. Надо дать шанс и птицам, и себе.

Признался в «причуде» – отовсюду вычитывает и заучивает наизусть стихи об охоте. Зимой собирает стихи, снаряжает патронташи, чистит любимые ружья, пряча от окружающих нарастающий мальчишеский восторг ожидания сезона охоты. Маленькое сумасшествие разумного человека, дедушки и прадедушки.

Даже не глядя на соседа, я слышу, как тот улыбается. Что-то вспомнил. Оказывается, стихи:

Охота – это жизни повесть,
Где каждый шаг своё сулит.
Не раз меня в угодьях совесть
И очернит, и обелит.

– А вот ещё, из другого поэта:

Внезапно дождь мой лоб остудит,
Туман дорогу украдёт,
Дурак печаль мою осудит,
Веселья умный не поймёт.

А стихи-то, чувствуется, написаны со знанием темы. Авторов Валерий не запомнил. Сказал, что в последние годы в дальние таёжные походы берёт с собою старенький томик Пушкина.

– Валера, – напрягаю я память, – Александр Сергеевич стихов об охоте почти и не писал.

– Мало писал. Не успел. Пожил бы с моё, обязательно бы про охоту написал. Я ведь благодаря природе и стал Пушкина понимать. Когда в тайге неделю-другую проведу, появляется во мне какое-то равновесие. Как будто очищаешься от всего наносного, и просветление приходит. Открываю Пушкина и начинаю сознавать всю глубину его поэзии, душевное настроение и чувства, с какими он писал. Только послушай:

И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.

– «Осень». Неоконченное стихотворение, – говорю я, а про себя отмечаю, как хорошо он произнёс пушкинские строфы.

– Неоконченная осень... – задумчиво вторит Валерий. – Но это погружение у меня только в тайге приходит. Дома сколько ни пытаюсь Пушкина читать, не могу такого добиться.

Много интересного я узнал о новом товарище.

Имеет в пригороде заветный садовый участок, там эксперименты проводит, растения прививает. Лично выведенные и разведённые плодовые деревья и ягодные кустарники высаживает не только на кровных сотках, а где душе заблагорассудится. На холмах степных барханов за речкой Ивановкой рассадил собственной селекции груши, облепиху, смородину, малину, а та, хотя и не прикопочная, размеров, говорит, огромных и урожаев для нашего края немалых. Тоже и в других местах: кустики высаживает и жестяные таблички к кольшкам прибывает: «Это для вас. Не ломайте». Образование – заочный техникум связи, работал электриком. А когда-то любимишь школьными предметами были ботаника и биология. С последней дисциплиной случилась в его школьной жизни занятная история.

Преподавательница биологии заученно пересказывала семиклассникам содержание школьного учебника, ни больше ни меньше. А Валерий его прочитал за два дня, было ему на уроках скучно. Учительница это заметила и невзлюбила. Как-то пришли проверяющие из районного отдела образования, заняли лавки задних парт, школьников по трое сгрудили на передние. Уже почти провела учительница урок, спрашивает у класса:

– Дети, есть вопросы по сегодняшней теме?

Здесь Валера Щепкин и встал:

– У меня есть два вопроса. Только они не по теме урока, а просто по биологии. Можно задать?

Представители комиссии кивают:

– Если вопросы интересные, задавай.

Он и задал:

– Первый вопрос: если дождевого червя разорвать на половинки, он будет жить? Второй вопрос: где цапли ночуют?

Учительница, хотя и нервничала, ответила уверенно: червяк, конечно, погибнет, а цапли ночуют, стоя на болоте, в камышах.

Потом, видимо, был скандал. Потому что директор школы на следующий день вызвал Валеру в кабинет, пристыдил, мол, нехорошо так учителя подводить и задавать каверзные вопросы. Как ей после этого его, оболтуса, учить?

Щепкин попросил разрешения сдать биологию экстерном. Директор подумал, согласился.

Спустя сколько-то дней целый час пытала его специально назначенная комиссия. Сдал на «отлично».

Рассказал мне сосед эту историю и замолчал. А я стал представлять себе серую цаплю. На наших озёрах и болотах её то там, то сям увидишь. Осторожно ступая голенастыми синюшно-розовыми ногами, зайдёт в воду повыше щиколоток, втянет длинную шею, голову с толстым острым кловом плечами сожмёт, ссугуится и сто-

ит замерши, задумчиво так, только глаза, жёлтые с чёрными ободками и угольками зрачков, живо и лукаво поблескивают. То днём. А где она ночью спит? Всё-таки не выдержал, спросил:

– Валера, я ведь рыбак. То, что половинки дождевых могут превратиться в полноценных червяков, с детства знаю. Но сколько ни ночевал на озёрах и реках, так и не задумывался – где цапли nocturne?

– Цапли? Цапли nocturne на деревьях.

Март 2011 г.,
г. Благовещенск

Поэту Станиславу Федотову

ВСПОМИНАНИЯ ПРОЗРАЧНЫХ ДОЖДЕЙ

Тук! – жёлудь упал, стукнулся оземь, подпрыгнул и замер, как затаился. Тук! – ещё один, рифлёная шапочка отлетела, а сам гладкий желудёнок покатился-покатился и затих. Тук-тук! – ещё упали. Дуб высокий, широченный. Если двое взрослых попытаются ствол обнять, даже кончиками пальцев не коснутся.

Приветливые дни бабьего лета минули, дождики наладились. Осенний дождь мелко сеется, да долго тянется – народная примета.

В пору прозрачных дождей хорошо в старом парке гулять под зонтом, задумчиво улыбаться и истории вспоминать...

Расскажу-ка я вам о встрече со знаменитым писателем, с тем, что мемуары о себе назвал «Бодался телёнок с дубом».

Двадцать лет прошло. Июнь девяносто четвёртого. Благовещенск, родной город на Амуре, я – руководитель телевидения областной телерадиокомпании, сам – и репортёр, и ведущий передач. Крепкое приземистое, но с псевдоготическими сводами, здание железнодорожного вокзала. Больше обычного милиции и узнаваемых «незаметных товарищей». Здесь же – люди разных возрастов, у многих в руках книжки, в пышной гриве хорошо намытых волос – начинающий бард с гитарой, – публика не похожа на суэтных пассажиров и тех, что примчались к поезду встретить родню. В стороне от толпы – без тени эмоций одинокий поэт. В начальственном единении, в сопровождении группы услужливых граждан, на краю перрона – глава областной администрации. С ним знаком накоротке, ещё недавно, когда тот был главным геологом области, общались на «ты». У него пушистая бородка и усы, думаю, не столько от геологического прошлого, а чтобы прикрыть по-детски пухлые губы. У меня бородешка похожая, только светлая, и роста мы одного – не маленьского. Здороваюсь, заговариваю о погоде. Хорошая погодка. Интересуюсь, что мой собеседник читал из писателя, которого встречаем. Глава морщит свой невеликий «украинский» нос, мол, «зэковской литературой не интересуюсь». Но подошёл поезд, писателя встретил радушно и нужные слова говорил.

Правда, искренность тоже была. Когда писатель через привокзальную площадь проходил к машине, в ноги ему бросился сухопарый старик, пытался поцеловать руку. Гость отпрянул, должно, принял за городского су-

машедшего. Про этого человека я ещё на закатной заре советской власти делал очерк для центрального телевидения, – несколько раз Москва показывала. Пятнадцатилетним мальчишкой в сорок пятом был маслёнщиком на пароходе, за опоздание на работу репрессирован, прошёл Свободненские лагеря, – в зиму дети из его барака по ночам замерзали насмерть, иногда десятками. Потом он стал капитаном парохода, скрытым диссидентом, и однажды, в семидесятые, на Амуре вместе с сыном бросился за борт – бежали в Китай, хотели уйти из него в «свободный мир». После китайской тюрьмы угодил в советскую психушку. Помнишь, когда перед стрекочущей кинокамерой он рассказывал о лагере, измывательствах в психиатрической больнице – закрывал глаза, как от невыносимой боли. Возможно, эту историю люди старшего поколения помнят, слышали. А уж видели его мои земляки не раз – это он ещё не так давно зимами в майке, полосатой вязаной шапочке, с чугунной гантелею в руках бегал по набережной и по улице Ленина, плавал среди льдин на соревнованиях «моржей», становился даже чемпионом мира по заплыям в ледяной воде. Писателя старик почитал за святого.

Машина с гостем протиснулась через людское скопище, автографы на подготовленные книжки зрители не получили, только взлохмаченному барду удалось по рукам через головы передать сложенный тетрадный листок стихотворного текста, посвящённого приезду знаменитости, – отчего был изумлённо растерян и безумно рад. А поэт со спокойной печалью в глазах так и остался одиночко стоять в стороне.

Незатейливого чиновниччьего фарса не только в нынешней управляемой, но и в прежней разгульной демократии хватало. Кортеж отправился на показательную погранзаставу, в школу пригородного благополучного села – маршрут отработанный для начальственных персон многими годами ещё при прежних властях. На месах уже ждали мои съёмочные группы и не только они – телевизионщиков и газетчиков собралось во множестве.

В нашем городе захотелось гостю посетить соседний берег Амура – попросил сопровождавший отца младший сын, синолог, китаевед. Отчего не поехать – обладминистрация срочно формирует тургруппу для безвизовой однодневной поездки. Мне удалось вклиниваться в плотные ряды чиновников в качестве телепрограммиста.

А надо сказать, что телевизионным освещением того исторического проезда гостя по России занималась польская телевизионная группа. У поляков был эксклюзив, и нас предупредили, что никто из местных и даже столичных телевизионщиков не имеет права подходить к классику с микрофоном и задавать вопросы. А если кто-то заговорит, то и сам будет иметь крупные неприятности, и гостя подведёт. Снимать со стороны можно, разговаривать – нельзя.

Раннее утро следующего дня. Гравийный берег Амура. Деревянные сходни-трап на гулкую железную баржу, к ней причален – покачивается белый речной паром. Два десятка зевак с новенькими, нечитанными, из магазина, томами писателя – «бллатные» – просочились сквозь охраняемую зону досмотра. Со стопкой книг – знакомый чекист-подполковник. Ждём гостя. Настроение горчёное. Поднявшись затемно, битый час искал дома драгоценную для меня книжку – «Новый мир» шестьдесят второго года с первой повестью писателя. Тогда журнал выходил в знакомой всем голубой (раньше сахар-рафинад упаковывали в бумагу такого цвета) обложке, но – твёрдой. Никогда ни у кого не брал автографа, а тут – решился, а книжку не нашёл.

Прибыл классик, покладисто, с лёгкостью подписал все протянутые книги – подставляли по несколько экземпляров – на подарки знакомым, начальству и впрок.

Телевизионные поляки с их польскими паспортами в тургруппу не попали, но какие-то мрачные «смотрящие» присутствовали.

Теплоход отшвартовывается, берёт курс в сторону Китая. Наш гость в благостном расположении, с любопытством смотрит в иллюминатор. Включаю полупрофессиональную камеру, прижимаю к щеке, начинаю снимать. Засланные в группу цербры насторожились, но, разглядев дешёвую телекамеру и не обнаружив в моих руках микрофона, расслабились. Я подхожу поближе к писателю и, преодолев робость, вполголоса с ним заговариваю. В камере встроенный микрофон. Классик отвечает на мои вопросы, произносит какие-то ностальгические фразы, расчувствовавшись, начинает говорить чуть громче, с волнительной скороговоркой и… Крепкие ребята жёстко берут меня под локти и отводят в сторону: «Вы грубо нарушили эксклюзивные права, в поездке по России никто не имеет право…», и так далее, с нешуточными угрозами. «Но мы же не в России, в нейтральных водах, вот уже и к Китаю подплыли», – я пытаюсь убедить видеокамеру и неуклюже вывести ситуацию на юмор. А тут и сын писателя вроде как за меня вступил. У работника моей компании, переводчика-гэбэшника, он только что занял юани на покупку чая, при этом оба довольно долго и обстоятельно выясняли и подсчитывали на бумаге курсы обмена долларов и рублей на экзотическую валюту.

Потом была экскурсия по захолустному городку Поднебесной. У сопровождавшего русского говорящего

китайца, их гэбэшника, я спросил, знают ли, кто приехал. – «Какой-то ваш писатель, лауреат Нобелевской премии». Обедали в новом, но уже умызганном ресторанчике. Накрыли нам два круглых стола. За одним – почётные гости и сановитые облчиновники во главе с тогдашним представителем правителя Руси. Тот, хоть и был косноязычен, пытался солировать-тамадить. Зачем-то похвастал, что все его боятся, что хватка у него бульдожья. Можно было и поверить. (Коренастый, широколицый, с оловянными глазами и узкой щелью рта в рядах загнутых внутрь зубов, свою должность представитель понимал в написании сигналов и наветов на всех, но, несмотря на эпистолярные заботы, по-моему, даже «Буратино» в детстве не читал.) За моим, вторым столом – чиновники и сопровождение второсортные. Выпивали, произносили какие-то дежурные, не очень уклюжие здравицы. Гость тоже принял несколько крошечных рюмочек шибко ароматной китайской водки, раскраснелся. Из застольных разговоров я понял, что все «наши», кроме моего переводчика, писателя не читали. Попросил дать слово, хотелось вырулить ситуацию. Точно не вспомню, что говорил, но заметил: гость оживился, на меня смотрел с интересом, улыбался, потом с учительской, как мне показалось, интонацией, спросил: «А что прочитали из мною написанного?» Я перечислил, оказалось, что прочёл практически всё, что у нас выходило. Обед окончился, вышли на крыльце под красные шары болтавшихся по ветру шёлковых фонарей. Все присутствующие захотели пройтись по магазинам, кроме главного гостя: «Мне бы где-нибудь поработать. В тишине на свежем воздухе». Я предложил проехаться к набережной Амура в парк китайского героя генерала Бансу, взялся проводить. Соотечественники и гости, рвавшиеся на шопинг, препоручить писателя в мои руки согласились с радостным облегчением. Нас подвезли к летне-зелёному парку, я провёл гостя по лесенке на вершину рукотворной каменистой горки, в уютную беседку из деревянных колонн с золотисто-красными драконами и парящей крышей пагоды с изогнутыми вверх углами. Писатель расстегнул кожаную «офицерскую» планшетку (везде с собою носил), достал карандаш. По глазам я понял, что человек утомился, хочет отдохнуть. Дабы не мешать, спустился в тихую аллею, охраняя покой гостя со стороны.

А ночью был спутниковый перегон отснятого мною материала в Москву. В далёкой аппаратной не поверили, что удалось получить интервью – «синхрон», очень долго переспрашивали: кто был корреспондентом, телеоператором, звукооператором съёмок.., не могли понять, что сделал это один человек. Обещали прислать щедрый гонорар. Мои кадры поездки великого писателя в Китай показали по всем федеральным телеканалам и даже в новостях мировых телевизионных компаний. Ни копейки гонорара я, естественно, не получил.

Такие вот картинки вспоминаний прозрачных прозрачных дождей. Как увидел, так вам и рассказал.

Октябрь 2014 г.,
г. Калининград

Ярослав ТУРОВ

От редакции. Каждый из опубликованных в «Амуре» рассказов Ярослава Турова – «Розовое на чёрном» (2008), «Награда» (2010), «Деда Ваня» (2011), «Яма» (2013) – новая ступенька уверенного творческого восхождения автора. Эти произведения, почти не повторяясь в жанрово-стилевом отношении, последовательно отражают вехи жизненной судьбы автобиографического персонажа: его взросление, обретение опыта, расширение кругозора, изменение представлений о мире и смысле бытия. И в каждом – острые социальные и нравственные коллизии, учащенно-сбивчивая пульсация современной российской действительности, яркие и живые образы современников. Рассказ «Агентство» открывает читателям альманаха новые грани и пластины сегодняшней реальности, заставляет задуматься о выборе, который встаёт перед каждым, кому небезразлична судьба нашей страны.

Рассказ

АГЕНТСТВО

Рассказ

Макс возвращался домой с очередной пьянки, когда ему пришла смска от Поли: «На президента было покушение, адок-адок!!!».

– Ну, офигеть теперь, – пробормотал он. Увы, денег на звонок подруге не было, поэтому он быстро набрал ответ: «Франца Фердинанда уже убили. Поздравляю с началом Третьей мировой!» – и отоспал.

Был приятный летний московский вечер, солнце уже пару часов как село, и на небе сквозь лёгкую дымку виднелись редкие звёзды. Потыкав в экран смартфона, Макс с разочарованием убедился, что мобильный интернет снова ни черта не грузит, а это значит, он не узнает, что же именно произошло, пока не вернётся в свою однушку, которую снимал на Калужской в двух шагах от метро.

Интересно, что бы это могло быть? Бомба в машине, отравление, выстрел из толпы? Да что угодно. У президента много врагов, хоть и рейтинг зашкаливает в последнее время. Макс шлёпал кедами по почти безлюдной улице и представлял, какой переполох сейчас в Агентстве. Если уж на мирной пресс-конференции министра иностранных дел Лаврина все носятся по редакции сломя голову и орут «Молни, срочно молни!», то сейчас вообще должно твориться нечто невообразимое. Не Агентство, а Хогвартс какой-то. Особенно жалко ему было дежурного по внешнему мониторингу, так как именно ему предстояло сегодня закрывать эту новость. От того, насколько оперативно он это сделает, зависело, опередят их сегодня конкуренты или нет. После каждого подробного мегасрочника дежурный находил у себя на голове пару седых волос.

Пройдя мимо палатки, где абреки торговали шармой, Макс нырнул в подъезд панельной многоэтажки. Влетев в квартиру, он первым делом бросился к ноутбуку, хотя был страшно голоден и очень устал за день. Интернет услужливо загрузил новостной терминал. Его ждало разочарование: инфа о покушении была всего лишь версией засекреченного источника, которую под кучей оговорок дали конкуренты. На самом деле над Украиной сбили малазийский самолёт с тремя сотнями

пассажиров на борту, и какой-то конспиролог по большому блату ляпнул корреспонденту, мол, целили в самолёт президента, который якобы пролетал в это время над той же местностью. Причём сам гарант Конституции в этот момент находился в Бразилии на саммите БРИКС.

– Ну, щас начнётся, – пробормотал Макс, забрасывая носки в дальний угол комнаты и заваливаясь с ногутом на кровать прямо в рваных джинсах. И действительно, началось...

В Агентство он устроился случайно. Однажды перед самым выпуском из университета Макс случайно попал на ярмарку вакансий, куда никто из журналистов, кроме него, почему-то не пришёл. Пройдя пару собеседований, Макс стал корреспондентом крупнейшего новостного агентства и бойцом невидимого фронта по совместительству. Он никогда особо не горел желанием участвовать в информационной войне, но на то она и война, чтобы не спрашивать, кто чего хочет. Впрочем, ему было наплевать. Задачей Макса стало каждый день по сотне раз окунаться в могучий поток нечистот, выливаемых на Россию, и пытаться добывать из этого потока хоть какие-то крупицы адекватного. Макс неплохо знал английский, сносно немецкий и чуть-чуть французский, который изучал ещё в школе, потому ему было поручено мониторить западную прессу. Иногда его отправляли на пресс-конференции – «прессухи», и Макс старался выудить из потока сознания спикеров нечто, что редактор не назовёт шлаком.

Дурдом – такое впечатление создалось у Макса в момент, когда он впервые переступил порог редакции, которую все здесь именовали *«новсрумом*

. Огромные ряды компьютеров с уткнувшимися в мониторы людьми, снующими туда-сюда корреспондентами (*корами*), пронзительно зыркающими редакторами-надсмотрщиками и постоянным шумом ударяющихся о клавиши тысяч пальцев, который сливался в шелест то ли морского прибоя, то ли листвы в лесу. До прихода в Агентство всё это Макс ещё мог себе вообразить, но истощные крики «Молни скорей!», «Даю срочняк!» первое время вызывали у него лёгкий ступор. Впрочем, ко всему можно

привыкнуть – уже спустя три дня Макс смылся с мыслью, что он – «ватник», «колорад», «москаль», «холуй» и т.п. Разумеется, так писали только украинские сайты, и перестать обижаться на это не стоило особого труда. Европейские пропагандисты были куда интеллигентнее, у них всегда находились и изощрённые аргументы, и примеры из истории, и утончённый троллинг, противостоять чему было сложнее, так что Максу сперва было не просто избавиться от мысли, что они правы, а он сам занимается чем-то не тем. Но и это, словно насморк, быстро прошло.

Кроме самого Макса в отделе мониторинга работало ещё человек десять, и у всех был свой чёткий график, глядя на который Макс лишний раз напоминал себе, что он – всего-навсего шестерёнка гигантской машины. Руководила отделом Таня Морган, невысокая блондинка с суровым взглядом. Макс не мог выдержать его дольше шести секунд, ему казалось, что он стоит перед ней абсолютно голый. Таня было под тридцать, но при общении создавалось впечатление, что она минимум вдвое старше. Она будто на троне с царственной осанкой восседала во главе их стола за двумя огромными мониторами, расставленными под углом, как страницы большой колдовской книги. Таня всегда знала всё абсолютно про всех, и Макс понятия не имел, как у неё это получается. На двух её рабочих столах были одновременно открыты сотни окон и программы с новостями на трёх языках, и Таня каким-то чудом умудрялась одновременно прочитывать их все, параллельно отдавая задания насчёт того, что достойно внимания Агентства, а что нет. В её спокойном уверенном голосе, которым она говорила Максиму «Пиши про ИГИЛ» или «Разберись с Асадом», крылась такая сила, что у Макса каждый раз словно перехватывало дыхание, и ему оставалось лишь судорожно кивать, чтобы показать: он всё понял. Где-то в глубине души Макс догадывался, что испытывает к Тане нечто большее, чем уважение и боязнь – это было похоже на какое-то мазохистское вожделение, какое некоторые жёны испытывают к мужьям в момент, когда те их бьют. Но от этого чувства Макс тоже предпочитал прятаться за толстым слоем брони из пофигизма.

За день Максу удавалось написать от пяти до десяти текстов. Это были маленькие новостные заметки в несколько абзацев, причём структура их была жёсткой, как железный гвоздь. Заголовок, лид (первый абзац статьи, цель которого – захватить внимание читателя), источник, цитата, контекст, подробности, бэк (фон, на котором происходят события). Только в таком порядке, никак иначе, за отход от канона – расстрел на месте. Отшлифованные до блеска кусочки информации один за другим вырывались из-под пальцев десятков людей за компьютерами и попадали в новостной терминал, на который было подписано множество газет, госучреждений и других информагентств по всему миру. Каждая третья новость из терминала переносилась на главный сайт, который прочитывали ежедневно миллионы человек. Всё написанное за день рождало определённый мир, некое фиксированное пространство, в котором можно было до-

вольно комфортно существовать. Макс догадывался, что, пока это пространство не разорвано на части встречными потоками «чужих» новостей, существующий в России порядок незыблем.

Весь день с поздней ночи и до вечера следующего дня гул стучащих клавиш в Агентстве не умолкал ни на минуту. Уходя с работы, Макс еле передвигал ноги – ему казалось, он целый день пахал плугом поле. Он написал восемь текстов, пять про упавший Боинг и три – про очередную волну санкций Евросоюза. Переполох вокруг катастрофы только начался, а его уже тошило от всего этого. Разумеется, многочисленные бездоказательные обвинения Запада о причастности России к катастрофе ему приходилось жёстко фильтровать, но уже то, что каждая вшивая газетёнка на английском старалась хоть как-то поддеть президента и русских, его дико раздражало. Нужно было срочно разгрузить мозг, и он отправился в свой любимый «Жан-Жак» в Китай-городе, где его ждали Прок и Поля, его друзья.

– А вот и наш бумагаратель, – ухмыльнулся через густую бороду с закрученными кверху усами Серёга Прокопьев, или просто Прок. В руке его поблескивал бокал с красным вином. Шато Рейссон 2009, два кокарса за бутылку – машинально подметил Макс.

– Я в последний раз писал на бумаге, когда подавал заявление на журфак, – хмыкнул он, садясь напротив Поля. – Почерк у меня щас, наверное, как у первоклассника.

– И это корреспондент одного из крупнейших Агентств нашей необъятной родины?! Куда катится мир? – прикрыла глаза ладонью Поля, так что её густые чёрные кудри зашевелились, как змеи.

– Миру определённо скоро конец, так что предлагаю за это выпить, – сказал Прок, налил вина в пустой бокал Максу, и они чокнулись. Вино оказалось кисловатым, но Макс не подал виду, так как платил за бухло не он.

– Ну, как там ваши с Боингом сегодня? – спросил Макс, бросив взгляд на Поля. Она была редактором пользовательского контента на сайте московской либеральной радиостанции.

– Не спрашивай, это какой-то адок. Мне пришлось переться на работу вчера в десять вечера, когда я тебе написала, и разгребать всё это вместе с остальными, хотя это вообще даже не моя тема! Удалось спать несколько часов на диванчике, а потом опять вкалывала до вечера. Главред меня только час назад отпустил.

– То-то я смотрю, ты похожа на труп из последней серии «Ходячих мертвецов», – съязвил Макс и тут же сильно получил увшанным перстнями кулаком в плечо. – Ай! Ты хоть кольца снимай, когда бёёшь! А то нашим завтра придётся выпустить новость под заголовком «Корреспондента Агентства до смерти избил либерал из пятой колонны».

– На себя посмотри, крымнацист, – буркнула Поля.

– Да вы вообще, журналиги, оффонарели, скоро в плотки друг другу вцепитесь. Уж насколько у меня рабо-

та собачья, а такой грызни нет, — проговорил Прок, закручивая усы. Он работал «трэйни асоушиэйт» в одной крупной международной юрфирме и очень злился, когда его должность переводили на русский язык — «юрист-стажёр».

— Ты теперь всех, кто поддерживает воссоединение с Крымом, будешь называть крымнашами? — спросил Макс.

— Я вообще теперь определяю отношение к людям по принципу: «Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты». Общалась тут намедни с одним мидовцем, он мне сказал, что Крым — крымчан. Настоящий дипломат...

— Но ты, конечно, против?

— Ещё бы! Как сказала Собчак, нефиг воровать из горящего дома подаренный по пьяни канделябр. Никакое это не воссоединение, это аннексия, и профессор Зубов был прав, такое уже бывало в тридцать восьмом году.

— Ты говоришь, как фашисты.

— Что?!

— Ну, в смысле, немцы. Просто у меня редакторша почему-то всех немцев за глаза фашистами называет. Каждый день говорит мне: «Макс, погляди, что там фашисты про Крым пишут».

— И как? — поинтересовалась Поля.

— Ничего хорошего не пишут — *анилюс и аннексия*, и дело с концом. Худшей издёвкой для них является употребление в этом контексте слова «воссоединение» — оно у них ассоциируется с воссоединением двух Германий в девяностом. А ведь этим они обязаны русским и Горбачёву. Но никакой благодарности, только вёдра помоев. С таким же успехом я мог бы каждый день писать, что ФРГ аннексировала ГДР, нарушив нормы международного права!

— Как вы запарили со своей политикой, политика тут, политика там! Дайте побухать спокойно, — просто нал Прок, опустошая бокал. — Я вот сегодня правил договор на двести миллионов рублей с одной конторой по глобальным стратегическим коммуникациям...

— Красавчик, — Макс сделал ещё глоток кислого пойла.

— Кстати, о коммуникациях, — сказала Поля. — Мне кажется, Макс, тебе надо заняться чёрным пиаром. Это как раз твоя тема. Моему знакомому журналисту на днях звонили, намекнули, что заинтересованы в поддержке Донецкой народной республики и предложили ему «помочь её руководству формулировать мысли» и «правильно позиционировать себя в медиа-среде». Он их сразу же послал...

— Думаешь, я не пошлю?

— Не знаю. А пошлёшь?

— И я не знаю. Пока об этом не думал.

— Вашу мать... Официант, можно водки? — громко сказал хмурый Прок, яростно теребя усы, и Поля с Максом поняли, что пора сменить тему.

Прок пил этим вечером за троих. Когда совсем стемнело, он вызвал за счёт своей конторы такси и уехал

домой, а Макс с Полей остались одни у входа в «Жан-Жак».

— Прости за весь этот разговор и за то, что ударила, — проговорила Поля.

— Да ладно, — хмыкнул Макс. — Но кольца лучше снимать.

— Хорошо. Позвонишь Элине?

Макс достал телефон, набрал номер.

— Она ждёт, — сказал он, закончив разговор. Они направились в сторону метро, чуть обнявшись. В трёх станциях вышли, прошли вдоль проспекта минут десять и свернули в тёмный проход арки, дальше на лифте на девятый этаж. Дверь открыла невысокая красивая девушка лет двадцати с длинными русыми волосами. По вечерам она работала по вызову, а днём училась в одном из московских вузов на экономиста, и Макс с Полей периодически наведывались к ней.

— Давно вас что-то не было, — сказала Элина, отправляясь в душ.

— Зарплату задержали, — пожал плечами Макс, запирая за собой входную дверь...

С утра он проснулся разбитым. В Агентстве Морган заставила его распутывать сложный коррупционный скандал в одном из крупных машиностроительных концернов ЕС, а потом разбираться в причинах забастовки пилотов аэропорта во Франкфурте. Выпив лошадиную дозу кофе, Макс кое-как родил парочку текстов, после чего Таня подозвала его к себе.

— Макс, все корреспонденты сейчас заняты по горло с хохлами, а наш спец по Палестине в отпуске. Вам с Жанной надо сходить на прессхуку к израильской послице и послушать, что она скажет про операцию в Газе. Справитесь?

— Без проблем, — кивнул он и отправился на задание. Обычно на всех пресс-конференциях, где он бывал до этого, Макс просто записывал всё на диктофон, а после спокойно расшифровывал запись в редакции за своим компом. Но то было с экспертами и аналитиками, которые просто пытались заглянуть за дымку завтрашнего дня и состряпать хоть какой-то правдоподобный прогноз, а сейчас ему предстояло иметь дело с полноценным ньюсмейкером.

Жанна была всего на год старше Макса и работала в Агентстве немногим дольше его, но её вот-вот должны были отправить собкором в Нью-Дели, так как она хорошо знала хинди и английский.

— Блин, как же я тебе завидую, — сказал Макс, когда они подходили к зданию международного пресс-центра, где у входа покуривали операторы федеральных телеканалов. — Ты только-только устроилась, а уже едешь собкором. Мне с моим английским и немецким нужно минимум лет пять отпаивать, чтобы куда отправили... Жить в Индии и путешествовать по разным местам с политиками и бизнесменами — это же мечта! Я следил за лентами собкоров в других странах, они в день пишут от силы два-три текста. Это же на час работы, всё остальное время — полная халыва!

— Я бы не идеализировала так работу собкоров, — сдержанно проговорила Жанна, которая, полностью отвечая стереотипам об индийцах, увлекалась йогой и буддистской философией. — Чтобы написать эти два-три текста, им приходится много копать, да и психологически это тяжело. Всё-таки жизнь в другой стране, вдали от близких и друзей...

Макс лишь скептически хмыкнул. Войдя в зал для пресс-конференций, они миновали стройные ряды штативов с видеокамерами и устроились на свободных местах, приготовив диктофоны. Госпожа посол в сопровождении переводчика и военного атташе появилась полчаса спустя, сославшись на московские пробки. На Макса произвёл впечатление безукоризненный русский этой красивой, уверенной в себе женщины и та тёплая энергия, которая от неё исходила. Около часа посол и атташе по очереди высказывались на тему только что начатой Израилем в секторе Газа операции «Нерушимая скала». Атташе, мощный лысый мужик с рублеными чертами лица, гвоздил слова низким басом, а посол говорила тихим доверительным голосом, каким беседуют у камина за чашкой глинтвейна старые друзья. По их словам выходило, что палестинский ХАМАС — понарывшее тут и там туннели вероломное зло, которое добрый Израиль в порядке самозащиты должен если не уничтожить, то хотя бы ослабить. Для этого израильтяне бомбят школы и жилые кварталы палестинцев в Газе.

— Что дальше? — спросил Макс, когда конференция закончилась и операторы стали сворачивать шнуры.

— Как можно быстрее составить новость и передать оператору, чтобы он оформил и кинул её на флаг, — ответила Жанна, и они отправились искать тихое местечко. Главное в работе новостных агентств — скорость, потому что новость, пришедшая с опозданием, уже никому не нужна. Получив от источника новость — это может быть и одна замаскированная под кучей красивых слов фраза, — корреспондент звонит новостному оператору и надиктовывает её. Оператор обрабатывает записанное в стилистике Агентства, после чего отправляет на флагман («флаг») — отдел выпускающих редакторов, которые проверяют текст на наличие стилистических и фактических ошибок, затем новость выкладывают в терминал и на сайт, откуда её расхватывают на цитаты многочисленные газеты, телеканалы и новостные сайты.

В сквере рядом с пресс-центром нашлась пустая скамейка.

— Мы будем давать всю эту лабуду про контрабанду оружия и организацию терактов палестинцами? — спросил Макс.

— Ты что, конечно, нет, — ответила Жанна. — Всё, что она сказала, надо делить минимум на два. Ты вообще бэки читал перед выходом?

— Ну как тебе сказать...

— Понятно. А как ты собираешься отбирать цитату, когда даже не знаешь, что из сказанного новость, а что нет?

Макс ничего не ответил. Нахмурившись, Жанна вручила ему диктофон.

— На вот, найди, что она говорила про обстрел палестинской школы, когда дети погибли, я пока лид напишу. — Повозившись с чужой техникой, Макс нашёл нужный кусок записи и стал слушать.

— Кажется, она говорит, что Израиль снимает с себя всю ответственность, так как им казалось, что в школе прячутся боевики ХАМАС.

— Кажется или точно?

— Да точно, точно. Хочешь, сама послушай.

— Ладно, диктуй, — Жанна записала под диктовку Макса цитату, после чего проговорила её в трубку первому освободившемуся оператору. — Ну вот и всё, работа сделана. Поехали в редакцию.

Морган нахмурилась, когда они вернулись с задания чуть позже, чем было нужно, но ничего не сказала, и Макс уже было расслабился, как вдруг ему пришло сообщение от Прока: «Ну и днища у вас там работают, даже фамилию посла правильно записать не могут!». В панике Макс полез на главный сайт и с ужасом обнаружил, что в фамилии посла допущена ошибка — по его вине! Это он неверно продиктовал сложную еврейскую фамилию Жанне, когда та передавала новость оператору. Странно, что на выпуске этого не заметили. Макс быстро кинул взгляд на сидевшую напротив Жанну и по полным страха глазам понял: она тоже заметила. На долю секунды её палец прижался к губам, мол, молчи, но какой смысл утаивать свой косяк от Морган, когда взрывная волна запущена и бесчисленные сайты доверчиво принялись распространять его ошибку по просторам сети? Весь оставшийся день Макс боязливо поглядывал в сторону Тани, вздрагивая под каждым её взглядом, однако она так ничего и не сказала ему. Ошибка в фамилии посла была не первой в его практике, он и раньше позволял себе некоторые упущения, зачастую из-за чистой невнимательности. Однажды он перепутал имя и отчество военного эксперта, и новость вышла в таком виде, отчего политолог долго ругался в трубку, заставляя Макса краснеть, как советский флаг. Другой раз Макс перевёл фразу «senior official in the foreign office of Egypt» как «министр иностранных дел Египта» вместо «высокопоставленный чиновник МИДа», за что Морган костерила его по-чёрному целую неделю. Втайне Макс подозревал, что его небрежность к фактам рано или поздно больно ему аукнется. В школе и в институте цена ошибки — плохая оценка, в худшем случае незачёт и пересдача, а тут, на выходе, когда всем плевать, какого цвета у тебя диплом и насколько ты крут был за партой *alma mater*, ценой может быть чья-то жизнь, в том числе и твоя.

Вечером в «Жан-Жаке» его ждала Поля с бокалом мартини. По её красным глазам он понял, что она уже третью сутки не спит.

— Стрёмно выглядишь, — сказал он, заказывая себе виски с колой.

— Мог бы и не говорить. Макс, это какой-то адок, — протянула Поля, втирая подушечки пальцев глубоко-глубоко в виски. — Я уже давно свыкалась с мыслью, что нашу лавочку скоро прикроют после всей этой истории

с Крымом и негативной реакцией на это нашего главреда. Я даже привыкла, что половина читательских писем – это обвинения в предательстве, угрозы сжечь нас заживо и пожелания захлебнуться в собственном «либеральном дерьме», но это уж чересчур.

– Ты что, занялась сетевым маркетингом?

– Макс, твой юмор даже не плоский, – поморщилась Поля. – Назвать его плоским было бы величайшим комплиментом.

– Спасибо, стараюсь. Ну, так что стряслось?

– Помнишь, я рассказывала, что мне в руки попала информационная бомба?

– Ты знаешь, я так часто пишу про взрывы и бомбы, что меня от них уже тошнит. Как и от многих других вещей в этом идиотском мире.

– Ну так вот, помимо прочего, мне приходится работать с зарубежными авторами, и на днях одна популярная еврейская блогерша с русскими корнями разрешила опубликовать отрывки из её репортажей про жизнь палестинских семей в Газе, который сейчас обстреливают израильтяне. Ты ещё не читал этот материал? Он только вчера вышел...

– Чука не читатель, чука писатель, – хмыкнул Макс.

– Ладно, не важно. В общем, крутой текст, но мне так и так пришлось его сильно сократить, ибо мы не электронная библиотека, а сайт радиостанции, и у любого текста должен быть разумный объём. Так вот, почти сразу после публикации сокращённой версии эта еврейка опубликовала гневный пост, в котором обвинила нас и меня лично в ограничении свободы слова, мол, я выкинула из её опусов куски про страдания палестинских детей, разрываемых осколками снарядов. Я написала ей письмо, что никакой политической подоплётки и цензуры тут нет, лишь чисто редакторские соображения, так она накатала ещё один пост с выдержками из моего письма, где выставила меня полной дурой. После этого мой почтовый ящик просто взорвался. На него стали приходить сотни писем с угрозами и оскорблением на разных языках – натуральный адок! Мне пришлось на время его заблокировать, потому что это просто невыносимо...

– Забавно. Теперь ты чувствуешь, каково это, когда на тебя гадят иностранцы? – ухмыльнулся Макс.

– Вот только не надо злорадствовать.

– Хочешь, чтоб тебя пожалели?

– Нет, просто ещё чуть-чуть, и я натурально сдохну. И это не только из-за травли наглой еврейки, ко всему прочему я сегодня прошляпила свой ноутбук!

– Это тот, который ты во всероссийском конкурсе репортажей выиграла?

– Он самый. Я шла с ним по коридору и споткнулась, он упал и вдребезги. И ладно бы экран полетел – лопнул жёсткий диск, а на нём вся моя жизнь! Фотки, видео, база контактов, документы, письма читателей, контент для публикации на ближайшую неделю – всё! Главред ешё не в курсе, и я пока не знаю, что ему сказать.

Официант принёс виски с колой, и Макс с наслаждением глотнул ледяного напитка, почувствовав во рту

освежающую горечь. Кубики льда мелодично звенели в бокале.

– Меня вообще всё здесь бесит! Бесит моя личная жизнь и то, что мы с тобой творим! Это как у Евтушенко: «ходят в праздной суете разнообразные не те». Я чувствую, что меня окружают одни не те, что делаю я совсем не то! Меня бесят эти увешанные георгиевскими ленточками хоругвеносцы и попы-блогеры, коммунисты с айпадами и «вежливые люди»! Эти марши с флагами и транспарантами «Крым наш!», этот блатняк из всех щелей и вата вместо мозгов. Бесит Лена Андреева на Первом и Киселин на Втором. Макс, ну хоть Киселин-то, хоть его-то ты ненавидишь всем сердцем, я надеюсь? Пожалуйста, скажи мне!

Макс медленно сделал глоток и представил себе гладко выбритое и сверкающее залысинами в свете софитов лицо Киселина, гения прокремлёвской пропаганды, недавно ставшего генеральным директором Агентства. Когда-то он действительно ненавидел его всем сердцем, но это осталось в прошлом.

– Я отношусь к этому человеку с большим уважением, – отчёлово проговаривая каждое слово, сказал Макс. На секунду взгляд Поли сделался совершенно пустым. – Ты знаешь, у меня нет поводов ненавидеть его. В прошлом году, когда я учился на последнем курсе, он приходил к нам читать лекцию, и сам ректор сидел от него по правую руку. Как сейчас помню, он рассказывал бесхитростную историю. В середине девяностых, когда он работал на телевидении, ему доводилось снимать документальные передачи, одна из которых была посвящена водке и алкоголизму в России. Киселин основательно подошёл к делу и осветил тему от и до, рассказав и о появлении водки на Руси, и о русских питейных традициях, ну и так далее. Возвращаясь с Останкина, по дороге домой он встретил своего соседа-слесаря, и тот похвалил его, мол, классную программу сделал, только одно забыл сказать. «Что?» – удивился Киселин. Ему казалось, что он довёл свой выпуск до идеала. – «Какую брать», – ответил слесарь. И вот, по его мнению, эти два слова – «какую брать» – окончательно определили для него задачу современных СМИ в России. Российское общество пребывает в состоянии ценностного вакуума, который нужно заполнить. Время «дистилированной» журналистики кончилось, а точнее, никогда и не наступало. Не надо заниматься морализаторством, что водка – зло, мы всё равно не бросим бухать. Ты лучше скажи, какую брать, чтоб не палёная была, а мы из двух зол выберем меньшее. И так во всём. После той лекции я перестал ненавидеть Киселина, мне показалось, что я его понял.

Поля сидела с холодными глазами и смотрела на опустевший бокалmartини.

– Поль, я отлично тебя понимаю. Я помню это состояние Карениной перед броском на рельсы, – сказал Макс, допивая виски. – Меня тоже трясло от всей этой жести вокруг. Помню, когда я только поступил на журфак, мы сидели с одним поэтом-анархистом на кухне и пили водку, и он мне сказал, что после института я стану

продажным журналистом. Я тогда страшно обиделся, и мы едва не подрались. Как, чтобы я и продажным журналистом?! – Макс задумчиво повёл бокалом с тающим льдом перед глазами. – А потом как-то, знаешь, перегорело, переболело. Какие есть альтернативы? Уехать в поисках лучшей жизни или оставаться и любить своё болото таким, каким его Бог создал. Что-либо менять здесь бессмысленно, это ты прекрасно знаешь. Предположим, уехать. Куда? В Европу? В Китай? В Штаты? Я знаю с десяток таких лягушек-путешественниц, сменивших болото на трясину. Думаешь, им там сладко живётся? Они еле сводят концы с концами. Открой их фейсбук – это же сплошная довлатовщина, одна тоска по родине вперемешку с комплексом неполноценности, ненавистью к своей национальной природе и невозможностью от неё избавиться. Бедность, подработки официантам и вечный языковой и культурный барьер. Ни один из них никогда не выбьется в люди, а под старость приползёт в родные пенаты и попросит уложить его в русской рубашке под берёзами умирать. Ты, конечно, можешь попытаться счастья, но я тебе такой судьбы не хочу. Увы, за бугром ничего нет, пора снять розовые очки и посмотреть правде в глаза. Настоящий день у нас с тобой может наступить только по эту сторону занавеса.

Наступила долгая пауза. Очень долгая.

– Думаю, нам с тобой лучше пока не общаться. Заплати за меня, – наконец сказала Поля, встала и вышла. В глазах её Макс успел заметить слёзы, но бежать за ней вслед не было ни малейшего желания.

То, что происходило между ними последний год, можно было назвать «дружбой с преимуществами», хотя Макс и морщился от этой грубой кальки с английского. Он никогда не любил Полю, хотя и спал с ней иногда, никогда не дарил ей подарков, хотя мог себе это позволить. Их «дружба», полная сарказма и взаимных издёвок, забавляла его и вносила в пресную жизнь некую перчинку. Несгибаемая уверенность Поли, её самостоятельность и непримиримость в главных вопросах восхищали его. Возможно, ему всегда недоставало того, что было присуще ей с рождения. Поля выросла без отца, очень быстро разъехалась с матерью и уже к середине института стала абсолютно независимой в финансовом плане, тогда как Макс даже после того, как начал зарабатывать, всё равно периодически брал у родителей деньги. Каждый раз, когда он обладал ею, Макс испытывал смешанное чувство гордости и стыда. Он гордился тем, что в эту минуту девушка находится рядом именно с ним, и при этом осознавал, что недостоин и локона её волос. Поля, видимо, думала о том же. И Макс лишь оттого не бросился её догонять, что ничего не терял – за всё время их общения ему так и не удалось подчинить её полностью...

На следующее утро, когда он уже был в Агентстве, пришла страшная весть – в московском метро авария, пострадало несколько сотен человек, десятки погибли. И хотя крушение поезда произошло совсем не на его ветке, волосы на голове у Макса зашевелились – на месте погибших мог оказаться кто угодно, в том числе и он.

После вести о катастрофе в метро все в ньюсруме заметно приуныли, и только на светлом лице Морган Макс заметил улыбку.

– Чему ты улыбаешься?

– Ты разве не заметил, мы дали новость об аварии на тридцать секунд быстрее конкурентов, и на нас сослались Рейтер и Франс Пресс. Такое нечасто бывает. Теперь у нас подрастёт индекс цитируемости...

После работы за ним на такси заехал Прок, они поужинали в «Пирогах» на Китайке и поехали к нему. Серёга жил со своим отцом в шикарной квартире на Шуваловском. Сам Прокопьев-старший регулярно ездил в заграничные командировки, практически не видел сына, что позволяло тому относительно свободно водить до мой друзей и девушек. Комната Прока была обставлена со вкусом: на видном месте стоял старенький виниловый проигрыватель с коллекцией пластинок великих джаз-музыкантов, на стене висели портреты Хью Лори, Ланы Дель Рей и Тома Йорка, рядом с кроватью уместился маленький столик, где были рассыпаны разбросаны открытки, которые Прок покупал, путешествуя по миру. Прок взял со столика бокал и бутылку «Бэллентайнз» – он называл этот виски не иначе как «чай для юристов» – и протянул Максу.

Выпили. Потом Прок захотел покурить, и они вышли на балкон. Пока Серёга закуривал, Макс наслаждался открывающимся видом. Во многих окнах горел свет. Внизу под окнами фонари отбрасывали густые тени на асфальт. Где-то в листве стрекотал сверчок.

– Меня вчера Поля послала, – сказал Макс.

– Прям послала?

– Нет. Сказала, нам лучше пока не видеться.

– Значит, послала, – констатировал Прок, выдыхая через нос струю сигаретного дыма. – Я, конечно, в ваши дела не лезу, но завязывал бы ты с этим. Хорош мозги друг другу канифолить.

– Да кто я такой, чтобы ей канифолить мозги? Я для неё – низшая форма жизни, пригодная только для размножения.

– Плохи дела человечества, раз она так считает, – оглядел его, хмыкнул Прок.

– Пошёл в пень, – огрызнулся Макс. – Ты прекрасно знаешь моё отношение к женщинам, мы с тобой со школы знакомы.

– Конечно, знаю. Натуральный садист.

– Вот именно, – кивнул Макс. – Не знаю, откуда это взялось, но для меня любовь всегда была равносильна страданию. Причём страдать должны оба, иначе нет смысла. Она – от сомнений в правильности выбора, я – от невозможности достичь идеала.

– Совсем долбанулись, журналистики, – покачал головой Прок. – Хотя я понимаю, о чём ты. Я вот тоже не могу достичь идеала. И никогда не смогу...

– Перфекционизм для юриста – нормально, – хлопнул его по плечу Макс.

– Это не стремление к совершенству, это навязчивая идея. Или навязанная. Понимаешь, мой отец с дет-

ства вдохновлял меня своим примером. К тридцати пяти он уже был партнёром в международной юрфирме и зарабатывал пятьсот косарей в месяц, просто как процент от сделок. Сейчас он может не работать и ежедневно кидаться пятитысячными купюрами в прохожих, но ему просто гордость не позволяет бросить контору. Он всегда хотел, чтобы я повторил его путь след в след.

— Да, ты поступил на юрфак, как он когда-то, закончил с красным дипломом, стал «ассошиэйтед трэйни» или как там это у вас зовётся... Красавчик, что тут скажешь.

— Во-первых, трэйни ассоушиэйт, а во-вторых, не перебивай, — Прок налил ещё виски и выпил. Свет уличных фонарей отражался в его глазах. — Недавно я понял, что очень болен.

— Что? Есенина перечитал?

— Ты же знаешь, что я из классики знаю только «Муму». Не, чувак, со здоровьем всё в порядке, это здесь, — Прок бросил окурок с балкона и приложил ладонь к сердцу. — Понимаешь, я сейчас зарабатываю шестьдесят косарей, и мне, в принципе, хватает. Но для отца и друзей этого недостаточно, они уверены, что я могу выжимать больше. Отец говорит, если я буду работать по двенадцать часов в сутки, как он, то через год буду зарабатывать сто, а через пять лет — триста. Сколько, по-твоему, человеку нужно, чтобы стать счастливым? Пятьсот хватит?

— Не знаю, мне и сорока пока достаточно.

— И я не знаю, поэтому не вижу во всём этом смысла. Но кроме денег и работы у меня ничего нет. Даже девушка от меня ушла из-за того, что я допоздна засиживался над этими долбаными договорами и не уделял ей внимания. Самое главное, я иначе просто не могу. Я как акула, если остановлюсь — утону. Меня ждёт либо много денег плюс посаженная печень, бессонница и одиночество к тридцати, как моего отца, либо... Я даже не знаю, что... Другой жизни я и представить себе не могу. Забавная вещь: мне тут на днях написал наш общий знакомый Антуан, который ещё учился в Нью-Йорке. Он в прошлом месяце выиграл грант на двухлетнее обучение в Тулузе, и знаешь, что он мне сказал?

— Что французские тёлки страшнее американских? — поднял бровь Макс.

— Он сказал: вот ты сейчас пашешь, как Папа Карло, чтобы заработать дофига бабла к тридцати годам, купить себе маленький домик на юге Франции и ничего не делать. А я уже получил дофига бабла, живу в маленьком домике на юге Франции и ничего не делаю, и мне это совсем ничего не стоило. Это были самые ужасные слова, которые я слышал в своей жизни. А ещё страшнее то, что я не могу, как он, просто взять и поехать хрен знает куда изучать хрен знает что, я повязан по рукам и ногам своими обязательствами перед фирмой и отцом. Более того, я не могу этого даже представить! Ну, серьёзно, что я буду делать, если не фигачить допоздна на работе и не бухать по ночам?

— Не знаю. Попробуй для разнообразия выращивать цветы, кошку заведи.

— Издеваешься? — Прок докурил одну сигарету и начал следующую.

— Вовсе нет, — отозвался Макс. — Почему бы не попробовать то, что тебе не свойственно? Это очень сильно изменит взгляд на мир.

— Ты сам делал подобное?

— Конечно. Последний раз, когда ездил в отпуск, три дня прожил в землянке с семьёй отшельников.

— Почему я об этом не знаю?

— В таких случаях принято говорить «ты не спрашивал». Но если серьёзно, то это произошло совершенно случайно. У меня есть один знакомый кришнант Тимофей, который давно это предлагал. Добирались от Москвы чуть меньше суток, а потом ещё долго шли пешком почти без дороги. Я бы при всём желании не смог показать тебе на карте, где это находится. В общем, Тима привёл меня к Платону — он со своей семьёй живёт в землянке на берегу небольшого озера. Мы с Тимофеем провели рядом с ними три дня, и это — одно из самых странных переживаний в моей жизни. Платон — инженер с высшим образованием, до тридцати лет проектировал дома и в свободное время занимался резьбой по дереву, а потом встретил свою жену Ольгу, они вместе купили по дешёвке участок в той страшной глухомани и уехали туда жить. Вокруг — ни одной живой души, до ближайшей трассы — полчаса на машине по бездорожью. Зато природа сказочная. Лиственный лес, берёзовая роща, огромные пастбища, где Платон пасёт своих коров и коз, да ещё и озеро рядом. Сам он под два метра ростом, бородень, как у тебя, ручищи огромные, глаза искрятся, как у святого. Всё в своём маленьком мирке он сделал собственными руками. У берега он соорудил огромную насыпь, так что получилась небольшая бухточка, и его жена каждое утро ходит туда поплавать, как в своём личном бассейне, только с рыбками. Самые маленькие рыбки её не боятся, подплывают и щиплют за ноги, это же что твой пилинг. Ей лет тридцать на вид, она уже давным-давно не пользовалась косметикой, но выглядит, будто только сошла с обложки глянцевого журнала. Я давно не видел такой красивой женщины с такими горящими радостью и мудростью глазами. У Платона с Ольгой трое детей, старшим, мальчику и девочке, уже по пять лет, а самому младшему — полгода. Платон сам принимал роды каждый раз, перерезал пуповину. Дети здоровые, крепкие, бегают босиком по земле и камням, лазают по деревьям, хорошо плавают. Правда, они очень стеснительные и ни разу со мной так и не заговорили, но с родителями болтают охотно. Платон сказал, что специально увёз их подальше от городской сути и людей, чтобы как можно дольше сохранить в них чистоту и непосредственность.

— А как он собирается их учить потом?

— Его жена по образованию педагог, учитель начальных классов, и начальное образование они дадут им сами, а потом уже придётся решать, что делать дальше, но до этого момента у них ещё лет пять минимум. Живут они в вырытой внутри небольшого холма и обустроенной землянке. Чем-то напоминает домик хоббитов. Зи-

мой топят печку, а летом там приятная прохлада. В планах построить большой дом-мазанку из глины, они уже вырыли под него котлован. Платон себя называет не отшельником, а эко-фермером. У него есть несколько коров и стадо коз, которых он пасёт, а Ольга доит. Из молока делают сыр, творог, ряженку, потом торгуют этим, животных тоже покупают-продают. Много зарабатывают, кстати, на этом. Платон с Ольгой счастлив, хотя их жизнь и трудна – непросто вдвоём управляться с таким хозяйством, да ещё и детей воспитывать. Но они счастливы. Когда я видел, как Платон смотрит на Ольгу, страшно заивдал.

– Почему?

– Потому что никого не смогу полюбить с такой силой, никогда не буду готов пожертвовать для него всем, особенно жизнью. Для этого нужна духовная сила, а во мне её нет и взять негде.

– И что, у тебя открылся третий глаз после того, как пожил с хоббитами?

– Я люблю сарказм, но в данном случае говорю совершенно серьёзно, – Макс отхлебнул виски, глядя, как гаснут один за другим городские огни. – Когда видишь, как живут другие люди, совсем иначе начинаешь смотреть на то, что на самом деле важно в этом мире. Как-то утром, когда Платон с Ольгой ушли работать, мы с Тимофеем сидели на насыпи у пруда и смотрели на рыбок. Вокруг кружили всякие насекомые, и Тимофей вот так вытянул руку вперёд, и на неё сел майский жук. Он дал мне рассмотреть его близко-близко – как тот перебирает лапками, ползая по руке, как отливают радугой на его хитиновом панцире лучики солнца. Потом жук расправил крыльшки и улетел, и Тима мне сказал, показав на озеро и заросли по берегам: гляди, Макс, это же целый мир, тут сейчас происходит чуть ли не больше, чем во всей Москве! А я ответил: знаешь, Тим, может, конечно, полёт жука и рост травы отражают суть бытия, но есть на свете вещи и поважнее. Когда на твоих глазах цивилизации обмениваются ударами, вершится история, философия отходит на второй план. Тогда как раз перед отпуском началась вся эта бодяга с санкциями ЕС и нашим овощным эмбарго, ну, ты помнишь…

Помолчали. Прок докурил вторую сигарету, достал из кармана маленький зелёный пакетик, извлёк из него пару крупинок чего-то и положил их на кончик следующей. Затем прожёг дырочку в полулитровой пластиковой бутылке от кока-колы, вставил туда сигарету, подкурил и подождал, пока бутылка наполнится густым молочным дымом, отвинтил крышку и сделал глоток.

– Может, я и свалю куда-нибудь учиться, как Антуан. Или картины начну рисовать. Разберусь только сперва с договорами… – сипло проговорил он. – Будешь?

Прок протянул бутылку с дымом Максу. Тот молча взял и вдохнул.

Свет в окнах погас, и город погрузился во тьму. Максу приснилось, что он попал в ад. Во сне он выглядел в точности, как московское метро зимой в час пик, когда стоишь в непробиваемом пуховике с тяжёлой сумкой,

сжатый со всех сторон человеческой массой и отчаянно потеешь. До твоей станции ещё бесконечно далеко, а людей в вагоне всё прибывает и прибывает, и уже не хватает воздуха, и нет возможности даже шевельнуть рукой.

Макс подумал, что уже видел это в каком-то сериале. Главные герои там жили убеждённостью, что рано или поздно наступит светлое будущее, но в какой-то момент их мечты пошли прахом, а элита, которой они верили, оказалась кучкой жуликов. Тогда они подняли восстание и свергли старую власть, закидав её коктейлями Молотова и завалив подожжёнными покрышками, после чего их страна развалилась на части. Рекой полилась кровь, тысячи людей потеряли работу, жильё, родственников, жизнь. Те, кто были братьями, превратились в заключенных врагов. Кто казался другом, отвернулся в трудную минуту. В какой-то момент герои вдруг поняли, что у них нет ни прошлого, ни будущего, а есть только страшный маленький островок настоящего, затерянный в океане бескрайнего хаоса.

Макс смотрел этот сериал с упоением, и каждая новая серия захватывала его сильней предыдущей, и оторваться от этого было нереально. Сюжетные ходы, предусмотренные гениальным сценаристом, сменяли друг друга, и каждый раз он уже не помнил, что происходило до этого, потому что новое событие накрывало его с головой. Хитросплетения сценаария змеились и искривляли привычную логику жизни настолько, что безумие начинало казаться нормой, а норма – безумием. Правда – это ложь, мир – это война, дружба – это вражда, любовь – это ненависть.

Мог ли Макс сказать с полной уверенностью, что живёт, или ему это только казалось? А может быть, он сам является плодом чьего-то воображения? Если на работе он запросто может изменить слово в тексте, искастить какой-то факт, и сотни тысяч людей после прочтения станут думать чуточку иначе, и его вымысел станет частью их сущности, не мог ли и он на все сто быть компиляцией чужих вымыслов? Ему говорили, что человек должен любить, но он сам не может. Ему говорили, что человек рожден для счастья, но ведь счастье относительно, и откуда кому известно, как оно выглядит на самом деле? Ему говорили, что можно изменить свою жизнь, но как можно изменить то, в самом существовании чего ты не до конца уверен? Макс так часто думал об этом и так часто сдавался, просто опуская руки и позволяя очередному дню нести себя, как Ёжик в тумане разрешал нести себя реке в гости к Медвежонку…

Проснувшись после ночной пьянки у Прока и быстро приведя себя в порядок, Макс помчался на работу. После обеда началась прессуха Лаврина, которую передавали в прямом эфире. Новости в терминале появлялись каждые пятнадцать секунд – ровно с той скоростью, с какой министр успевал высказывать новую мысль.

ЛАВРИН ПРИЗВАЛ ЗАПАД К МИРНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ.

РОССИЯ ОСУЖДАЕТ РЕШЕНИЕ ЕВРОСОЮЗА О ВВЕДЕНИИ ОЧЕРЕДНОГО ЭТАПА САНКЦИЙ – ЛАВРИН.

ЗАПАД ПРОВОДИТ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ НЕДРУЖЕСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ, И МОСКВА ОБЕСПОКОЕНА АГРЕССИВНОЙ РИТОРИКОЙ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА ОБАМЫ – ЛАВРИН.

МИНИСТР ЛАВРИН ОСУДИЛ РЕШЕНИЕ ГЕРМАНИИ О ПРИМЕНЕНИИ БПЛА НА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЕ БЕЗ СОГЛАСОВАНИЯ С РОССИЙСКОЙ СТОРОНОЙ.

– Что? – Макс не верил своим ушам.

– На тебя только что сослались, – бросила Таня, пролетая мимо со скоростью пули.

– Поздравляю! – сказала сидевшая рядом Жанна. В голосе её слышалось уважение.

Пару часов до конца рабочего дня Макс чувствовал себя абсолютно счастливым. Как-то раз Прок сказал ему, что большая часть профессий, по сути, является ненужной и оказывает совсем незначительное влияние на мир. После того, как на него сослался министр иностранных дел России, Макс перестал считать свою профессию ненужной. Увы, его радость была недолгой. Почти перед самым уходом Морган подозвала его к себе и показала срочняк:

ПРЕДСТАВИТЕЛИ БУНДЕСВЕРА ОПРОВЕРГЛИ ОБВИНЕНИЯ МИД РОССИИ В ПРИМЕНЕНИИ БПЛА НА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЕ.

– Макс, как это понимать?

– Ну, мало ли, они ведь могут опровергнуть всё, что угодно, – немного помявшись, ответил он.

– Тогда что ты скажешь вот на это? – и Таня показала ему аналогичный материал на тему немецких беспилотников, который был написан конкурентами несколько минут спустя после того, как Макс опубликовал свою новость. В материале конкурентов речь шла не о применении беспилотников немецкими военными, а лишь о проверке экспертами необходимости их применять. И тут до Макса дошло: он совершил косяк при переводе. Это было как удар молотком по голове.

– У кого правда – у нас или у них? – спросила Морган, и её вопрос прозвучал, как щелчок хлыста.

– У них... – еле слышно проговорил Макс.

– ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ТЫ ЧУТЬ НЕ ВЫЗВАЛ ИНФОРМАЦИОННЫЙ СКАНДАЛ?! – заорала она так, что все взгляды в ньюсруме обратились в их сторону. Если бы у Макса в этот момент был в руке пистолет, он бы не задумываясь пустил себе пулю в висок.

– Таня, послушай... – только и смог проговорить он.

– Если бы я была Дмитрием Киселиным, я бы сказала «вон из профессии!», – произнесла она холодно. – Но я добрая, поэтому говорю тебе просто: «Вон из Агентства!» Ты уволен.

Говорить дальше было бесполезно, Макс понял, что всё кончено. Пока Морган писала за него опровержение и вносила исправленный вариант в терминал, Макс собирал вещи. Их было не слишком много: папка с документами, кофейная кружка, диктофон. Собрав вещи, Макс сдал Тане свой пропуск и направился было к выходу, но столкнулся с Жанной. Через неделю она улетала в Индию. Возможно, на несколько лет.

– Не люблю сантиментов, но, похоже, мы видимся в последний раз, – сказал он.

– Кто знает, – ответила она. – Земля круглая. Главное, не отчайвайся. Не повезло в этот, повезёт в следующий раз.

– Да уж, любой косяк можно оправдать жизненным опытом, если ты при этом не сдох.

– Кажется, до тебя эту мысль уже высказывал один философ. Правда, в более изящной манере, – улыбнулась она.

– Куда мне до него, – вздохнул Макс.

Они обнялись и распрощались. Бросив последний взгляд на родной ньюсрум, Макс вдруг услышал испуганные вопли, и вся редакция на его глазах постепенно превратилась в обезумевший муравейник. В кармане зажужжал телефон, это была смска от Поли

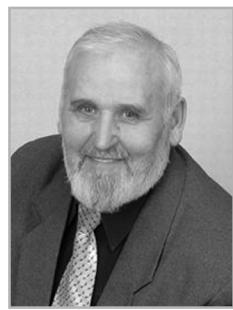
«У Исламского государства теперь есть оружие массового уничтожения!!! Адок-адок!!!» – прочитал он. По его лицу пробежала тень лёгкой улыбки. Это означало, что они снова «друзья».

Москва,
ноябрь 2014 года

Николай ДЕГТЯРЁВ

От редакции. Название рассказа Николая Дегтярёва обещает идиллическую историю о жизни школьников. И будничный бытовой подзаголовок «За резинками» это обещание лишь усиливает. Но история спасения двух школьников от стихии заставляет обратиться к подзаголовку снова в попытке ответить на вопрос: так какие же «резинки» позволяют человеку выстоять, казалось, в безнадежной борьбе со «свирипееющей бурей»? Автор предпочитает, чтобы ответ на этот вопрос читатель искал самостоятельно.

Рассказ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЗИМНИХ КАНИКУЛ (За резинками)

Рассказ

— Айда завтра к аэростатам, десантники уже третий день прыгают, — предложил Генка Жиндеров.

Только что прозвенел последний звонок, отправивший учеников на зимние каникулы. Вся компания мальчишек, идущих из школы, дружно согласилась. Как бы подтверждая эту затею, из-за поворота вывернула колонна военных машин, обтянутых брезентовыми тентами, под которыми виднелись солдаты в зимних ушанках, крепко подвязанных под подбородками. Они весело приветствовали ребят поднятыми над головой руками в трёхпалых рукавицах.

Слово «аэростат» для сельских мальчишек не было экзотическим, они его слышали с раннего детства. Едвали не каждый зимний день две, а то и три гондолы висели в небе и с них прыгали десантники. Большие белые парашюты медленно приближались к земле, неся под собой маленькие, как игрушечные, фигурки солдат. Это было удивительное зрелище! Особый восторг вызывали дополнительно раскрывающиеся запасные парашюты. Иногда в небе появлялись цветные спортивные купола, мальчишки считали, что на этих парашютах спускались командиры, поэтому не решались к ним подходить.

Летом десантников сбрасывали с самолётов. Небо тогда покрывалось куполами, как майский луг при лёгком дуновении ветра парашютиками из пушистых одуванчиков.

Не было предела восторгу в сердцах детворы при виде этой фантастической картины! Казалось, парашютисты совсем близко, а некоторых ветер действительно относил прямо на огороды и пыльные улицы. Рискуя повиснуть на столбах и деревьях, купола приближались к земле. Мальчишки со всех улиц, побросав свои домашние дела, городки, футбол, мчались к местам приземления. Встречать небесных гостей было более важным занятием, нежели любая другая работа, даже та, за невыполнение которой попадало от родителей. Помогать складывать парашюты — это, конечно, не работа, а награда от солдат, которые разрешали выполнять столь ответственное дело. Зная устройство и некоторые термины, мальчики быстро растягивали парашют, находили нужную стропу, клеймо, сворачивали купол, увязывали стропы и помогали парашютистам уложить в чехол большой белый свёрток шёлковой материи.

Все действия осуществлялись под руководством десантников. Зная, что парашюты ещё будут тщательно перекладываться в воинской части, свою работу ребята выполняли ответственно — хоть сейчас в небо. Благодарные солдаты, втайне от командиров, давали им крепление. Это пучок мелких квадратных резинок, по краям туго стянутый крепкими металлическими крючками и снаружи обтянутый сплетённой из разноцветных ниток тканью с различными узорами. Они предназначались для оснастки парашюта и были очень тугие, что позволяло использовать их как крепление для лыж и коньков. Несколько резинок крепко «приковывали» валенки к лыжам или конькам. Время от времени они терялись, поэтому надо было иметь запас. Никто не жадничал, но иметь много разноцветных резинок было предметом особой гордости детворы, ведь это означало, что ты опытный помощник десантников.

Первый день новогодних каникул. Серое небо опустилось до вершин тополей. Подул ветер, на шоссейке появилась лёгкая позёмка. Возле мельницы собралась группа шестиклассников, готовых к походу. Сало и хлеб — в карманах телогреек. Кто в валенках, а кто в кирзовых сапогах. Наконец двинулись в сторону железной дороги. Витя Шунь засомневался:

— Если ветер усилится, прыжки могут отменить.

— Да брось ты! И не в такой ветер прыгали, — отогнал сомнения Витя.

Легко преодолев железную дорогу, группа двинулась по направлению к аэростатам. Шли быстро, попутный ветер подталкивал в спины. Завтра «ёлка», переди каникулы — настроение от этого поднималось всё выше и выше. Хотелось лететь вместе со снежной пылью и попутным ветром, поэтому до места назначения добрались быстро и без усталости.

Аэростат медленно поднимался в небо, с него спрыгивали парашютисты, и он вновь опускался при помощи установленной на специальной автомашине лебёдки за очередной группой.

Ветер крепчал, и после нескольких подъёмов аэростата прыжки отменили. Десантникам было явно не до «шпаны». Сиротливо побродив невдалеке от аэростата, ребята решили возвращаться домой. Ветер всё усили-

вался, снег стал более жёстким и плотным. Обратная дорога навстречу ветру быстро забирала силы. Группа растянулась по заснеженному полю. Лидер – крепкий, не по годам высокий Степан по прозвищу Грузин перемесился в замыкающие – следить, чтобы никто не отстал.

Вскоре он оказался в паре с сильно уставшим соседом по дому Витькой – Жуликом. Кличку эту он получил из-за еёозвучия с фамилией. Его брат-погодок Юрка ушёл с лидирующей группой, это было непривычно – они всегда держались вместе. Даже дрались не по одному, а вместе, нарушая закон улицы: двое дерутся – третий не лезь.

Пурга усиливалась. Зимний день подходил к концу. Следы тех, кто шёл впереди, быстро заметало. Двое тринадцатилетних подростков оказались одни среди бушующих сумерек. Идти становилось всё труднее и труднее, тяжестью налилось всё тело, ноги не слушались. Сапоги словно свинцом налились. Темнота наступала быстро и вскоре поглотила всё. Сквозь завязанные клапана шапок-ушанок не слышно было никаких звуков, кроме свиста ветра и завывания метели.

Как бы не сбиться с пути, – тревожила мысль, – ветер мог поменять направление. Витька всё чаще падал и всё труднее поднимался. Степан тоже сильно устал, скорее от отчаяния и неуверенности. Вскоре Витьку силы оставили окончательно и сам он уже идти не мог. Пришлось двигаться, придерживая друг друга.

Очень хотелось спать, глаза закрывались сами.

– Давай хоть немного посидим, – умолял сквозь слёзы Витька.

Но они оба хорошо понимали, что подняться будет ещё труднее. А если заснут – верная смерть, найти их в такой кромешной тьме не сможет никто.

Хотелось пить, снег обжигал рот, но не утолял жажду. Степан уже почти волок на себе друга, с трудом представляя ноги. Время от времени растирая обмороженные щёки, они медленно продвигались навстречу ветру и неизвестности. Казалось, что наступила ночь. Снежное поле не кончалось, но они знали: в какую сторону ни

пойди – будет край поля, а значит, кусты, дубняк, а там и дорога… Но хватит ли сил вырваться из плена всё более свирепеющей бури?

Казалось, прошло очень много времени. Пронеслась тревожная мысль: где пацаны, почему не подождали, не вернулись за ними? И в это время совсем близко раздался спасительный гудок паровоза.

Полотно железной дороги проходило в выемке сопки, и её надо было преодолеть. Здесь помогли навыки, приобретённые в гравийном карьере, где лазали в свободное от уроков время. Когда выбрались наверх, стало жарко. Маяком засветились тусклые огни родного села. Словно каторжане, волоча сапоги как тюремные колодки, они двинулись по дороге. Ноги и руки отмерзали, но телу было жарко. На обмороженные лица уже не обращали внимания. Ветер сбивал с ног. Вдруг погасло электричество, тьма окутала улицу, и ребята решили зайти к знакомым – на свет «летучей мыши», керосиновой лампы. С трудом перевалив через порог, Витя жалобно, со слезами на обмороженном лице, попросил:

– Дайте корочку хлеба!

И плюхнулся на табуретку.

Почему он попросил не воды, а хлеба? Сам потом не мог понять.

На следующий день был новогодний утренник, но Витька на него не пришёл, а обмороженные щёки Степана стали неплохой карнавальной маской, вызывающей большой интерес и любопытство школьных товарищей и учителей. Все радовались наступающему новому году и веселились под нарядной ёлкой. Впереди были каникулы! А это значит: весёлый и рискованный спуск с сопок на лыжах, сделанных из клёпок старой, отслужившей свой век деревянной бочки – на других лыжах меж кустов и мелких деревьев не проедешь. И, конечно, катание на самокатах и коньках, надёжно прикреплённых к валенкам парашютными резинками.

И новые походы к аэростатам… за новыми приключениями и победами.

Гульчера БЫКОВА

От редакции. Читателям «Амура», хорошо знакомым с рассказами Гульчеры Быковой, на этот раз предстоит встреча с иным жанром – эссе, которое, однако, при ближайшем рассмотрении проявляет свою глубинное родство с художественной прозой писательницы. Органично совмещая ипостаси художника слова и учёного-лингвиста, Г. Быкова создаёт узорчатый цветочный ковёр, в который вкраплены нити научного знания и факты автобиографии. А язык этого своеобразного эссе сродни языку народных песен и сказок, подчёркивая фольклорную основу всего творчества писательницы – как художественного, так и научного.

Эссе

СОЛНЫШКИ НА ПРИЩЕПКАХ

Эссе

Друзья и близкие знают: люблю красные маки и подсолнухи. А ещё обожаю ромашки, колоски, герани и... павловопосадские платки.

Почему маки? С ними всё понятно! Мои тюркские пра-пра-прабабушки и пра-пра-дедушки не могли не восторгаться дикими маками, что алым пламенем вспыхивали ранней весной в пустынных степях Средней Азии. Девчонкой я убегала за лесопосадки в степь, покрытую до самого горизонта красными маками да ещё лазоревыми и жёлтыми тюльпанами. Это когда мы жили в Янгиере, возникшем в Голодной степи как оазис (по-узбекски *янги* – новый, *ер* – город). От пыльных бурь люди защитили молодой город лесными полосами. Под саженцами люцерну поселяли, чтобы земля укреплялась и корни зноем не высушивало. Оросили улицы арыками, бассейны (хаусы) проточной водой заполнили.

Под виноградниками вокруг воды устроены дистарханы – деревянные настилы, крытые домоткаными коврами. Посетители чайханы разуваются и садятся, поджав под себя ноги, на ковры, установленные пиалами с шербетом, белоснежной парвардой, янтарной курагой и сладким изюмом. Источают тонкий аромат сушёные афганские дыни на блюдах... Звучат национальные мелодии. Мужчины в тюбетейках и стёганых халатах, несмотря на зной, пьют обжигающий зелёный чай с восточными сладостями. А вокруг цветут роскошные белые акации, благоухают розы, виноград вьётся по стенам и беседкам. Это в городе, а за ним...

Выскочишь из лесопосадки – черноглазые маки полыхают так, что дух захватывает! И глядишь изумлённо на цветы, которые никто не сажал, не поливал, а они так отчаянно, так неистово буйствуют. Смотришь – не на-смотришься на чудо-красоту, что завораживала столько поколений моего азиатского рода. Несомненно, эта страсть – любоваться маками – досталась мне «по наследству» от моих узбекских предков по линии отца. Нет давно той весенней степи из детства, а генная пружина жива, и потому покупаю как ненормальная бокалы, блюдца, салатники и даже кастрюли с маками. И гляжу, и любуюсь ими, а перед взором – до самого горизонта полыхающая алыми цветами степь. И сердце радуется, и жить веселей.

Образы, от рождения дремлющие в нас, учёные называют архетипами. Это наиболее древние смыслы, сформировавшиеся в коллективно-родовом сознании народа, генетически закодированные и так переданные сквозь время нам, потомкам. Обнаруживаются они в языке на уровне древнейшего пласта ядерной лексики. Более поздние смысловые приращения именуются символами. Возникли символы очень давно – на первой ступени идеографического письма – рисунчатой идеографии, когда рисунок мог иметь два значения: прямое конкретное и более абстрактное переносное. Так, рисунок пчелы мог обозначать *пчелу* и *трудолюбие*, изображение ног – *ноги* и действие *идти*, рисунок глаза – *глаз* и *зрение*. Например, словом *пчела* издревле обозначалось насекомое, собирающее пыльцу с цветов и перерабатывающее её в мед. Это основное значение лексемы *пчела*. А потом с пчелой стали сравнивать трудолюбивого человека. Не надо объяснять почему. Такие дополнительные к основному значению смыслы являются символическими.

С помощью символов люди пытались и пытаются сделать видимыми и узнаваемыми свои идеи. Символы могут нести огромное количество информации, при этом оставаться простыми и легко запоминающимися. Общепринятая система жизненных символов позволяет людям чувствовать гармонию друг с другом, обществом, с космосом, побуждает к коллективным действиям. Именно вторичные смыслы, закрепившиеся за насекомым, животным или растением, являются основой символического образа. В этом всё дело. Ведь думаем мы не словами, а образами. Для этого в мозг человека от рождения «встроен» специальный механизм – универсальный предметный код (УПК). Универсальный, потому что он есть у всех людей на Земле. Предметный, потому что единицей этого кода является предмет, точнее, мыслительный образ предмета. У каждого человека свой набор симвлических образов в зависимости от национальности, которую, как известно, определяют два фактора: язык и территория.

Южане солнцу не умиляются, так как большую часть года в течение дня палящее светило испепеляет землю, убивая всё живое. И только ночью ненадолго приходит прохлада. Поэтому азиаты боготворят Луну. В газелях

Алишера Навои самые красивые девушки Луне подобны – луноликие. Налицо кульп ночного светила.

Русские, чья родина – в основном территория холода, обожествляют Солнце как источник жизни. Долгими лютыми зимами северяне ждут не дождутся тёплых лучей, что пробуждают землю. Весной каждая травинка, каждый цветочек к солнцу тянутся, оживают леса и поля, вскрываются реки, птицы с юга прилетают. Мои предки сибиряки Солнцу поклонялись. Именно у русских говорят: при солнышке тепло – при матушке добро. Недаром восточным славянам так полюбились подсолнухи, появившиеся в России в восемнадцатом веке. Сначала люди лакомились семечками, потом научились извлекать из них масло, а из отжима халву делали не хуже восточного шербета. Но главное – заметили, что этот крупный жёлтый цветок, по форме и цвету похожий на долгожданное светило, в течение дня сам поворачивается за солнцем, как зажаренный. И потому подсолнухи во многих «холодных» цивилизациях – символ Солнца и животворного тепла. Обожаю подсолнухи!

Зимой намеренно кладу на обеденном столе две замшевые салфетки – в центре тёмный круг, а по краю жёлтые лепестки – то ли солнышки, то ли подсолнушки. Да не всё ли равно? Гляжу на них и чудится-блазнится лето. Под синим-синим небом поля пшеничные и подсолнуховые спеют, золотыми лучами пронизанные. Между ними рощи берёзовые. В перелесках и на опушках – ромашки да голубые незабудки и колокольчики. На Алтае девчонкой бегала средь белствольных берёз, грибы собирала, венки из ромашек и васильков плела и солнышку-колокольышку радовалась. Вот эту дремлющую память случайно и разбудили во мне две мои салфетки. Постирали их как-то, повесила. Обернулась и ахнула – солнышки на прещепках!

Интересно, что символы, таясь в глубинах памяти, долгое время могут не обнаруживаться, не входить в светлое поле сознания. Человек в повседневной суете часто не подозревает, что эти образы с их древними смыслами могут проявиться в нём по самому неожиданному поводу. Я тоже не сразу выявила унаследованные мной символы. Некоторые обнаружились так внезапно, что удивиться не успела!

Как-то зашла в элитный магазин – по своему обыкновению поглядеть на гобелены, халаты, полотенца, простыни, пододеяльники. Интересно, какие цвета нравятся сейчас моей психике? Свои цветовые предпочтения (а они с годами меняются) мы выявляем бессознательно, что называется, по наитию. Несспешно перевожу глаза с одного изделия на другое. И отмечаю, на полотенца, простыни и халаты какого цвета мне приятнее любоваться.

Смотрю, смотрю – и глазам не верю. Неужели голубой стал нравиться? Ну да – голубой! Надо же! Хорошая новость! Всю жизнь отвергала этот цвет, как, впрочем, и синий.

…Лет десять тому назад, когда трудности навалились, с ног до головы была «зелёной», как лягушка. Сапоги зелёные, пальто, плащ, два костюма – всё зелёное. Цвет неумолимой тяги к жизни, стремления всё переделать и во что бы то ни стало преодолеть трудности. А

любители голубого, считают психологи, отличаются мечтательностью и романтизмом (этого добра у меня хоть отбавляй!). Любят путешествия (часто стремятся к морю, к воде) и ценят общение во всех его проявлениях (это точно обо мне!). Отношение человека к окружающими носят спокойный, свободный от конкуренции характер. Впрочем, рановато обрадовалась голубому. Надо ещё разобраться. При склонности к голубому, возможно, человек просто нуждается в отдыхе или даже лечении. Хотя в моём гардеробе всё чаще появляются вещи насыщенного голубого цвета… Это добрый знак!

Речь не о цвете. О символах. Так вот, хожу по магазину, смотрю на выставленную роскошь и к себе «прислушиваюсь». Вдруг чувствую: внутри у меня как будто что-то вздрогнуло, встрепенулось и потеплело… Пригляделась – ой, какая салфетка! Ахнула, взяла её в руки и застыла, поражённая. Прямо столбняк напал. Даже продавщица подошла и через плечо мне заглядывает. А на куске грубого льняного холста зеленовато-серого цвета в ряд, будто для гербария приготовленные, редко так на стеблях синие васильки вышиты вперемежку с поспевающими колосками да ещё с какой-то луговой травкой и фиолетовым ирисом. Всё просто, безыскусно, а так за душу взяло! Прочитала название незатейливого натюрморта – «Разнотравье». Смотрю на колоски да метёлки полевых трав – и глаз не могу отвести. Опомнилась и поняла – надо брать. Это – то же, что подсолнушки, маки, ромашки, то есть присущие только мне символы подсознания – системы конденсированного опыта. Не знала, не ведала, что полевые эти растения так милы, так дороги моему сердцу. А скорее всего – русским пра-пра-предкам моим по линии мамы нравилось любоваться на колосья да синие васильки, когда шли они босиком по краю спевающего ржаного поля.

Денег хватило на одну салфетку. Купила, пришла домой, положила на сосновый стол. Стою, любуюсь, как ненормальная, на эту неброскую красоту. Ну да, – размышляю, – полевые травки сорваны художником, разложены рядком и запечатлены в гобелене, как память о тех, кто любил и защищал мою застенчивую Русь.

Короток путь человека на земле, словно вспышка падающей звезды, что прочертит небосвод и погаснет. «Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на пути своём, и возвращается ветер на круги своя», – приходят на ум слова Екклесиаста. Не всё уходит в не-бытие. Самое ценное, непреходящее остаётся в памяти потомков не по их желанию, а по законам генной памяти. Удивительно, но факт: когда на стимул *поэт* в свободном ассоциативном эксперименте просят быстро назвать первое пришедшее на ум слово, восемьсот из каждой тысячи опрошенных русских отвечают: *Пушкин*. Не это ли имел в виду поэт, когда писал: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастёт народная тропа». На стимул *часть лица* абсолютное большинство русских реагирует словом *нос*, на *фрукт* – *яблоко*, а на стимул *дерево* – неизменно отвечают: *берёза* или *дуб*.

Другие личностные символы могут осознаваться постепенно, годами. Например, никогда не задумывалась и, честно сказать, полжизни не знала, что так любезны

моему сердцу простые герани. А тут надумала новую квартиру купить. И в повседневной суете нет-нет да и всплыт перед глазами видение: будто на лоджии будущей квартиры цветут-полыхают герани, бело-розовые фуксии, пышные begonias, что в русских деревнях зовут Иваном-да-Марьей, – цветы, которые всегда любили женщины моего сибирского рода: мама, тётки, бабушки, прабабушки. Промелькнёт да исчезнет неясное видение.

В другой раз приснится, будто подхожу к новому дому, смотрю на свои новые окна, а в них не голландские пёстрые диффенбахии, криптомерии, араукарии, спатифиллумы или кротоны, которыми забиты нынче цветочные магазины, а ослепительно-белые, нежно-розовые или ярко-красные герани... «Надо пораньше посадить отростки, – задумала я ещё зимой. – Пусть крепнут, укореняются, а к весне, на самое новоселье, зацветут. Хорошо бы...»

Какое всё-таки удивительное жизнестойкое, энергичное, неприхотливое растение – герань! А листья-то, листья – такие упругие крепыши совершенной выразительной формы, насыщенного зелёного цвета. Ну а яркие соцветия – глаз не оторвать! И столько их на одном растении, и так подолгу не теряют они свежести и очарования, что диву даёшься!

Поставила в воду несколько отростков. Не теряя нарядного вида, они быстро пустили корни и принялись расти. Листья упругие, бойкие, жилки на них узорчатые, ворсинками припорошённые. Корешки мясистые, а уж стебли такие упругие да свежие, так и хочется потрогать! Работаю, спешу всё вовремя успеть, нет-нет да гляну на жизнерадостные отростки. Смотрю и радуюсь, будто их задорная энергия мне передаётся. Пора бы им в землю, да посадить не во что, и на рынок съездить некогда – ни минуты свободной.

Почему герани? – пытаюсь разобраться в себе. Их любила мама. И это странное желание, наверно, как запоздалая, вдогонку, память о ней, не знавшей ласки и внимания ни от мужа – моего отчима, ни от сыновей, да

и от нас, дочерей. Я встречалась с ней урывками, от случая к случаю. Как же теперь горько сожалею, что в заботе о муже, о детях, о работе, будь она неладна, забывала о ней, не могла или не стремилась найти для неё ласковые слова, обнять, поцеловать, благодарно прижаться к той, что самоотверженно и щедро положила свою жизнь к нашим ногам. А она ждала, ждала их, этих наших скучных знаков внимания. Понимаю это сейчас запоздало и с горьким упрёком.

Вообще-то ботаники называют герани пеларгониями. И это вовсе не сибирские цветы, как уверяла мама. Родина пеларгоний – Южная Африка, где до сих пор из них добывают эфирное масло. В России пеларгонии стали известны, как и подсолнухи, с восемнадцатого века под названием *герани*. Тогда у них были только белые цветки. С тех давних пор цветовая гамма растения, так приглянувшегося нашим бабушкам, расширилась.

Выходит, три века понадобилось моим сибирским предкам, чтобы сформировать и передать потомкам симпатию к этому незатейливому, неприхотливому комнатному растению, немодному нынче. Немодному? А между тем идёшь по заснеженной улице, смотришь на окна многоэтажек – то здесь, то там полыхают герани. Значит, не мне одной надо, чтобы они цвели на подоконнике.

Да, символы... Вот почему так милы сердцу россиян сибирские дикоросы, что и ныне растут по берегам холодных русских рек или в заповедных лесах: белоснежная чёрёмуха, раскрасавица рябина, пахучая лесная земляника, красная калина, сизая черника, дикая смородина, оранжевая облепиха, багряные клюква и брусника, алая недотрога костянника... Да ещё полевые цветы моей милой скромницы России.

Воспетые предками в старинных русских песнях, запечатлённые на рушниках, в золотой семёновской хохломе, русской эмали, на жостовских подносах, лаковых шкатулках, в павловских платках, они давно стали национальными символами и таятся в генной памяти как древние и дорогие сердцу образы подсознания.

Станислав РЕМ

выпускник БГПУ 1984 года

От редакции. Станислав Рем (некоторые помнят его как студента нашего вуза Вячеслава Рыбакова) – наш земляк, ныне житель Украины, преподаватель Киевского университета славистики, а кроме того, прозаик, автор нескольких романов, изданных в Москве. Действие ряда из них («За тихой и тёмной рекой», «Пропавшая экспедиция») разворачивается в Приамурье, в том числе в Благовещенске, а среди героев есть и преподаватели БГПУ. Публикуемые нами воспоминания Станислава Рема посвящены его студенческим годам, любимым, обожаемым вузовским учителям.

Воспоминания

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ...

Как говорит моя внучка, снег *хрумтит* под ногами. Хрумтит, потому что когда он ещё не сухой, мокрый, то издаёт под ногами своеобразный звук: хрум – хрум – хрум... Хрустко и очень звонко. Первый снег этого года. Тонкая прослойка, которая скоро превратится в грязь.

Вот сколько раз прохожу мимо «Красного корпуса» здания университета имени Т.Г. Шевченко, столько раз думаю об Анне Ивановне. В иные дни она вспоминается редко, от случая к случаю. А как только «Красный корпус» появляется перед глазами, тут же начинаю представлять, как маленькая хрупкая девочка некогда бежала на пары по Владимирской со стороны Софиевской площади. А может, поднималась по бульвару Шевченко от Бессарабки... Или небольшими шажками стремительно пересекала парк, чтобы успеть на занятия... Подбегала к центральному входу, поднималась по широким каменным ступеням. Представляю, как её рука трогала именно эту бронзовую ручку на двери (а она трогала именно её: совсем недавно в документальном фильме о Киеве рассказывали, что сие бронзовое изделие пережило не одну смену поколений и властей) после чего с трудом тянула тяжёлую створку дубовой двери на себя...

Как хороши, как свежи были розы...

У каждого выпускника филфака Благовещенского педуниверситета (в мои студенческие годы – института) остались свои, личные воспоминания об Анне Ивановне Вайсман. Да и как иначе? Она захватывала, захлестывала своей энергией. После ровных, замечательных, но всё-таки, в большей своей массе, скучноватых школьных учителей, филологи-первокурсники вдруг сталкивались с фонтаном таких разноцветных эмоций, что дух захватывало! Никакие карусели и «американские горки» не идут в сравнение с теми чувствами, которые испытали студенты, впервые оказавшиеся на лекции Анны Ивановны. Я помню ту первую лекцию!

Конспектировать? Какое там... Весь поток, все семьдесят два первокурсника с первой минуты забыли о ручках и тетрадях, потому как то, что предстало перед нами, можно было назвать как угодно, только не лекцией. Нам не рассказывали о древнегреческой литературе. Нам её показывали! За полтора часа перед нами представили Гомер и Геродот, Сапфо и Гесиод, Софокл и Еврипид... Пел хор Эсхила, взлетал громоподобный голос Зевса, стенал Эдип и плакала Пенелопа. И весь этот потряса-

ющий эмоциональный калейдоскоп претворила в жизнь одна маленькая женщина с горящими, как уголья, глазами.

Полтора часа мы сидели, открыв рты, и закрыли их только тогда, когда Анна Ивановна простым, обыденным тоном вдруг произнесла: «Всё. Лекция окончена». Словно ушат холодной воды на голову. Ещё минута понадобилась на то, чтобы прийти в себя, подняться с места и, переглядываясь, спросить друг у друга: «А что это было?»

Знакомство, общение с этой удивительной, непредсказуемой, нестандартной, особенно для тех времён, женщиной оставило в каждом из нас такой глубокий след, что хотели бы мы того или нет, он, этот след, пусть от случая к случаю, но напоминает о себе в течение всей жизни.

Как хороши, как свежи были розы...

В тот вечер тоже хрустал снег. Как сейчас помню: первый курс, декабрь, мы сдаём зачёт по античной литературе. Засиделись допоздна, чуть ли не до полуночи. А так как я и мой друг Володя Ушаков были единственными представителями сильного пола среди семидесяти девчат (весь наш поток), то, естественно, по-джентельменски всегда пропускали своих одногруппниц вперёд. Честно признаюсь: делали это и с определённой выгодой для себя: все, кто сдавал зачёт или экзамен, оставляли свои конспекты, которые мы тут же принимали торопливо листать. Конечно, перед смертью не надышишься, но всё же... Словом, в тот вечер мы, как обычно, пропустили девчонок вперёд и остались с Анной Ивановной наедине.

А потому, как положено мужчинам, нам повезло её провожать. Это сегодня я говорю: повезло. Тогда-то мы так не считали. Протаптывая дорожки на только что выпавшем снегу, с трудом сдерживали смех, переглядывались, подмигивая друг другу и всё ждали, когда же закончится этот бесконечный маршрут от института до её дома. Было весело и как-то... Даже трудно выразить словами, как нам было. Нет, не могу сказать: очерствело, но вот как-то поверхностно, что ли, неглубоко. Своеобразный коктейль из юношеского максимализма вперемешку с бесшабашным оптимизмом, который рвался наружу, выплёскивая то, что с годами мы обычно утрачиваем. Хотя не все: вспоминая сейчас Анну Ивановну, тот давний декабрьский вечер, понимаю, что душой она всегда оставалась молодой.

Она держала нас под руки воздушно, невесомо и совсем не для того, чтобы чувствовать опору. Под ногами хрустел снег (точь-в-точь как сегодня), и в звёздной морозной тишине, вперемешку с хрустом, вдруг зазвучали стихи. Это было настолько неожиданно, что я вздрогнул. И вся дурь из головы вмиг испарилась, выветрилась.

Анна Ивановна читала Блока! Для нас!

За Блоком – Бёрнса, за Бёрнсом – Ахматову, за Ахматовой...

Это было бесподобно! Снег, ночь, звёзды, тишина и стихи!

Сегодняшний, пятидесятилетний, я понимаю: Анна Ивановна, конечно, заметила наши гримасы. И в душе, наверное, улыбалась юношеской клоунаде. И, тем не менее, наполнив грудь глубоким вдохом, выдохнула на мороз:

В ночи, когда уснёт тревога,
И город скроется во мгле –
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!

Что буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что человеческие слёзы,
Когда румянится закат!

Странно, но именно такие неуловимые, казалось бы, совершенно легкомысленные моменты запоминаются на всю жизнь.

Первое, с чем я столкнулся, поступив в БГПИ, – уважительное отношение к студентам. Преподаватели с первого дня обращались к нам исключительно на «вы», что многих шокировало. В школе-то все привыкли, что им постоянно «тыкают». А как иначе? Школьник – значит, ребёнок. А тут – на «вы». Именно тогда я по-настоящему ощутил: детство закончилось. Начинается взрослая жизнь. И не потому, что мне говорили «вы». А потому, что ко мне относились на «вы». И, соответственно, требовали с меня.

И этому новому, непривычному состоянию взрослости нас учил каждый преподаватель.

Не забуду, как впервые в нашу аудиторию вошла статная, высокая, обворожительная, будто с неё списывал Шолохов Аксинью Астахову в «Тихом Доне», Лидия Васильевна Кирпикова. Все ахнули: вот это мощь! Девчонки вмиг окружили её, а мы с Вовкой скисли: всё, нам кранты. Отчего-то, дурачки, решили, будто такая женщина вряд ли будет испытывать к нам симпатию. И как радостно было впоследствии разочароваться в своих скороспелых выводах. Кстати, и это тоже был мне урок: никогда не оценивай человека по первому впечатлению!

А наш куратор, Галина Петровна Довнар... Воробушек! Спрячься за мной – никто не увидит. Её невозможно было рассмотреть за нашими массивными молодыми телами, когда группа окружала её на перемене. Но при этом стояла такая тишина... Галина Петровна всегда говорила тихо, спокойно, твёрдо и сжато. Весь её монолог обычно укладывался в минуту. Но за ту минуту

мы (в том числе и я с Вовкой) понимали всё, что от нас требовалось.

Но самое главное – Галина Петровна с нами, со своей группой, в первую очередь, была мамой, а уж после, как говорят на Украине, *выкладачем* (то есть учителем, преподавателем). Большинство приехало из сёл. Жили в общежитии. Родители далеко, город под ногами, свободный человек, сам себе голова. И вот чтобы эту голову напрочь не снесло, Галина Петровна, как я сейчас понимаю, прилагала много усилий, потому как все мы без потерь дошли до финала. Как позже выяснилось, именно с ней, а не с родителями, некоторые девчонки советовались о своём будущем, потому как из-за рождения ребёнка собирались бросить институт. О чём она с ними говорила, какие доводы приводила – понятия не имею. Но закончили вуз все!

Я и сам уже давно преподаю в университете, люблю свой вуз, однако, честно признаюсь, куратора уровня Галины Петровны встретить больше не довелось.

А Анатолий Васильевич Лосев с его фразой, которая сразила меня наповал, фразой, прозвучавшей не где-нибудь, а на экзамене: «Разрешаю пользоваться учебниками. И выходить отвечать с ними. Если разбираетесь в материале, я сразу пойму. В противном случае вам и шпаргалка не поможет». Гениально!

Кстати, в тот морозный декабрьский вечер мы так и не сдали зачёт Анне Ивановне. И это тоже был урок для нас: не будь самоуверенным!

Как хороши, как свежи были розы...

Это тургеневское стихотворение в прозе я читал на чётвёртом курсе, в актовом зале. Тоже зимой. До окончания института оставалось несколько месяцев. Точнее, нас уже и не было в вузе. Все мы, старшекурсники, проходили последнюю педагогическую, чуть ли не полуторовую практику по школам, в здании БГПИ появлялись изредка, только в силу необходимости. И оттого ощущение, что скоро навсегда покинем родной институт, было острым. Теперь в стенах родного, некогда «нашего» «педа» хозяйничали не мы. Странно было ходить по коридорам, в которых ты как бы ещё и не чужой, но уже и не свой. Полное ощущение, будто списали с борта на берег, осталось только забрать рундучок.

Именно в этот момент Анна Ивановна и протянула мне канат, чтобы снова подняться на борт любимого корабля. Видимо, при встрече почувствовала моё состояние. Предложила выступить в своей студии художественного слова, прочитать тургеневское стихотворение. «Как хороши, как свежи были розы...».

В зале в тот вечер было прохладно. Помню, Анна Ивановна укуталась в пальто и как-то по-девчоночки мягко устроилась в кресле в первом ряду.

На сцену вытянули рояль, из которого извлекала звуки вальса первокурсница. На крышке инструмента поставили свечу, выключили свет. И в этом полумраке теперь уже я читал стихи. Как хороши, как свежи были розы...

Первокурсникам, наверное, казалось, что меня заставили читать для них, или, в крайнем случае, что я выпендриваюсь перед преподавателем, зарабатываю

очёчки – оценочки. Переглядывались, перемигивались, хихикали… Прям, как мы с Вовкой три года назад.

Но мы-то с Анной Ивановной знали: в тот вечер я читал Тургенева не для них и даже не для неё, а для самого себя. Тургеневские строки стали как бы прощанием со студенческими годами. Последним приветом любимому вузу. Нашим с ним последним рукопожатием. Именно после того вечера мне стало легче, будто мой друг отпустил меня в дорогу.

Снег хрумтит под ногами. Стою на перекрёстке. Вниз – Бессарабка. Прямо – Владимирская. Налево – Ботанический сад, станция метро «Университет». И по всем этим направлениям некогда гуляла, бродила, бежала, спешила Нехама (Анна Ивановна) Вайсман. Как здо-

рово, что я сейчас стою на этом перекрёстке! Будто теперь уже от её имени передаю привет Киеву. Словно теперь она, через меня, передаёт свою частичку этому городу.

Вскидываю руку, смотрю на часы. Пора.

Спасибо, Анна Ивановна. В который раз вы мне подарили возможность побывать дома. Будто только что тронул ручку тяжёлой входной двери в наш институт, будто только что поднялся по гулкой металлической лестнице на второй этаж, будто только что заглянул на кафедры и увидел родные, дорогие мне лица…

Всё, нужно бежать.

Как хороши, как свежи были…

Киев,
22 декабря 2014 г.

Поэтический дебют

От редакции. На этот раз на страницах нашей рубрики читатель познакомится с образцами поэзии двух очень разных авторов – с разным жизненным багажом, разными творческими установками, разными способами самовыражения. Объединяет двух поэтов способность сказать живое слово так, что оно долго отзывается в душе.

Хелена САММЕР

От редакции. Автор публикуемых ниже стихов – профессиональный филолог, предпочитающий скрываться за псевдонимом. Нынешняя публикация – поэтический дебют в полном смысле слова, ведь к созданию стихов Хелена Саммер, автор учебных пособий и научных трудов, обратилась совсем недавно. По её словам, строчки приходят даже во сне, а потом вырастают в стихотворения. Очень критично относясь ко всему, что делает, своё творчество автор считает просто способом дышать.

Стихи

Слава богу, суббота!

Слава богу, суббота!
И вообще скоро лето.
А сначала весна,
В майский шелест одета.

Пролетают недели,
Проплывают снежинки...
Только не пропустить бы
Праздник таяния льдинки,
Одуванчиков бал
И сосулек оркестры,
Птиц весенних балет,
Песню гения места.

Только не проглядеть бы
В кутерьме и заботах,
Суете, лихорадке
Приближение субботы,

Не растратить,
Утратить
Или просто забыть
Наслажденье дышать,
Удовольствие жить...

Только не потерять бы
Ощущение Света,
Упоение жизнью,
Предвкушение лета.

ЗАВТРА БУДЕТ СУББОТА!
Свято верую в это.

Со звоном зима осыпается...

Со звоном зима осыпается,
Взрывается цветом весна,
И месяца лик утончается,
Блаженно апрель улыбается,
И даль беспредельно ясна...

Приметы эти знакомые –
Я их ловлю на лету
И эту весну беспокойную
Благословляю,
И ту, больную и безутешную,
Стремительно улетевшую
В зияющую пустоту...

Ах, полно о ней беспокоиться –
За солнечный лучик держись!
И роза на подоконнике
Диктует цветенье и жизнь.

Доколе?

Он шёл с утра на дракона,
Она оставалась шить,
И это было законом,
По которому жить.

Шёл он один на мамонта
И на пирушку потом,
Она рожала, стряпала
И содержала дом.

К друзьям он, к подружкам,
В сауны, на пиры и балы,
Она оставалась дома
И натирала полы.

И было так жить удобно,
Но вдруг всё пошло вразнос,
Когда возник тот проклятый
Феминистский вопрос:

ДОКОЛЕ?

А вы люди Божии

Не просила бабушка, не молила,
Только тонким голосом говорила.
А вы люди Божии, – говорила.
Я не потревожжу вас, – говорила.
А вы благодарствуйте, – говорила.
А вы люди Божии, – повторила.

Дивы длинноногие выплывали,
В сапогах нарядненьких гарцевали.
А за ними в кедиках
Эластичных
Пробегали мальчики
Из приличных.

Семенили дамочки-среднелетки –
Все упруго-гладкие,
Как котлетки.
Вслед за ними весело и вприпрыжку
Рысью мчались кобели
С модной стрижкой.

Господа солидные там бывали,
На машинах лаковых
Проплывали –
Торопились
Обсуждать указы
Да народные выполнять наказы.

Время новогоднее, суетное,
А тут эта бабушка

Беспокоит,
Причитает что-то
О божьем свете,
А у них – собрания, шопинг, сметы...

А у них
Гёрлфренды,
У них
Айпады.
А про это божие
Им не надо.

Не просила бабушка, не молила,
Просто тихим голосом говорила.
И метался голос её
Детский –
Ни приюта ему,
Ни места...

Голосок сорвался и сился,
Да по улице вниз
Покатился.
На углы на острые
Натыкался
Да об камни твёрдые изломался.

Полетели осколочки,
Разлетелись,
Лишь далеко в небе
Пропелось:
А вы люди
Божи-и-и-и-и-и-и-и...

Елизавета ШЕЛОМИХИНА

*студентка 2 курса кафедры китайского языка и литературы
Хэйхэского университета*

От автора. С детства я очень любила учить и рассказывать стихотворения, а ещё родители часто играли со мной в игру под названием «Рифма»: для меня это было увлекательным и интересным занятием. Мои самые первые стихи были просто рифмованными строчками. Когда стала старше, стихи стали передавать мои мысли и чувства. Сегодня поэзия – способ высвободить переживания, которые живут внутри.

Стихи

Окликни меня на улице!

Окликни меня на улице! Так хочется верить, что помнишь, что я нужна тебе хотя бы мысленно или внутренне... Какая же я всё-таки глупая! В своих чувствах, ожиданиях и слепой любви. С доверчивостью тянусь к людям, теперь привязалась и к тебе. По-прежнему, как проблемный подросток, ищу недостатки в себе. Иногда люди думают рефлексами, вот и на любовь уже выработался. И те-

перь всё движется друг за другом по привычному принципу. Я девочка со странными ожиданиями и бешеными волнениями. Не могу воспринимать ничего спокойно из-за лени. Я что плачу, что смеюсь, всё в истерике, взрываюсь как молния, нахожусь в какой-то абстракции и агонии... Но так хочется верить, что помнишь, что я нужна тебе хотя бы мысленно или внутренне... Какая же я всё-таки глупая! Но тебя вспоминая, продолжаю от счастья жмуриться. Я так жду... Окликни меня на улице!

2012

* * *

Отпускать целиком тяжело,
Но сложней отрывать кусками.
Поломалось одно крыло
Под просторными небесами.
Я калека вечной любви...
Никому, да и мне, непонятной.
«Позови за собой, позови», –
Я шепчу тебе тихо, украдкой...
Норовит каждый в душу клонуть,
И ты тоже из их числа.
На других-то могу я плюнуть,
До тебя ещё не доросла.
В ритме бешеном существования
Вырываешься стараюсь вперёд.
Но меня всей толпою давят...
Кто один, тот теперь отстаёт.
Я живу в закрытой коробке
И в своём пространстве и времени.
Суждено мне быть гадким утёнком –
Без превращения в лебедя.

2012

* * *

Смотришь на мир сквозь замочную скважину;
Всё перевёрнуто, обезображенено.
В жизни совсем ничего не налажено.
Не поворачивай ключ.
Серые люди стеклись оравами
В плотную очередь за отравою,
С ядом на сердце, прожжённом булавами
В форме угрюмых туч.
Льются дожди эфемерными строками,
Все оглдело кричат сороками.

Ты отгораживаешься блоками
В поиске подлинных чувств.
Всем наплевать на твои старания,
Выход один – самобичевание.
Выпить бы яда, для осознания...
Мир совершенно пуст.
Ночь для любви, наутро растерянность,
В жизни опять наступает размеренность,
Даже растоптанная уверенность
Яростно жаждет уйти.
Всё материально, духовное – бренно,
Нас выплёвывает вселенная,
Всё рассыпается, обыкновенно...
Всё, на кривом пути.

2013

* * *

Все письма смяты или запрятаны по конвертам,
Вся память узлами, а нить в паутину скрутилась мгновенно.
И если поверить в судьбу и цифры считать по билетам,
То в следующем мае все будут счастливы непременно.
А знаешь, в том городе всё по-другому, совсем иначе.
Там нет серых лиц, и в памяти только белые строчки.
Но если ты будешь ползти и взрываться от горького плача,
Тебе непременно, как в помощь, наступят на позвоночник.
А я каждый день на кухне кофейную пью заварку,
Из дома почти не ходок, по воздуху все отправляю письма.
Мне все и всегда говорили, что нужно держать свою марку,
А что там держать, внутри всё испортилось и прокисло.
Здесь кто-то холодные дикие дни запивает водкой,
Простреленным утром пытаясь рывками вдыхать свободу.
А я всё бьюсь, как волны, о старую ржавую лодку,
Ведь как ни рвись, мы все приплывём к одному исходу.

2014

**«ТАЙГА НАСКВОЗЬ ПРОНИЗАНА СТИХАМИ...»:
«Певцам БАМа» посвящается
(к 40-летию Байкало-Амурской магистрали)**

«Тында всё-таки не отпускает...». Вместо предисловия

В июле этого года Тында с размахом отметила 40-летие Байкало-Амурской магистрали. Со всей страны, как когда-то в 1970-е, в столицу БАМа съехались строители-первоходцы, ветераны-железнодорожники, прославленные руководители разных организаций. Чествовали в этот день и бамовских литераторов – тех, кто запечатлел «стройку века» в своих стихах, рассказах, очерках. О них и пойдёт речь.

Поскольку вся моя жизнь так или иначе связана с БАМом, позволю себе начать с нескольких эпизодов личной биографии.

Мой первый, кратковременный, визит на «стройку века» состоялся зимой 1979 года. В поисках романтики мои родители, вчерашние выпускники транспортно-строительного техникума, отправились на БАМ, непрерывно захватив с собой полуторагодовалую дочь, то есть меня. Романтики на БАМе оказалось хоть отбавляй, а вот условий для пестования подрастающего поколения – никаких. Поэтому спустя месяц мама увезла меня на воспитание многочисленным бабушкам и дедушкам в далёкий Казахстан.

Постоянным местом жительства БАМ стал для меня в 1981-м. К тому времени родители обосновались в посёлке Хани, точнее в десяти километрах от него. В глухой тайге, вдоль железнодорожной насыпи, расположились два щитовых общежития, несколько вагончиков, котлопункт, заправка и прорабская. Именно о таких притрассовых посёлках писал известный бамовский поэт Олег Головко:

Вы видели город
Без длинных заборов,
Без винных ларьков,
И замков, и запоров,
Живущий по строгим
Таёжным законам
И с телеантенной
Над каждым вагоном?
<...>

В нём дети смеются
И песни поются.
В нём радость и горе
На всех раздаются.
Но дальше сквозь горы
Уложены рельсы –
И вновь Катай-город
Готовится к рейсу.
(«Катай-город»)

В первый класс я пошла уже в Тынде. Как будто вопреки лютым бамовским морозам жизнь во временном здании школы кипела: работали спортивные секции, в школе был хор и даже собственный вокально-инструментальный ансамбль, где мне какое-то время довелось быть солисткой.

Запомнились и традиционные литературные вечера. На одном из них мы читали стихи местных поэтов. Мне «досталась» Тамара Шульга. Кажется, тогда-то состоялось мое знакомство с творчеством известной бамовской поэтессы. Из небольшого сборника я выбрала стихотворение о любви (а могло ли быть иначе в тринацать лет?!?) «Благословляю день и час...», вся глубина и потаённый смысл которого открылись мне только спустя годы. Но сейчас не об этом. Самый яркий момент, навсегда оставшийся в памяти, – награждение победителей. Из рук бамовца Виталия Лукашенко, «живого», «настоящего» поэта, я получила альманах «Приамурье моё». Храню эту книгу до сих пор. Дарственная надпись на ней гласит: «Желаю Вам быть не только хорошим чтецом, но и хорошим стихотворцем». Поэт из меня не получился и уже вряд ли когда-нибудь получится, но вся моя взрослая жизнь по воле судьбы оказалась неразрывно связана с художественным словом. Окончив филфак БГПУ, я уже более десяти лет занимаюсь исследованием литературы родного края. В последние годы работа в составе авторского коллектива над «Энциклопедией ли-

тературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» обратила меня к изучению уникального, интереснейшего явления – литературы БАМа.

«Днём рубившие просеки, ночью бредим стихами...»: Творческие судьбы бамовских литераторов

Стихи и проза рождались на БАМе в эмоциональной атмосфере патриотического подъёма. Всесоюзная комсомольская стройка имела огромное экономическое и стратегическое значение для дальнейшего развития не только дальневосточного региона, но и всего Советского Союза. Политика КПСС была направлена на то, чтобы привлечь в ряды строителей лучшие силы страны. С этой целью на БАМе были созданы все условия (насколько это было возможно) для полноценной жизни людей, в том числе и духовной.

Как тут не вспомнить стихотворение бамовского поэта Владимир Гузия «Зеркало»:

Москва в те года – захолустье,
Столица застойнейших лет.
Нет хода поэту в искусстве,
Тарковскому хода нет...
А в Тынде – всё в первую очередь.
Здесь зрителем умнейший – поймёт¹.

Эти строки – не поэтическое преувеличение, а отражение реальности. В течение трёх лет (1978–1980) на БАМе работал агитпоезд «Комсомольская правда». За это время в городах и посёлках строящейся магистрали выступили полторы тысячи профессиональных и самодеятельных артистов, писателей, художников. Среди них известные поэты: Римма Казакова, Лев Ошанин, Михаил Пляцковский, Илья Резник, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский и многие другие.

В этой связи расскажу об одном курьёзном проишествии. 1 апреля 1978 года в газете «БАМ» были опубликованы два стихотворения, которым предшествовало интригующее пояснение: «В ноябре прошлого года в

¹ Поясню, что в стихотворении речь идёт о сложной судьбе легендарного фильма Андрея Тарковского «Зеркало»: исповедального по характеру и необычного по кинематографической манере. Чтобы получить разрешение на съёмки, автор трижды переписывал сценарий, потратив на это около шести лет. Не менее мучительной оказалась борьба за выход на экран уже готовой картины. Комитет Госкино СССР обвинил А. Тарковского, в частности, в неуважении к зрителю. Фильм, лишенный всякой хронологической последовательности, без выраженного композиционного центра, насыщенный усложнённой символикой и аллюзиями, сочли очень сложным для понимания широкой зрительской аудиторией. В результате «Зеркало» определили как художественную неудачу автора и выпустили в кинопрокат ограниченным тиражом. В числе немногих городов, получивших первоочередное право на просмотр фильма, оказалась и Тында.

Тындинском клубе «Зарядье» был торжественно открыт первый общетрассовый семинар молодых поэтов БАМа. <...> Наконец-то, к 1-му апреля мы получили отклики на это запомнившееся событие от маститых Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко. Они переданы в редакцию поэтом Александром Симаковым». Процитирую несколько строк из стихотворения, подписанного именем Евтушенко, поскольку именно из-за него и разгорелася весь сыр-бор:

Мне говорил пастух
Чукотский Гриша,
Потягивая свой денатурат:
– Однако, Лукашенко
Шибко пишет,
Совсем как Евтушенко,
В аккурат.
Ему вторил племянник
Никодим,
Скосив наискосок глаза
Косые:
– Евонная фамилия –
Россия!
А Лукашенко – энто
Псевдоним.
<...>
В болгарском городке
Димитровграде
Один очкарик, выпивши
Вина,
Передавал привет каюй-то
Наде²
И уверял, что Надя –
Из «Звена»³.
Мне говорил египетский
Феллах,
Предложив выпить
Финиковой водки:
– Передавай привет
Гузию Вовке,
И да хранит стихи его
Аллах!

Тогда, прочитав эти строки, многие бамовцы улыбнулись. Они понимали, что перед ними пародия на известного поэта, автором которой является обладатель отменного чувства юмора, «курьер» Александр Симаков. Дело в том, что в ноябре 1977 года в Тындинском клубе «Зарядье» действительно проходил I Общетрассовый семинар молодых литераторов БАМа. Все упомянутые в стихотворении бамовские поэты на самом деле читали со сцены свои стихи. Присутствовали на празднике и многие именитые гости из Москвы и других городов Советского Союза. Но ни Евтушенко, ни Вознесенский не были свидетелями сего литературного действия. Бамовцам, постоянным читателям газеты, подробно освещавшей работу семинара, об этом было хорошо известно. Не оценили первоапрельской шутки Ивана Шестака, главного редактора «БАМа», только бдительные сотрудники

² Речь идёт о Надежде Пузыревской.

³ «Звено» – литстудия, рассказ о которой следует далее.

ЦК КПСС. Просматривая очередной номер газеты, они сочли, что настоящим автором опубликованного стихотворения является сам Евгений Евтушенко (наверное, более высокой похвалы Симаков не слышал в свой адрес ни до, ни после этого случая!!!), находившийся в те годы в опале. В Тындинском горкоме КПСС, «получив сигнал», в ситуации разобрались, но перечить ЦК не стали. Шестаку посочувствовали и... объявили выговор.

Ещё в середине 1980-х «виновник» случившегося перебрался в северную столицу, но творческие и человеческие связи с амурчанами не прерывал. Именно дальневосточные просторы Симаков считал своей второй родиной:

Перед истиной пусть грешу,
Но не будет отец ко мне строг.
Я сегодня в анкете пишу:
Моя Родина –
Дальний Восток.

(«Моя родословная»)

В 2011-м поэта не стало. Читатели и собратья по перу до сих пор помнят его не только как сочинителя искромётных пародий, посланий и эпиграмм, уже долгие годы кочующих из компании в компанию, но и как автора проникновенных стихов о любви, гражданской лирики высокого накала.

Но, кажется, я увлеклась. Возвращаясь к разговору о культурной жизни БАМа, не могу не упомянуть о многочисленных фестивалях. В 1976 году в Тынде прошёл кинофестиваль «Молодые – молодым», в 1977-м – Всесоюзный фестиваль любительских фильмов «БАМ строит вся страна», в 1978-м – фестиваль искусств «Огни магистрали». Что и говорить, все они оставили незабываемый след в сердцах строителей-первоходцев.

Но самым значительным событием на «стройке века» долгие годы был фестиваль гитарной песни. Впервые он состоялся в Тынде в 1976 году и мгновенно завоевал популярность. На сопке Фестивальной, у подножия которой строили сцену в форме гитары, собирались самодеятельные и профессиональные поэты, композиторы и исполнители не только из разных уголков нашей страны: Москвы, Казани, Якутска, Читы, Хабаровска, Владивостока, – но и из разных стран. В 1979 году гостем фестиваля стал всемирно известный американский певец и актёр Дин Рид⁴. После отъезда артиста о нём ещё долго говорили и писали. Вспоминают и сегодня, прогуливаясь по одной из тындинских улиц, названной именем певца.

Идея проведения фестиваля с первых дней строительства магистрали буквально витала в воздухе. И не трудно догадаться, почему: песни, часто собственного сочинения, помогали первоходцам жить и строить дорогу. Одним из вдохновителей фестиваля была легендарная Татьяна Денисова – молодая москвичка, выпускница библиотечного техникума, год работавшая на про-

⁴ К тому времени Дин Рид постоянно проживал в ГДР. Из США певец был выслан за то, что публично постипал американский флаг, утверждая, что он слишком запачкан кровью.

секе сучкорубом и только после этого возглавившая отдел культуры в штабе ЦК ВЛКСМ. Всегда и везде верной спутницей Татьяны была гитара. Талантливый композитор и исполнитель, она неоднократно становилась лауреатом фестивалей гитарной песни, записывалась на пластинку «Кругозор». Всесоюзную известность ей принесла песня на стихи Надежды Пузыревской «Говорите, грубо очень...». Пением Татьяны Денисовой были очарованы многие. Вот и Олег Головко одно из своих первых бамовских стихотворений посвятил ей:

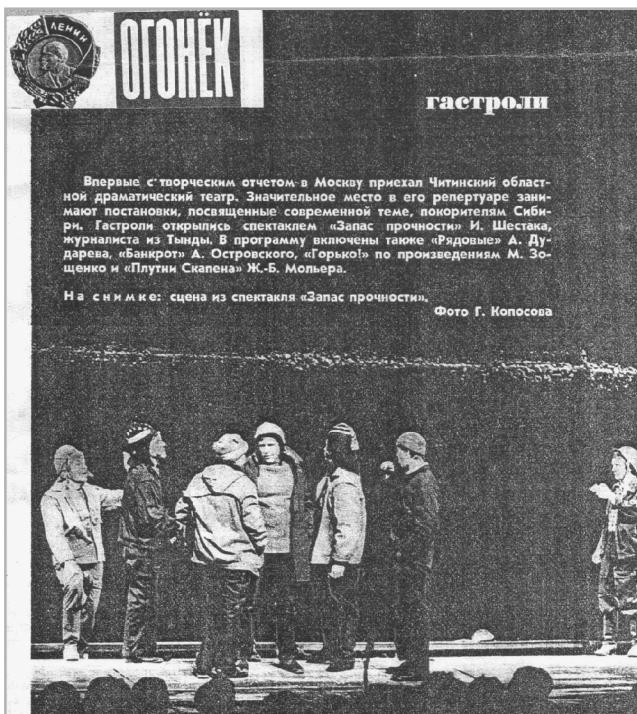
Когда взгрустну чертовски,
Начну в тайге хандрить,
Найду отряд московский,
Вагончик «тридцать три».
Скажу, что, словно рана,
Изводит грусть в ночи.
– Денисова Татьяна,
Меня ты излечи.
Тогда она достанет
Гитару со стены,
Среди вагона встанет
Солдатом средь войны.
Ударят грозно струны,
Они напомнят мне,
Как холодно и трудно
Солдату на войне.
Атака за атакой,
И пули, как шмели,
И пламя среди мрака,
И крик из-под земли.
И злая ругань пушек,
И вся трава в крови...
<...>
О, если бы вы знали,
Все лекари Земли,
Что забываешь раны
И вновь готов в поход,
Когда в тайге Татьяна
Денисова поёт.

(«Таня Денисова»)

Не менее масштабными были и ежегодные Пушкинские праздники. К великому русскому поэту на БАМе относились с особым почтением. Об этом мне известно не понаслышке. Хорошо помню, что каждое наше времменное жилище (а их было немало) неизменно украшал портрет Пушкина, точнее репродукция, аккуратно вырезанная мамой – человеком, далёким от литературы, – из какого-то журнала. А вечерами она занавешивала окно белой простыней (это был «экран»), и вместе с соседскими детьми мы смотрели диафильмы «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о золотом петушке». Пожалуй, Пушкин – это первый поэт, о котором я узнала в детстве.

В годы строительства БАМа Пушкинские праздники были событием незаурядным, связанным с появлением в столице магистрали выдающихся личностей и просто интересных, увлечённых людей. Бамовцы до сих пор помнят известного советского писателя и литератора Ираклия Андроникова, пушкиниста Роберта Штильмарка, артиста Московской государственной филармонии Бориса Бурляева, солистку Московского

На снимке: сцена из спектакля «Запас прочности» (по пьесе И. Шестака)

«И под профилем Пушкина – первый праздник поэзии». Стихи читает поэт Владимир Гузей

Так выглядела обложка альманаха

Поэты Владимир Гузий и Жанна Ржевская и драматург Иван Шестак на фоне легендарного жилища бамовцев – бочки Диогена, в которой теперь размещена музейная экспозиция, посвящённая литестудии «Звено»

академического музыкального театра Галину Кузнецо-ву... Да разве всех перечислишь?!

Грандиозный размах стройки, насыщенная культурная жизнь, величие таёжной природы – в такой атмосфере просто невозможно было не писать. За перо взялся даже тот, кто никогда раньше не чувствовал тяги к сочинительству. Вспоминаются строки из глубоко правдивого стихотворения бамовской поэтессы Надежды Пузыревской:

Человек возвратился с трассы
после трудного дня усталый.
Его руки ещё привычно
ощущали металл штурвала,
и от тяжести полуушубка
ещё долго болели плечи.
<...>
А когда замолчали парни,
в сны глубокие погружаясь,
и по стенам дощатым тихо
заскользили ночные тени,
человек вдруг впервые в жизни
потянулся к листку бумаги.
Неумело ложились в строчки
километры таёжных просек,
километры путей железных,
скалы, дрогнувшие от взрыва,
берега усмирённых речек
и холодный металл штурвала...
Человек тот не стал поэтом,
и на нашей великой стройке
он по-прежнему грузит гравий,
управляя машиной сложной,
как поэт управляет рифмой.
Да и разве лишь в этом дело,
если в сердце запели струны,
о которых не знал он прежде?

(«Человек возвратился с трассы...»)

Не удивительно, что с первых дней строительства по всему БАМу стали возникать литобъединения: «Байкал» (г. Северобайкальск Бурятской АССР), «Чара» (пос. Чара Читинской обл.), «Перекрёсток» (г. Томмот Якутской АССР), «Багульник» (пос. Ургал Хабаровского края) и многие другие.

В Приамурье всё началось летом 1974 года. Тогда жители пос. Аносовский – плотники, бетонщики, сварщики и по совместительству непрофессиональные поэты, художники, фотографы, музыканты – организовали литературно-музыкальное объединение «Серебряное звено». Собираясь вместе, аносовцы читали друг другу свои стихи, обсуждали написанное, под гитару пели песни собственного сочинения, а для жителей посёлка организовывали литературно-музыкальные вечера. Вот как это было:

Захар –
объявление
корявым почерком:
«Не теряйте времени!!!
Срочно
замаливайте грехи:
вместо водки – стихи».

Идём безропотно,
как будто в мире
одна комната
№ 4.
Завмаг в окно
смотрит
и морчится:
что-то за вином
не спешат
аносовцы,
хоть выставляй бутылки
на крышу.
А на стене магазина –
афиша:
«Литературно-музыкальный вечер
“Встреча”».
И внизу броско,
как манящий
бокалов звон,
красивая подпись:
«Серебряное звено».
(«Так и живём в тайге»)

Автор этих строк – плотник Владимир Мальков. Он приехал на БАМ в мае 1974-го и стал одним из организаторов «Серебряного звена». Пожалуй, из всех литераторов-аносовцев Мальков добился самых больших творческих успехов. Он публиковался в бамовской периодике, в альманахе «Приамурье моё», его стихи вошли во множество коллективных сборников, в том числе вышедших в издательствах «Молодая гвардия» и «Правда». Стихотворение Малькова «Маркшейдер» высоко оценил известный советский поэт Сергей Наровчатов. Мальков был участником Общетрассовых семинаров молодых литераторов БАМа, а в 1979-м представлял Приамурье на VII Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве. Верным литературе он оставался и в послебамовские годы. Переехав в Дальнегорск, город в Красноярском крае, Мальков по-прежнему много писал и публиковался. Был членом дальнегорского литобъединения «Потомки Ермака», участвовал в краевых семинарах в Красноярске. В 2001-м писатель ушёл из жизни в расцвете творческих сил, оставив много неизданных стихов, повестей и роман «Ольдой – река холодная», судя по названию, рассказывающий о его бамовской молодости.

Упомянутый в поэме Захар – писатель и художник Николай Захаров, не так давно ушедший из жизни. Читателям он известен по немногочисленным публикациям в антологиях бамовской поэзии и в сборнике «БАМ: Панорама всенародной стройки». Переехав в Благовещенск, Захаров работал на ДСК. Какое-то время посещал собрания Амурской писательской организации, а в 1990-е ушёл в политику.

Единственной представительницей прекрасного пола в «Серебряном звене» была Светлана Колесова – журналист, автор очерковой прозы, в том числе и о литераторах-бамовцах. В 1983 году в нескольких номерах популярного журнала «Юность» был опубликован её бамовский дневник, а в 1984-м она участвовала в VIII Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве. Очень жаль, но все попытки отыскать Колесову, узнать, как сложилась её творческая биография, оказались тщетны. За-

терялись следы и другого участника литобъединения – Григория Лободы.

Зимой 1975-го, как только открылось движение по «малому» БАМу, многие аносовцы вновь отправились штурмовать тайгу: возводить новые посёлки и прокладывать очередные километры магистрали. Неделю они пробирались по зимнику на место будущей станции Ларба, туда, где в прямом смысле ещё не ступала нога человека. Работать приходилось много, порой по десять-двенадцать часов в сутки. Ни сил, ни времени на творчество почти не оставалось. Поэтому писали, отнимая драгоценные минуты у отдыха и сна: кто-то грелась у костра, кто-то ночами в палатках. Это о них, романтиках-первоходцах, как, впрочем, и о самой себе, писала Тамара Шульга:

Мы дождями умыты
и исхлестаны ветром,
и не так знамениты,
как другие поэты...
Но в предутренней просине
Здесь поэзия с нами.
Днём рубившие просеки,
Ночью бредим стихами.

В Ларбе ряды «Серебряного звена» пополнились новыми именами.

Николай Долгополов (псевдоним *Позёмкин*) – поэт, художник, композитор. Ныне – член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников: «Веды», «Родные незнакомые», «Извините – не темните» и «Царство русского духа».

Судьба первых литературных опытов Долгополова складывалась непросто. Отправившись на «стройку века», он захватил с собой небольшой чемодан, в который были уложены самые необходимые вещи, не представляющие особой ценности. Кроме одной – тетради со стихами. О ней больше всего сожалел поэт, когда на вокзале в Кемерово чемодан украли. Позже некоторые стихотворения Долгополов восстановил по памяти, в том числе и написанные для детей (они были опубликованы в газете «БАМ» в начале 1980-х). На этом заключения молодого литератора не закончились. В ноябре 1975-го в Ларбе случился пожар, во время которого сгорела и палатка Долгополова. Из стихов, родившихся в первые бамовские годы, сохранились только те, что поэт успел опубликовать и отправить в письмах родным. Вопреки всем обстоятельствам Долгополов не унывал и продолжал писать. В 1977 году он закончил поэму о БАМе «Мы». Но и ей по разным причинам долгое время не суждено было увидеть свет – поэма была опубликована лишь в 1999-м.

Удача улыбнулась Долгополову уже в послебамовские годы. В начале 1990-х он переехал в город Долгопрудный, что в нескольких километрах от столицы. В Москве окончил народный университет литературы при Центральном Доме литераторов. Какое-то время состоял в молодёжной писательской организации при Союзе писателей СССР (семинар Вадима Кузнецова). В Долгопрудном несколько лет руководил литературным объе-

динением «Клязьма». Стихи Долгополова печатались в литературных альманахах, звучали по телевидению и радио. Сегодня поэт готовит к изданию новую книгу стихов.

Олег Кожин, ещё один участник «Серебряного звена», пробовал свои силы в прозе, но почти нигде не печатался. В послебамовские годы оставил литературу и занялся научной деятельностью: преподаёт историю в Читинском университете, там же заведует археологическим музеем. Автор множества научных работ. О других членах «Серебряного звена» – И. Метельском, А. Свиридове, А. Степко, к сожалению, ничего не известно.

Но забегаю далеко вперёд... А тогда, в 1975-м, литераторы Ларбы решили издавать собственный литературно-художественный альманах «Серебряное звено».

Здесь необходимо кое-что пояснить. О существовании этого журнала мне стало известно из небольшой вступительной статьи С. Колесовой «Рельсы на Парнас». Она была опубликована в сборнике «Вдохновение» (М.: Молодая гвардия, 1979), который открывался стихами бамовских авторов. О рукописном альманахе Колесова упомянула вскользь, не называя ни авторов, ни произведений, но чётко обозначив место и время его появления. По её словам, журнал увидел свет в 1972 году в пос. Аносовский. Иная версия у Николая Долгополова и у Веры Александровны Мальковой, вдовы поэта. Они утверждают, что альманах начали выпускать в Ларбе. Вышло, как минимум, четыре номера, один из которых, к счастью, сохранился у Мальковой.

В этой запутанной истории всё могла бы прояснить Колесова, но увы... Хотя не доверять ей нет никаких оснований. Во-первых, она была участницей литературного объединения «Серебряное звено» ещё в Аносовском. Во-вторых, Николай Захаров, редактор сохранившегося ларбинского выпуска, жил в Аносовском как раз с 1972 года и, следовательно, вполне мог инициировать издание журнала. В конце концов, не намеренно же Колесова – к тому времени руководитель пресс-центра штаба ЦК ВЛКСМ Центрального участка БАМа – исказила информацию о дате и месте выхода альманаха? Не для подтверждения же собственного тезиса о том, что «первые рифмы появились с первыми пикетами»? Видимо, речь в статье шла именно о том первом и единственном номере «Серебряного звена», вышедшем в Аносовском.

Что касается версии Долгополова и Мальковой, то родилась она, скорее всего, из-за недостатка информации. Как бы то ни было, вопрос о месте и времени появления первого бамовского альманаха пока остаётся открытым.

А теперь о главном. Совсем недавно Вера Александровна Малькова откликнулась на мою просьбу и передала Литературно-краеведческому музею БГПУ отсканированную копию сохранившегося у неё альманаха (за что ещё раз говорю ей огромное спасибо!). Он вышел в августе 1975 года. Разглядывая его страницы, не перестаёшь удивляться, как сильна была у бамовцев жажда творчества, насколько смелыми были мечты и замыслы. Создатели альманаха верили, что их примеру обязательно последуют «другие таёжные посёлки Великого БАМа», и тогда со страниц местных изданий зазвучат

«пусть ещё слабые, но полные задора и оптимизма головы молодых». В «Серебряном звене» редколлегия намеревалась публиковать не только бамовцев, но и их именинных собратьев: новые, что называется с пылу, с жару, стихи Евтушенко, Казаковой, Вознесенского и др.

Но это – в планах. А пока читателям предлагали взглянуть на «стройку века» глазами фотографов Григория Лободы и Тамары Андреевой, познакомиться с лирическими стихотворениями и баснями Долгополова, поразмышлять над дневниковыми записями Кожина, прочесть отрывок из повести Захарова, оценить написанные им же портреты и т.д. Тот, кому посчастливилось перелистывать страницы альманаха первым, мог прощать рассказ Малькова «Белый сокожай». Позже автор уничтожил его, отреагировав так на неосмотрительную критику своей супруги. Сейчас Вера Александровна рассказывает об этом эпизоде с сожалением. Осознание того, что рядом с ней человек тонкий, легкоранимый, пришло не сразу.

Как только появилась автодорога, соединяющая Ларбу с Тындрой (до этого добираться до столицы БАМа можно было только по зимнику или на вертолёте), участники литературно-музыкального объединения стали бывать на заседаниях литстудии «Звено». Её двери были открыты для всех желающих. Игорь Игнатенко, работавший какое-то время на БАМе собственным корреспондентом амурского радио, вспоминает: «Никаких бумажек и членских билетов на этот счёт не выдавалось, поскольку формализм в «Звене» отсутствовал напрочь. Это было скорее родство душ».

Отцом-основателем литстудии был Иван Шестак, а днём её рождения принято считать 5 октября 1974 года. Тогда состоялась первая организационная встреча бамовских литераторов, на которой присутствовали бойцы отряда «Московский комсомолец» Борис Борисов, Александр Чемеков, Михаил Иконников и уроженка Алтая, единственная женщина, Тамара Шульга.

Первые заседания проходили где придётся: то в редакции газеты «Байкало-Амурская магистраль», то в вагончике Шестака, а когда там становилось тесно, стуки выходили на улицу и располагались на пнях и бревнах. А на дворе октябрь, в Тынде уже вовсю хозяйствует зима! Но служителей пера это не пугало. Проблема была в другом: не хватало настоящего учителя, способного помочь дельным советом, подсказать, направить в нужное русло.

Ждать пришлось недолго. Уже в ноябре на очередном собрании «Звена» появился Олег Головко. На БАМ он приехал состоявшимся поэтом. Автор двух поэтических сборников, новоиспечённый член Союза писателей СССР, он был единодушно избран руководителем литстудии. С приходом нового наставника «Звено» заработало в полную силу. Официально собрания проходили по пятницам в Дирекции строительства БАМа, где работал Головко. Но чаще, едва ли не каждый вечер, начинающие литераторы собирались у него дома и члены обсуждали написанное. А жил Головко в знаменитой «бочке Диогена». Для небамовцев поясню: это времменное жилище первостроителей, вагончик, названный

так из-за своей формы. «На улице Диогена третья бочка моя», – с гордостью писал поэт в одном из своих стихотворений. Не случайно, спустя годы в Музее истории БАМа именно в «бочке Диогена» разместилась экспозиция, посвящённая литстудии.

В 1979-м Головко уехал в родной Кременчуг. Тогда строительство железной дороги близилось к завершению и многие первопроходцы стали возвращаться домой. На заседаниях «Звена» больше не появлялись Надежда Пузыревская, Владимир Мальков, Валерий Смирнов... Расставаться с друзьями молодости, с кем делил «и хлеб, и кров, и строчку пополам», было нелегко. Об этом откровенное, по-настоящему волнующее стихотворение Тамары Шульги:

Словно с телом душа расстаётся,
убегает земля из-под ног, –
уезжают друзья.
Остаётся
память пройденных вместе дорог.
<...>
Я прошу: улыбнись на прощанье,
раствори в моём горле комок.
До свиданья, родной, до свиданья...
Убегает земля из-под ног.

(«Прощание»)

В одном из интервью поэтесса призналась, что и сама не раз собиралась вернуться на родину, но так и не смогла. Тында стала для неё «единственным местом, где она чувствует себя как дома, и единственным городом, за который болит сердце». Да и тех, кто уехал, БАМ «не отпускал» ещё долгие годы. Уже на Украине у Головко вышли две поэтические книги, посвящённые «стройке века». Приезжал поэт и на десятилетний юбилей «Звена», организованный его преемником – журналистом и прозаиком Валерием Бирюковым. После распада СССР связь с Головко прервалась. Где теперь «легендарный закопёрщик» «Звена», как живётся ему в полыхающей огнём Украине, к сожалению, никому не известно.

«Поэт горячий», «с грудью нараспашку» – таким запомнили Головко литераторы-бамовцы. Тамара Шульга рассказывает: «Удивительный был человек. У него иногда пропадало чувство времени. Мог среди ночи позвонить и сказать: «Старуха! Слушай, что я написал». Я к нему – с мольбой: «Олег, я спать хочу». «Да погоди, выспись». Приходилось соглашаться. И он читал».

А ещё Головко был замечательным организатором. Это при нём в Тынде состоялся I Общетрассовый семинар молодых литераторов БАМа (да, тот самый, о котором неосторожно отозвался «Евтушенко-Симаков»). За ним последовали ещё два – в 1978-м и в 1983-м. Тогда кто только не баловал начинающих бамовских литераторов своим вниманием! В Тынду приезжали известные писатели – О. Шестинский, В. Липатов, В. Чивилихин, В. Кузнецов, Н. Старшинов и др., сотрудники столичных издательств и ведущих литературных журналов страны. Именно на семинарах самые талантливые бамовцы получили заветный «пропуск» в литературу. Участие во Всесоюзных совещаниях молодых писателей в Москве,

там – незабываемое творческое общение с классиками советской литературы – В. Астафьевым, Ю. Трифоновым, В. Быковым, Р. Рождественским, Е. Долматовским и др., публикации в центральных периодических изданиях и издательствах, стихи в эфире Всесоюзной радиостанции «Маяк», спектакли на прославленных театральных подмостках... Сложно представить, о чём ещё могли мечтать начинающие служители пера...

В середине 1990-х «Звено» распалось, но ещё долгие годы «главным хранителем его духа» оставался Владимир Гузий.

Думаю, не ошибусь, если назову его одной из самых знаковых фигур в литературе БАМа. Известный поэт, прозаик, журналист, участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, выпускник Литинститута, член Союза писателей России, Почётный гражданин Тынды. Он присыхал на Всесоюзную комсомольскую стройку, даже не помышляя о писательской стезе. Но судьба распорядилась иначе. Гузий выпустил четыре поэтических книги, его стихи вошли во многие коллективные сборники, печатались на страницах центральных периодических изданий. Бамовцам он известен как автор юмористических рассказов, очерковой прозы и острых публицистических статей. Без участия поэта не обходился ни один Общетрассовый семинар, ни один Пушкинский праздник. Гузий стал составителем сборника стихов бамовских поэтов «Золотое звено» (1999), антологии стихов о БАМе «Цветы багульника» (2004), книги об истории и жизни современного города «Тында: от оленевых троп до столицы БАМа». И, наконец, именно Гузий – автор стихов известной песни «Последнее звено». В годы строительства магистрали она звучала за кадром едва ли не каждого репортажа со «стройки века», в том числе и самого главного – о «золотой» стыковке в Куанде.

Полный жизненных и творческих планов поэт скончался 13 апреля 2009 года. В стихотворении «Март» он, как большинство русских поэтов, пророчески предсказал свою смерть:

Пусть тучи долго над бульваром не расступятся,
И пусть подольше не приходит лето,
Пусть длится март с сосульками, с распутицей.
Апрель порой смертелен для поэтов.

Да, годы летят незаметно. Потихоньку уходят те, кто составил славу и гордость литературы БАМа. Нет в живых Геннадия Кузьмина, Александра Вельтмантера, Жанны Ржевской... Кто придёт им на смену и продолжит летопись «стройки века», переживающей сегодня второе рождение? Скажу честно, не знаю. Время покажет, и, возможно, уже в скором будущем на литературном небосклоне БАМа появятся новые яркие имена. С нетерпением будем их ждать!

P.S. Пока шла работа над очерком, из Тынды пришла скорбная весть. 30 октября не стало Тамары Шульги. Талантливая поэтесса, прозаик, журналист, участница VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, выпускница Литинститута, первый на БАМе член Союза писателей СССР, лауреат премии Амурского комсомола в области литературы и искусства... Хотя, нужно ли сейчас об этом?..

Похоронили поэтессу в Тынде. До последнего дня она работала, писала, публиковалась. К 40-летию города планировала выпустить новую, пятую по счёту, книгу стихов. Ничто не выдавало в ней человека, который вот уже несколько лет борется со страшной болезнью. Разве что её последние стихи, пронизанные тихой грустью:

Как быстротечно наше время,
Все дачные сезоны в прошлом.
Теперь года – сплошное бремя,
Но помнить будем о хорошем:
Как безутешно плакал ливень,
Трещала маленькая печь...
И пёс большой по кличке Стивен
Не мог решить, где лучше лечь:
Диван казался очень узким,
У печки жарко – всё же лето.
И пёс вздыхал, да так по-русски...
И от хозяйствки ждал совета.
А мы смеялись и шутили –
Над чем – едва ли знали сами.
Мы просто весело «кутили»,
Пока собака была с нами...

(«Как быстротечно наше время... »)

Имя Тамары Шульгиочно вписано в историю литературы БАМа и Приамурья. Жаль только, что уже никогда не будет новых стихов...

Валерий ЧЕРКЕСОВ

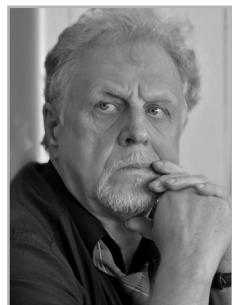
член Союза писателей России

От автора. «Данники русского слова» – так называется рукопись книги, которую я сейчас готовлю к изданию. В неё вошли статьи о жизни и творчестве прозаиков и поэтов, оставивших заметный след в отечественной литературе. С ними я встречался, переписывался, а с кем-то дружил. Это Виктор Астафьев, Юрий Кузнецов, Евгений Носов, Борис Примеров, Николай Старшинов и многие другие.

Один раздел книги посвящён амурским литераторам: в Приамурье я родился, прожил тридцать пять лет, здесь работал в газетах, стал печатать стихи и прозу, выпустил два первых сборника стихотворений и, естественно, знал всех литераторов. С некоторыми из них меня до сих пор связывает творческая и человеческая дружба.

Считаю: надо говорить добрые слова тем, кто любит и ценит великое русское слово, при их жизни.

Статьи

Сентябрь 2014 г.

ЖИЗНЬ – ЭТО ДОРОГА... (Виктор Волчков)

Существует такое выражение, мол, писатели бывают двух видов: те, которые живут, чтобы писать, и те, кто пишет, чтобы жить. Но есть и такие, которые живут полноценной жизнью, как и большинство смертных, и пишут об этом по велению души. К ним относится и мой давний друг прозаик Виктор Волчков, которого я называю по отчеству – Егорыч.

Начало октября 1972 года. Всесоюзная ударная комсомольская стройка первенца дальневосточной гидроэнергетики – Зейской ГЭС. Две недели я здесь в командировке, передаю репортажи в газету «Амурский комсомолец» о важнейшем событии в истории строительства – перекрытии реки. В те дни я и познакомился с Виктором Волчковым – тогда собственным корреспондентом областной газеты «Амурская правда». Вскоре мы подружились. Работая уже в одной редакции, вместе писали материалы о пуске первых агрегатов ГЭС, парились в баньке Егорыча, ходили в тайгу за удивительной ягодой моховокой – много чего было. Он уже тогда писал рассказы о природе, о братьях наших меньших, писал интересно, достоверно, со знанием дела, ибо родился в таёжном амурском посёлке Сиваки. Он – страстный путешественник, охотник, рыбак. Его первая книга «Куда ведёт та дорога...» вышла в 1982 году, уже после моего отъезда в Белгород. Виктор прислал мне экземпляр с дарственной надписью на обложке: «Моему другу и просто хорошему человеку».

Вот как он рассказывает о начале своего писательства: «Я учился в Якутском государственном университете на геолога. Одна из летних полевых практик проходила на хребте Полуосный, который почти вплотную подходит к Северному Ледовитому океану.

В нашем геологическом отряде было четыре человека и столько же лошадей. Из них (лошадей) – три кобылы и жеребец. Так вот, мошка почему-то невзлюбила именно жеребца и буквально выела у него паховое место. И те органы, что упоминаются вместе с фамилией Фаберже, в полном смысле слова висели на волоске. Чтобы животное не мучилось, его решили пристрелить. Начальник отряда Сашка Аверченко за такое самоуправство едва не поплатился своей должностью. Дело в том,

что руководство Северной экспедицией, куда мы входили как структурная единица, к расследованию убийства коня привлекло КГБ. И нам, работникам отряда, пришлось немало походить по кабинетам сверхстрогих кагбэшников. В заключение они потребовали изложить всё рассказанное нами на бумаге. Ну, что писали мои товарищи – не знаю, но я накатал целый рассказ. Допрашивавший меня следователь даже усмехнулся: «Тебе бы впору писателем родиться...»

Сказано было с иронией, но я воспринял эти слова как трамплин для дальнейших действий. Переработал изложенное и отнёс текст в газету «Молодёжь Якутии». К моему удивлению, рассказ напечатали. Более того, пригласили на работу в газету».

Да, пути, которые приводят на писательскую дорогу, воистину неисповедимы...

Кстати, о дороге. В предисловии к книге «На берегу студёной Пёры» мой друг пишет: «Дорога – это жизнь. А она не бывает плохой, бывает разной, как говорят старые эвенки. Словом, после плохой погоды всегда наступает хорошая». И тут же: «Живу по принципу: мы не можем ждать милости от природы, но и ей нечего ждать от нас». Это сказано с иронией, но Егорыч на самом деле никогда ни о чём никого не просил и не просит, всего добивается сам, в литературе тоже. Чтобы его проза вышла к читателю, он написал и издал несколько, так сказать, заказных книг, но в каждой обязательно значительную часть объёма занимают его рассказы.

Став белгородцем, я часто наведывался на малую родину и обязательно заезжал к Егорычу. И всегда в разные места: в города Зею и Благовещенск, в посёлок Сиваки, в призейское село Прядчино, в таёжную Черновку... Ещё он жил в городах Якутске и Ленске, в бамовском посёлке Чара, на берегу Байкала – всего сменил более тридцати мест жительства. Такова уж у моего старшего товарища неугомонная и неусидчивая натура. Сейчас он живёт в посёлке Углегорск, вблизи которого возводится космодром Восточный. В ближайшем будущем – город российской космонавтики Циолковский. Но есть у него и место отдохновения – домик в селе Малая Сазанка на берегу Зеи.

– Если нет лиственницы под окном,
значит, земля чужая.
Тайга вековая шумит кругом.
Осень звенит золотая.

– Слава Богу, ещё уголок
есть, где душа моя радуется!..
И полыхает зарёю восток.
Жизнь продолжается... Кажется...

Это строки одного из многих стихотворений, которые я посвятил другу.

Между прочим, Егорыч порой и сам сочиняет стихотворные строки, ничуть не претендуя на место в поэтическом строю. Вот несколько цитат его рифмованной исповеди:

Дорогие сограждане милые,
поубавьте стремительный бег
и послушайте песню правдивую
о моей разнесчастной судьбе.
Я родился во время опального,
а потом началася война.
Но спасибо товарищу Сталину,
он фашистскую нечисть прогнал.
<...>
Пронеслися года мои детские,
и не знаю – за что, почему? –
упекли меня власти советские
на далёкую, на Колыму.
И хотя проходил бесконвойным я,
но досталось мне в той стороне.
И спасибо Хрущёву покойному –
он амнистию выдал стране.
<...>
А потом начались непонятности,
и хоть я был совсем ни при чём,
перестройкой и всякою гласностью
разобидел меня Горбачёв...

В моём альбоме хранится фотография, сделанная Егорычем во время перекрытия Зеи. На ней заснят я с блокнотом в руках. На обратной стороне карточки рукой Волчкова написано четверостишие, относящееся ко мне:

Я рождён для жизни пылкой.
Я люблю с друзьями быть,
А порой и за бутылкой
Время шумно проводить.

Ирония по отношению к себе, добрый юмор по отношению к друзьям тоже в характере моего друга.

Когда на меня наваливаются грусть-тоска и ностальгия по Приамурью, я беру книги Виктора Волчкова «Тайна хребта Кет-Кап», «Брусничные рассветы», «Берег сокровищ», «На берегах студёной Пёры» и другие и словно вновь брошу по амурской тайге, сижу у студёных быстрых речек, вижу неповторимые рассветы и закаты, слышу настороженные посвистывания рыбчиков...

А как прекрасны, как волнуют душу вот эти строчки моего друга:

«... Только не ищите здесь экзотики, поражающие глаз ландшафта. Вас окружат скромные сосны, берёзы, лиственницы. Но если спуститься по распадку к мари – к конечной цели маршрута, – то можно увидеть родничок. Небольшой такой, фонтанирующий на какой-то десяток сантиметров, с удивительно чистой и вкусной водой. Это место сорок лет назад показал мне отец. До сих пор отчётливо помню, как он бережно протянул мне принесённую с Великой Отечественной алюминиевую кружку, наполненную родниковой водой. Вряд ли эта вода обладает целебными свойствами, но родничок дорог мне по-особому, я предпочту его любым термальным и минеральным источникам: ведь это родник моего детства».

Между прочим, его слова, что дорога – это жизнь, можно перефразировать: жизнь – это дорога, а она не бывает плохой, бывает разной. И Егорыч по любой идёт с достоинством.

ВОСКРЕСИЛ ГУЛ ЛИХИХ ГОДИН... (Алексей Воронков)

Когда я кому-нибудь рассказываю, что у моего приятеля Алексея Воронкова, который живёт за восемь тысяч километров от Москвы, в Благовещенске, в столичных издательствах вышло несколько книг и не за свой счёт, даже какой-то гонорар он получил, слушающие смотрят на меня с явным недоверием, мол, такого не может быть. И действительно, факт почти невероятный для сегодняшнего времени! Человек не крутится в столичных литературных тусовках, не ставит редакторам конъяки, да и в Москве в последний раз незнамо когда бывал, а его проза выходит к всероссийскому читателю. Причём не какие-то детективы с мерзкими названиями типа «Ни дня без трупа», а реалистическая – о нынешних и прошлых временах, познавательная и, смею заверить, достойная того, чтобы её читали.

Так, роман «Кадеты. Мужская дружба» («Эксмо», 2007) – о суворовцах, о детстве и юности, о том, как мальчишки послевоенного поколения, надев шинели, учились у своих воспитателей-фронтовиков, об отваге, благородстве и умении с честью выходить из сложных ситуаций; о первой любви, которую иные из них пронесли через всю жизнь. У них, как и у их отцов, была своя война: у кого-то Афган, у кого-то Чечня. Главный герой романа «Фронтовая “неотложка”» («Эксмо», 2007) – майор медслужбы, волей судьбы попавший на странную «чеченскую» войну. О чеченских событиях и роман «Брат по крови» («Эксмо», 2007).

А, пожалуй, самый, так сказать, главный на сегодня роман Алексея Воронкова «Харбин», вышедший в издательстве «Вече» в 2011 году, в серии «Сибириада»,

рассказывает о жизни белой эмиграции. Его герой, Александр Болохов, молодой чекист, направлен с секретным заданием в Харбин. Ему поручено внедриться в ряды одной из антисоветских организаций, чтобы уничтожить её лидеров. Здесь у Александра происходит переоценка многих ценностей. Он понимает, что нет «белых» и «красных», а есть одна на всех Россия. И это трагедия, что революция разделила страну и её народ на два враждебных лагеря.

Его спасает большая и светлая любовь. Однако для Её величества Революции нет границ. Она жестоко карает всякого, кто посмеет изменить ей. Страшный конец ждёт и бывшего чекиста Болохова...

Вот вкратце о чём книга. Её сюжет основан на реальных фактах, на исторических документах, на рассказах свидетелей и участников тех далёких событий, с которыми автор встречался и беседовал. В повествовании много дат, имён, носители которых на самом деле существовали; читатели узнают об отношениях Советской России с Китаем и Японией после 1917 года и до Второй мировой войны, «пройдутся» по тогдашнему Харбину и по старому Благовещенску, «погуляют» по просторам Дальнего Востока и Маньчжурии. Несомненная заслуга автора в том, что он историю и географию органично «вписал» в литературное произведение, в котором нет невероятных вымыслов, а есть тактичные и естественные домыслы. К примеру, эпизод о встрече главного героя романа с поэтом Арсением Несмеловым на одном из пересыльочных этапов советского ГУЛАГа.

Кстати, и эпиграфом к роману служат строки этого поэта:

*Как чума, тревога бродит,
Гул лихих годин...
Рок черту свою подводит
Близ тебя, Харбин...*

А посвящена книга потомку русских эмигрантов, теперь парижанину Николаю Лисенко. Его отец и стал прототипом главного героя романа. Автор встречался с

Николя в начале 90-х годов прошлого века в Благовещенске, куда парижанин приезжал с благими намерениями – сделать что-то добре для России – своей исторической Родины...

К сожалению, при сегодняшней житейской суете, право, нет ни времени, а порой и желания читать многостраничные романы. Я намеревался и «Харбин» быстренько просмотреть, пролистать, но увлёкся, до последних строк дочитал: «...Так и ушёл русский Харбин в небытие, забрав все свои тайны, все свои труды и благодеяния».

Вот так Алексей Воронков эту до сих пор малоизвестную и малоизученную страницу русской истории талантливо воскресил в своей книге.

***

И несколько слов об авторе. Алексей Воронков родился 9 октября 1947 года в селе Ромны Амурской области. Окончил Уссурийское суворовское училище и Иркутский институт иностранных языков. Преподавал в вузах Благовещенска. Работал в газетах, трижды как корреспондент побывал в горячих точках на Кавказе. Печатался в журнале «Дальний Восток», альманахах «Приамурье», «Амур» и других периодических изданиях. Выпустил более десятка книг прозы и поэзии, в 1989 году в Лондоне вышла повесть «Пустота» (авторское название «Ностальгия»). А в столе писателя ждут своего часа, а вернее, заинтересованных издаелей, ещё с десяток романов и повестей. Хочется верить, что дождутся.

С Лёшкой я знаком и дружу ещё с 60-х годов прошлого века. Тогда он истово писал стихи и взахлёб их читал. И сейчас мне помнится один его образ – «патиссоны как шестерёнки». Приезжая из Белгорода в Благовещенск, я всегда с ним встречаюсь, мы выезжаем на его землю, которая стоит в живописном месте, на берегу Зейской протоки у села Белогорье, рыбачим, вспоминаем молодость, говорим о жизни и литературе. А за роман «Харбин» Алексей удостоен Амурской премии в области литературы и искусства – это признание того дела, которым он занимается уже почти полвека.

ИСТОРИЕЙ ТОЖЕ ДВИЖЕТ ЛЮБОВЬ (Станислав Федотов)

Лауреатом премии имени Валентина Пикуля за 2013 год стал писатель Станислав Федотов – за трилогию о генерал-губернаторе Восточной Сибири Николае Николаевиче Муравьёве, которому за заслуги перед Отечеством по повелению императора Александра II было пожаловано графское достоинство, а к фамилии приложено звание – Амурский. Романы называются: «Возвращение Амура», «Схватка за Амур», «Благовест с Амура».

***

Родившийся в Благовещенске и проживший большую половину жизни в Приамурье, я, увы, почти ничего не знал о человеке, которому многим обязана моя малая родина. Это сейчас в центре города на набережной Аму-

ра возвышается бронзовый памятник Муравьёву-Амурскому, его имя носит областная библиотека и другие учреждения, а в моём детстве и юности в этой самой библиотеке даже не было книг о нём, вернее, почти не было. Да, я читал произведения Николая Задорнова и других писателей о давних событиях, произошедших на Амуре, но в них главными героями были другие персонажи, а этот исторический деятель изображался как бы вторым планом, вероятно, по идеологическим соображениям, ведь он был, так сказать, представителем власти эксплуататоров.

И вот теперь, благодаря Станиславу Федотову, читатели получили книги о жизни, судьбе, деяниях этого поистине славного сына России. И к великой радости я

прочитал в завершающем трилогию романе «Благовест с Амура» воспоминания современника о том, как народ прощался с генерал-губернатором после его отставки в январе 1861 года: «...Пока щёл молебен... площадь перед монастырём наполнилась народом, буквально прибежавшим. Чиновники вынесли по сибирскому обычаю на руках графа Муравьёва, но только показались в толпе, как моментально были отброшены в сторону, а граф очутился на руках сперва крестьян, а потом ино-родцев-бурят, поспешно выхвативших его у первых... “Мы тебя, граф, не забудем, не забудь и ты нас!” – подхватил народ».

Исторический период, который охватывает трилогия, значителен не только по времени, но и по тем событиям, которые происходили на восточной окраине страны – её освоение, утверждение здесь Российского государства с военными действиями, дипломатической и иной борьбой с Китаем вплоть до подписания в мае 1858 года судьбоносного для России Айгуньского договора, текст которого начинается так: «Левый берег реки Амура, начиная от реки Айгуни до морского устья р. Амура, да будет владением Российского государства...» Подпись договора Н.Н. Муравьёв.

В трилогии приведено много исторических документов, страниц воспоминаний, строк из писем сподвижников и современников генерал-губернатора Восточной Сибири, но ценна она не только ими, но и самим художественным повествованием, образами персонажей, которые создал автор. И в первую очередь жены Николая Николаевича, юной француженки Катрин, которая в России стала Екатериной Николаевной. Их семейные отношения прошли непростые испытания, и, читая роман, убеждаешься ещё раз: любовь не только причастна ко всякому добруму, что есть в нашей жизни, на нашем свете, но и движет историей. По крайней мере, многие благородные, смелые, а порой и дерзкие поступки Муравьёва-Амурского стали возможны потому, что его поддерживала светлая любовь Катрин.

Есть в трилогии и детективные линии, и шпионские «игры», и чувственные сцены – всё то, что присуще современной литературе, и от этого она легко и увлекательно читается. Думается, что историки и критики профессионально оценят достоинства трилогии. Я же, чтобы ещё раз привлечь внимание к личности Н.Н. Муравьёва-Амурского, приведу слова о нём М.А. Бакунина: «Есть в самом деле один человек в России, единственный во всём официальном русском мире, высоко поставивший и сделавший себе громкое имя не пустяками, не подлостью, а великим патриотическим делом. Он страстно любит Россию и предан ей, как был предан Пётр Великий».

***

Станислав Федотов родился в 1938 году в селе Соколово Алтайского края. Окончил радиофизический факультет Томского университета. Пятнадцать лет с 1986 по 2001 г. жил в Благовещенске, сейчас житель Подмосковья. Известен как поэт, драматург, публицист. Автор более десятка книг. Трилогия о Н.Н. Муравьёве-Амурском – его первое большое прозаическое произведение.

Мы познакомились в 90-е годы, когда я приезжал в Благовещенск. Он тогда руководил Амурской писательской организацией и вдруг неожиданно для меня позвал поучаствовать в чтениях, посвящённых поэту Петру Комарову. Потом пригласил на спектакль в Амурский театр драмы, где заведовал литчастью. Бывал я и дома у Федотовых, познакомился с женой Ольгой, она в то время заведовала отделом литературного краеведения местного музея. Мы обменивались книгами, перезванивались, изредка переписывались.

После выхода трилогии я два дня гостил у Федотовых в подмосковном Быково. Вспоминали Амур и Благовещенск, друзей и знакомых. Тогда Станислав Петрович сказал, что задумал написать ещё несколько романов, над одним из них уже работает. И что самое интересное – события во всех будут происходить в моём родном Приамурье.

КНИЖНАЯ ЛАВКА

Обзор книжных новинок (2012-2014)

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Мы вновь приглашаем вас перешагнуть порог «Книжной лавки». Правда, на этот раз нас опередили: о многих литературных новинках обстоятельно рассказали авторы «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX – XXI веков». Не сомневаемся, что вы уже успели подержать её в руках. Нет смысла ещё раз повторять написанное, поэтому спешим рассказать вам о тех книгах, которые по объективным причинам были лишь упомянуты в энциклопедии либо были изданы уже после её выхода в свет.

Релина Н.В. Молодость военная моя: Воспоминания. – Благовещенск: ИПК «Приамурье», 2013. – 416 с.

За недолгие годы существования «Книжной лавки» мы не раз знакомили вас, уважаемый читатель, с книгами о Великой Отечественной войне, наивно полагая, что фашизм уже никогда не напомнит о себе. Сегодня всё изменилось, нынешний мир очень хрупок. Книга Нины Валериановны Релиной, прошедшей дорогами войны от Москвы до Вильнюса, должна напомнить каждому, и особенно молодому поколению, о той страшной трагедии, которая выпала на долю советского народа и народов Европы. О трагедии, которая не должна повториться! Никогда!

«Молодость военная моя» – это не художественное произведение. Здесь нет «ни придуманных эпизодов, ни вымышленных героев». В основе книги – личные документы: письма, дневниковые записи, многочисленные фотографии, в основном, военных лет. Но рассказывают они не о боевых подвигах наших солдат и не о кровопролитных сражениях. Воспоминания Релиной – о жизни. Той, что осталась за порогом войны и той, что началась в июне 1941-го, о жизни вопреки.

О счастливом мирном времени девятнадцатилетняя Нина Релина вспоминает, отправляясь добровольно

защищать свою Родину. Там, в недалёком прошлом, остались самые дорогие, самые близкие сердцу люди. Вот перед глазами встаёт образ матери, вечно хлопочущей по хозяйству: то она вместе с детьми стряпает пирожки с маком, то полощет бельё в проруби, то моет полы в избе. Тут же возникает образ отца. Это он, мастер на все руки, построил дом – самый красивый на улице, баню – не «по-чёрному», как в деревнях, а «светлую, чистую». С ним дети ездят на покос и помогают заготавливать сено. А ещё отец умеет плести лапти, катать и подшивать пимы. Не могу удержаться, чтобы не процитировать хотя бы несколько строк: «Подшивать пимы папка садится вечером. В избе горит лампа. Мама на печи или на лавке прядёт куделью. <...> Папка зажимает между коленями мой старенький, с разинутой пастью пим, протыкает край подошвы и пима шилом, и с двух сторон в отверстия, извиваясь, начинают шмыгать тоненькие блестящие змеёки дратвы. Сделает стежок и плотно затянет, сделает другой и снова затянет.

Уже поздно, спать охота. Но я сижу, не спуская глаз с папкиных рук. Вот он просит меня завязать внутри пима последний узелок. Самому ему трудно, у него рука большая. Я с радостью подскакиваю к нему. Остреньким коротким ножичком он отхватывает конец дратвы и с хитроватой улыбкой кидает мне обновлённый пим». Сколько любви и поэзии в описании этого будничного занятия! Вы, читатель, наверняка, почувствовали это.

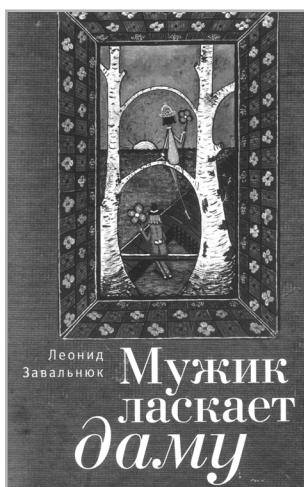
С началом войны наступила совсем другая жизнь. Горе перешагнуло порог каждого дома. И Релины – не исключение. Их старшая дочь Валя в первый военный год похоронила маленького сына, а вскоре получила весточку о гибели мужа. Впрочем, не будем забегать далеко вперёд. О том, как сложилась судьба этой семьи, вы узнаете, прочитав книгу.

Тем более, что в основе документального сюжета лежит совсем другая история: эпистолярный роман радиостанции Нины Релиной и танкиста Михаила Балаганского. Переписка между двумя совершенно незнакомыми людьми завязалась случайно. И вот на глазах у читателя рождается большое светлое чувство: вслед за первыми несмелыми признаниями приходит страстное желание во что бы то ни стало увидеть любимого человека. Два долгих военных года герои живут ожиданием встречи. Суж-

дено ли ей было сбыться? Оставим этот вопрос без ответа. Ведь главное в другом. Любовь – это та сила, которая помогла героям преодолеть все испытания, выстоять в жестоких боях, пережить гибель родных и друзей-однополчан.

Уверены, что воспоминания Нины Релиной найдут отклик в сердцах читателей разных поколений и каждому, прочитавшему эту книгу, захочется, может быть, впервые в жизни, искренне, без пафоса, сказать: «Низкий поклон Вам, дорогие ветераны, и вечная память павшим в тяжёлых боях за Родину!»

Тираж книги – 500 экз.

Вопрос философский: мы даже себя не знаем до конца, что говорить о других, тем более о людях творческих. И здесь нечего возразить. Найдутся и такие, которые покажут плечами и честно признаются: «Никогда не слышали этого имени». Что ж, имеют полное право.

Видимо, именно на эту, последнюю, категорию читателей в первую очередь и рассчитывал изатель. Объясним, почему возникло такое предположение.

Никто не станет отрицать, что знакомство с книгой начинается с её внешнего вида. Обложка сборника Завальняка вызывает любопытство и непременное желание заглянуть внутрь. На ней – иллюстрация художника И.Н. Граве. На берегу моря растут две берёзы. Они как-то неестественно сплелись ветвями, образовав единое целое чёткой геометрической формы. Под деревьями, на перекладине, поджав ноги, смирно сидит седовласый мужчина. Он в чёрной шляпе, пальто и брюки на нём ярко-красного цвета. Чуть выше, на ветке, удобно устроилась чересчур длинноногая особа женского пола. Она вся в оранжевом, лишь головной убор на ней – белый. И у мужчины, и у женщины в руках красные цветы из воздушных шаров – как символ страстной, но неживой, недолговечной любви. Оба героя повернуты спиной к зрителю и наблюдают то ли восход, то ли закат. Неясность, недоговорённость в обрисовке образов вовсе не рождает ощущения тайны. Это – игра, маскарад, где всё неестественно, не по-настоящему: начиная с места действия и заканчивая внешностью героев. Характер иллюстрации абсолютно гармонирует с названием сборника: «Мужик ласкает даму». На одном поэтическом

пространстве соприкасаются образы, совершенно полярные: мужик-простолюдин и романтически возвышенная, почти блоковская дама (на обложке слово выделено курсивом и крупным шрифтом). Выглядит это, по меньшей мере, странно.

Да! Ни одна из предыдущих книг Завальняка не имела столь эпатажного внешнего вида!

Возникший интерес к книге подогревается, едва открываяшь первую страницу. Оказывается, что сборник стихотворений «Мужик ласкает даму» был подготовлен к печати самим автором ещё в 1989 году, но по каким-то причинам так и не был издан. И это ещё не всё. Читателю обещают абсолютно «нового» Завальняку – автора стихов, «проникнутых иронией и мягким юмором».

«Вот это сенсация», – подумают те, кто до этого момента не был знаком с поэзией Леонида Андреевича. И… велика вероятность, приобретут книгу.

А вот знатоки его творчества сразу же заподозрят неладное. Ведь им-то хорошо известно, что чувство юмора никогда не изменяло поэту. Ирония, особенно по отношению к своей собственной персоне, всегда была присуща Завальняку. Как здесь не вспомнить стихотворение «К автобиографии», опубликованное в книге «Стихи» ещё в 2001 году:

Я был не грустен и не весел,
Жил тяжело
И весил
Семьдесят пять кило.
<...>
Нравился себе очень редко,
Но к этому стремился.
<...>
Хотел жить очень долго
И от самого хотения получал удовольствие.
Мечтал ничего не зарабатывать,
Но никто не взял меня на довольствие.
Влюблялся редко. Женился часто.

Однако это не единственная претензия. Ведь если речь идёт о «незнакомой грани таланта» Завальняка, то, следовательно, и стихи в сборнике должны быть незнакомыми. Но, нет! Открывая оглавление, обнаруживаем, что многие из них уже были опубликованы ранее всё в той же книге «Стихи» (некоторые под другими названиями): «Женщины», «Дом», «Судьба заходит сбоку» («Судьба»), «Баллада о жёлтой машине», «Сиротство, 1953» («В пивной. 1953») и др.

Кстати, не все они вызывают улыбку. Тот, кто, приобретая книгу, рассчитывал от души посмеяться, будет разочарован. Большая часть стихотворений – это серьёзные размышления о вечном: о жизни и смерти, о любви и дружбе, о предназначении человека, о судьбе поэта… Лирический герой Завальняка – вечный странник, скитающийся по миру в поисках самого себя, своего «я» («В дороге»), всех любящий и всех прощающий («Люблю врагов», болеющий за судьбы человечества («Кирпич»)).

Но, кажется, мы уже достаточно сказали о новом сборнике Завальняка от своего имени. Предоставим, наконец, право голоса самому поэту:

При виде плачущего человека
 Чело моё медленно клонится долу в поклоне.
 Он ранен высоким.
 Слеза не прольётся напрасно.
 Но плачут и бойни, и к бойне бредущие кони,
 И певчая птица-кровинка,
 И кровь проворонивший ястреб.
 Но плачут и куполы храмов,
 И кровли мерзейших домов,
 Чей законный удел – обречённость.
 Невежество злобное плачет.
 И слишком большая учёность,
 И злыдня-жена, от которой уводят
 Постылого дойного мужа.
 От зауми плачут порой,
 От надежды,
 От страха,
 От мужества.
 Есть разные слёзы, я знаю.
 И сам я по-разному плакал.
 Есть тёмные слёзы, есть чёрные вовсе.
 Однако
 При виде любой непрятворной слезы,
 Что из глаз заструилась невольно,
 С любовью в поклоне склоняю чело.
 Всех люблю, кому больно.

(«При виде плачущего человека»)

Как это не похоже на то, что изображено на обложке!!! Какой диссонанс между процитированным стихотворением и аннотацией к сборнику!!!

Почему так случилось, можно только догадываться. То ли издатель имеет весьма расплывчатое представление о творчестве Завальняка, то ли им руководило желание (как это ни печально, вполне естественное в условиях рынка) заинтриговать читателя и продать книгу.

Мы же не будем прибегать к подобным уловкам. Скажем просто: не откажите себе в удовольствии прочесть книгу настоящего поэта: всегда узнаваемого и всегда нового. Сборник будет интересен всем: и давним поклонникам таланта Завальняка, и тем, кто до этого момента не был знаком с писателем. Но, познакомившись, обязательно станет его другом!

Насайте «Кино-Театр.ру» в феврале 2010 года было оставлено сообщение, адресованное Леониду Андреевичу (тогда он был ещё жив). Суть письма в следующем. Ещё в советское время его автор прочёл в одном из журналов повесть «Не имеющий друга...». И вот уже более

двадцати лет он пытается отыскать некогда понравившееся произведение, но тщетно. В finale письма – буквально крик души: «Умоляю Вас, хочу иметь эту книгу у себя. Где её можно найти?»

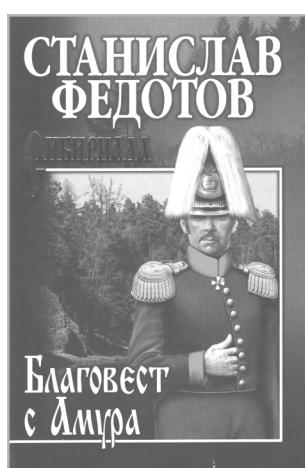
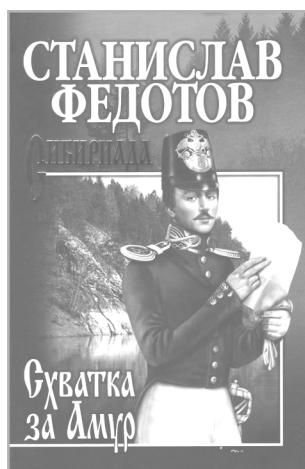
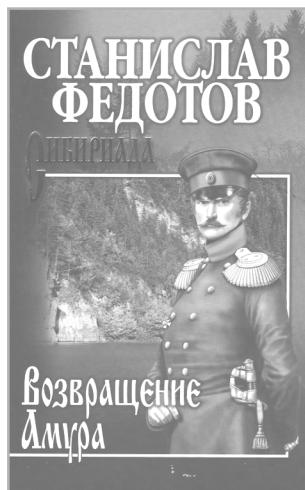
Надо признать, что «Не имеющий друга...», так же, впрочем, как и «Дневник Родьки...», давно стали библиографической редкостью. Не известно, что ответил Завальняк поклоннице своего таланта и ответил ли вообще, но спустя два года произведения были переизданы. И теперь у каждого появилась возможность перечитать, а может быть, познакомиться с повестями известного писателя. Правда, тираж книги не известен. Но на последней странице указаны координаты отдела продаж издательства, где всегда можно заказать необходимое количество экземпляров.

Очень хочется порекомендовать эту книгу подрастающему поколению. Несмотря на то что повести были написаны более полувека назад, они не стали менее жизненными. Завальняк размышляет о вечных ценностях: любви, дружбе, верности... Именно размышляет, а не навязывает, не поучает, чего так не приемлют подростки. Читатель сам должен решить, где правда, а где ложь, кто прав, а кто виноват. Оба произведения написаны от первого лица. Это придаёт им исповедальный характер. Между героем и читателем как будто бы нет посредника. Оставшись наедине, они доверяют друг другу самое сокровенное. А что может быть ценнее (для каждого из нас, а для подростков особенно) разговора по душам, пусть даже с литературным персонажем!

Надеемся, учителя школ Приамурья прислушаются к нашему совету и порекомендуют эту книгу своим подопечным. Да! Нам, конечно же, известно, что читают современные школьники неохотно. Но, возможно, их заинтересует то, что в 1966 году по мотивам повести Завальняка был снят художественный фильм «Человек, которого я люблю». Главную роль сыграл известный актёр Георгий Жжёнов. Действие разворачивается на улицах Благовещенска. Фильм был очень популярен в советское время. С удовольствием смотрят его и сегодня. Судим об этом по восторженным откликом в интернете.

P.S. Столичная издательская индустрия обладает широкими полиграфическими возможностями. Обе книги Завальняка в этом отношении прекрасно изданы: хорошего качества бумага, цветные портреты автора, на обложке книги повестей – кадр из ранее упомянутого художественного фильма. Но при этом издательство позволяет себе не только разного рода технические огехи, но и небрежность в изложении фактов. Так, повестям Завальняка присвоено название художественного фильма. В аннотации к книге буквально сказано следующее: «Повесть «Человек, которого я люблю» известного писателя Леонида Андреевича Завальняка была написана в 1964 году и тут же завоевала читательские симпатии». Насколько нам известно, при жизни автора ни одна из частей дилогии не была опубликована под этим названием. Далее, когда речь заходит о режиссёре фильма, в аннотации упоминается только одна фамилия – Юлий Красик, хотя на самом деле это его совместная работа с Завальняком.

Конечно, высказанные замечания имеют прикладной характер. Повести Завальнюка не становятся от этого менее интересными читателю. Но всё же хочется, чтобы издатель относился к художественному произведению бережно, как к творению искусства прежде всего.

Известный публицист и общественный деятель В.И. Вагин писал: «Это был человек с огромными дарованиями, человек необыкновенной энергии и непреклонной воли. Он не пренебрегал никакими путями для достижения своей цели и поэтому, естественно, старался скрушить и уничтожить всё, что противилось или казалось

Федотов С.П. Возвращение Амура: Роман. – М.: Вече, 2013. – 448 с.; Схватка за Амур: Роман. – М.: Вече, 2013. – 416 с.; Благовест с Амуром: Роман. – М.: Вече, 2013. – 496 с. (Сибириада. Собрание сочинений).

Автор этой книги с 2001 года – москвич. Но все его последние романы о Приамурье. Здесь он прожил пятнадцать лет, пять из них – возглавлял областную писательскую организацию.

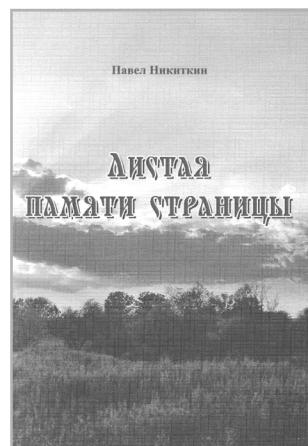
Историческая проза Станислава Петровича Федотова, безусловно, заслуживает внимания наших читателей. Имеем в виду не только вас, уважаемые посетители «Книжной лавки», но и всех амурчан. А как же иначе? Ведь в книгах рассказывается об истории образования и освоения Приамурья.

Представление о сюжете и героях всех трёх романов дают подробные аннотации к книгам. Поэтому будем немногословны. Главным действующим лицом исторической прозы Федотова является генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский. В истории русской литературы это первое крупное произведение, посвящённое основателю Приамурья. Именно ради него и задумывался роман. Историки, философы, политики оставили о нём противоречивые суждения.

ему, что противится достижению этой цели». Совершенно иной портрет нарисовал революционер М.А. Бакунин: «Есть в самом деле один человек в России, единственный во всём официальном русском мире, высоко себя поставивший и сделавший себе громкое имя не пустяками, не подлостью, а великим патриотическим делом». Каким запечатлел Муравьёва-Амурского Станислав Федотов (не только на государственной службе, но и в личной жизни) вы сможете понять, перевернув последнюю страницу третьего тома.

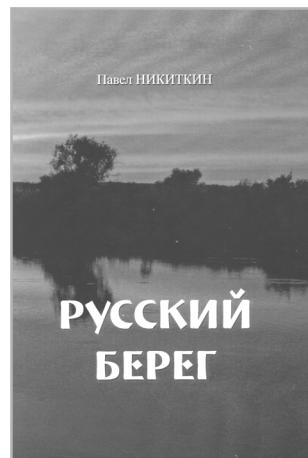
Если кто-то ещё не приобрёл трилогию Федотова, поторопитесь. Увлекательные романы о Муравьёве-Амурском пользуются большой популярностью у читающей публики всей России. С 2008 года (тогда увидел свет первый том) книги трижды переиздавались. Собрание сочинений вышло тиражом 3000 экземпляров.

Публикуя библиографический список, позволим себе отступить от жанрового канона и сопроводим некоторые издания небольшими комментариями:

Нikitkin P.M. Листая памяти страницы: Повести и рассказы. – Благовещенск: 2013. – 196 с.

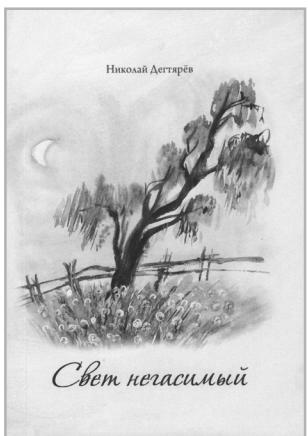
Отрадно, что на полке с книгами Павла Маркеловича Никиткина продолжает прибывать. В альманахе за 2012 год мы рассказывали о его поэтическом сборнике. И вот перед вами две книги прозы. В эту вошли новые и публиковавшиеся ранее, в том числе и в нашем альманахе, рассказы и повести.

Нikitkin P.M. Русский берег: Роман. – Благовещенск: 2013. – 288 с.

О книге с одноимённым названием мы рассказывали в «Амуре» за 2009 год. Тогда в ней были представлены рассказы и роман в трёх частях «Русский берег». Теперь он получил продолжение. Вам, читатели, наверняка, будет интересно узнать, как сложились судьбы персонажей уже известного произведения.

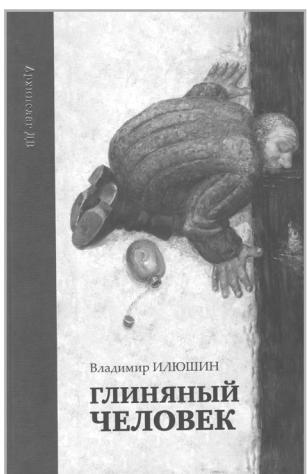
P.S. Помнится, отзываясь о предыдущих книгах Павла Маркеловича, мы с сожалением отмечали, что в них слишком мелкий шрифт, затрудняющий чтение. Прислушался ли писатель к нашему замечанию или сам пришёл к необходимости печатать книги более крупным шрифтом – не важно. Главное – теперь их стало гораздо удобнее читать.

Дегтярёв Н.Т. Свет негасимый: Стихи / Препод. Н. Кабушкина. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство «Ковчег», 2013. – 74 с.

Степанова Л.С. Ожидание ёлки: Стихотворения. – Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2012. – 184 с.

Илюшин В.В. Глиняный человек: Повести и рассказы / Послесловие А. Лобычева. – Сер. «Архипелаг ДВ». – Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2012. – 512 с.

Владимир Владимирович Илюшин – один из самых талантливых и оригинальных дальневосточных прозаиков, ушёл из жизни более десяти лет назад. Но произведения его продолжают жить. В книге «Глиняный человек» собраны лучшие и,

уверены, хорошо известные нашим читателям рассказы и повести: «Путин», «Первому встречному», «Тихоокеанское шоссе», «Острова» и др. Разве это не повод ещё раз перечитать любимые произведения? Тем же, кто ни разу не держал в руках книг Илюшина, советуем непременно это сделать. Уверяем, вы не пожалеете!

Шестак И.М. У каждого из нас своя дорога...: Стихи, сцены из пьес, воспоминания. – Благовещенск: РИЦ «Печатный мир» (ООО «Журналистская инициатива»), 2012. – 130 с.

В книге бамовского автора, помимо стихов и воспоминаний, вы найдёте впервые опубликованные сцены из пьес «Обход», «Запас прочности» и «Таёжное танго».

От редакции. Произведения, представленные в нашей традиционной рубрике «Россия – Китай: диалог культур», разделяет столетие: книжка Владимира Кондратьева была издана в Благовещенске в 1908 г., повесть Евгения Гончарова лишь только готовится к публикации в Москве. Автор «Современного Китая» – офицер-артиллерист, непрофессиональный журналист и редактор-издатель ряда благовещенских газет начала XX века. «Yabao.ru» написана автором полюбившейся многим читателям альманаха приключенческой повести «Пекинский агент» (Амур. № 12. 2013). Отличают произведения и задачи, которые ставят перед собой авторы: В. Кондратьев заглядывает в будущее, прогнозирует перспективы глобального взаимодействия России и Китая, а Е. Гончаров создает серию моментальных снимков-зарисовок нравов русскоязычной улицы Ябаолу в сегодняшнем Пекине. Объединяет же произведения стремление обоих авторов понять нюансы бесконечно сложного взаимодействия двух великих цивилизаций, что является «лучшей гарантией будущего», как справедливо полагал издатель «Современного Китая» более ста лет назад.

Александр УРМАНОВ

«ПУЛЕМЁТНЫЙ БОМБАРДИР»: Предисловие к избранным страницам из книги амурского публициста начала XX века Владимира Кондратьева

Более века назад, в 1908-м, в Благовещенске произошло экстраординарное по тем временам событие – в свет вышла книжка известного на Амуре автора. И поднимались в ней проблемы, которые волновали тогда многих. Обычно в таких случаях изданию был гарантирован успех, по крайней мере, горячее обсуждение. На этот раз, однако, никакой шумихи не было: общественного резонанса книжка не вызвала, в газетах (а они тогда почти все были «прогрессивными», явно или завуалированно выражали симпатию «левым» взглядам) не обсуждалась и не рецензировалась. То есть амурская читающая публика (а она тоже была в основной своей массе «прогрессивной», демократически ориентированной), книжку эту демонстративно проигнорировала. В чём же причина этой общественной обструкции? Наиболее вероятная подоплётка – «подмоченная» в глазах «прогрессивной» общественности Приамурья репутация автора данной книги. Итак, кто же он?

Владимир Николаевич Кондратьев – публицист, редактор-издатель и сотрудник ряда консервативных газет, выходивших в Благовещенске в годы первой русской революции и вскоре после неё. Ни профессиональным газетчиком, ни тем более профессиональным беллетристом он не был. По образованию и основному роду деятельности Кондратьев – офицер-артиллерист, капитан, старший офицер 3-й батареи 6-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады.

До недавнего времени о раннем, доблаговещенском периоде его жизни почти ничего не было известно.

Как установил в 2014 г. амурский краевед Евгений Паршин, Владимир Кондратьев окончил Полтавский кадетский корпус в 1892 году. Судя по этой дате, родился он (видимо, в самой Полтаве или её окрестностях) около 1875 года, поскольку из кадетских корпусов выпускались обычно в семнадцатилетнем возрасте. Военное образование Кондратьев продолжил в знаменитом Константиновском артиллерийском училище (располагавшемся в столице Российской империи – Санкт-Петербурге), которое окончил, скорее всего, в 1894 году, так как срок обучения в училище тогда составлял два года. Служил в Польше, в 17-й армейской бригаде. Позже – в 18-й артиллерийской бригаде 2-го Сибирского корпуса. До приезда в Благовещенск пять лет провёл в Маньчжурии, был в Порт-Артуре, участвовал в русско-японской войне, в сражении под Мукденом.

Благовещенске капитан оказался в конце 1905 или в самом начале 1906 года. Вскоре после приезда в город Кондратьев стал сотрудником газеты «Голос окраины» (выходила с 1 января по 28 июня 1906 г.), а после её закрытия – редактором-издателем газеты «Амурский вестник», выходившей в административном центре Амурской области со 2 июля по 3 декабря того же года (всего вышло 93 номера). Прошение разрешить ему издавать и редактировать газету Кондратьев подал 27 июня 1906 г., в это время он ещё состоял на военной службе. 25 августа 1906 г. (с № 24) В. Кондратьеву пришлось временно передать формальные права редактора-издателя «Амурского вестника» сотруднику газеты В. Д. Васени-

ну – в связи с тем, что военное начальство запретило ему до увольнения в запас быть редактором-издателем. Несмотря на формальный уход в «тень», Кондратьев продолжал играть в газете роль фактического редактора и одного из ведущих авторов.

Деньги на издание «Амурского вестника», как и на издание «Голоса окраины», выделяли – на сей раз, правда, не афишируя это – представители местной буржуазии. Выбор амурскими толстосумами (в основном, золотопромышленниками) в качестве редактора «Амурского вестника» человека, в газетных делах не вполне сведущего, в какой-то степени случайного, на Амуре прочно не укоренённого, видимо, строился на расчёте, что военный, да ещё и приезжий, свободный от влияния местной интеллигенции, почти сплошь «прогрессивной», сможет более твёрдо и последовательно выдерживать избранное «спонсорами» газеты направление. С этой непростой задачей недавний боевой офицер-артиллерист справился, превратив газету в трибуну консервативных сил, фигулярно выражаясь, в бастион, «обстреливающий» сторонников революции. За подобные «заслуги» он получил ироническое прозвище «пулемётный бомбардир», которое использовали его оппоненты из либеральных и социал-демократических кругов. Иронично-саркастическую оценку Владимиру Кондратьеву уже в 1960–1970-е гг. давали и Анатолий Васильевич Лосев (см.: Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / Сост., ред., вступ. ст., примеч. А.В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 267–268). Выставляя «пулемётного бомбардира» в таком малопривлекательном свете (для чего пришлось несколько упростить его общественно-политические взгляды, его идеи, высказываемые в газетной публицистике), основатель литературного краеведения Приамурья, по сути, солидаризировался с социал-демократами начала XX века, которые в Кондратьеве видели непримиримого идейного и политического противника, а потому в пылу полемики зло подшучивали над ним, намекая на его случайность и неорганичность в среде «властителей дум» из журналистской среды Благовещенска. С позиций дня сегодняшнего подобный подход уже не кажется безупречным. Впрочем, и публицистика Кондратьева на поверку оказалась не такой плоской, как это пытались представить оппоненты автора «Современного Китая».

После того как издание «Амурского вестника» было приостановлено распоряжением приамурского генерал-губернатора, Кондратьев оказался в числе ведущих сотрудников ещё более одиозного в глазах «прогрессивной» общественности печатного органа – газеты «Благовещенск», издававшейся на деньги купцов-молокан. На страницах «Благовещенска» (кстати, на первых порах номинальным редактором-издателем этой газеты была Саида Евгеньевна Кондратьева – жена Владимира Николаевича, фактическим же – сам «пулемётный бомбардир») особенно часто публиковались его статьи, посвящённые взаимоотношениям России с её дальневосточными соседями, затрагивающие геополитическую проблематику. Так, с 4 по 8 ноября 1907 г. в «Благовещенске» печаталась его статья «Китай» (№№ 116–119), 13 ноября

– статья «Японцы в Китае» (№ 123), 21 ноября – статья «Японская разведка» (№ 130). Свои материалы в амурской периодике В. Кондратьев чаще всего подписывал инициалами *V.K.*, *K.B.*, *B.H.K.* или же псевдонимом *Idem* (с лат. – *Тот же*), статьи о Китае всегда шли за подписью *V.K.*

Часть газетных статей на эту тему в переработанном виде В. Кондратьев включил в упомянутую брошюру «Современный Китай», которая вышла на рубеже октября-ноября 1908 года в типолитографии «Благовещенск». В книжке, автор которой явно претендовал на всестороннее освещение вопроса и объективный подход, восемь частей (глав), призванных показать разные грани и перспективы русско-китайских отношений: «К неизбежному столкновению двух культур», «Внутреннее состояние государства», «Железные дороги», «Переселенческий вопрос», «Армия Китая», «Положение торговцев и промышленников японской Маньчжурии», «Японская разведка и шпионство» и, наконец, «Русский и японский престиж в Монголии».

Взгляд Кондратьева на проблему geopolитических отношений России и её дальневосточных соседей интересен уже тем, что это взгляд не политика, не учёного, не записного интеллектуала и даже не журналиста в буквальном смысле слова, а обычного мыслящего человека из самых глубин русской действительности, имеющего немалый жизненный опыт, представляющего точку зрения русского офицерства, в большинстве своём не поддавшегося соблазнам либерализма – идеологии, подчинившей тогдашнее российское «образованное общество».

Брошюра «Современный Китай» и спустя век читается с интересом, ибо автор не ограничивается изложением и систематизацией известных ему фактов и пересказом досужих банальностей и штампов, кочующих по страницам тогдашней амурской и центральной российской периодики. Да, в духе времени он пишет о «жёлтой опасности», но трактует её не так примитивно и плоско, как некоторые другие его современники. В книжке этой он развёртывает свою, весьма нетривиальную историософскую концепцию, излагает своё понимание закономерностей глобальных исторических процессов. Конечно, Россия и Китай с того момента прошли гигантский исторический путь, многое изменив в своём облике и своей судьбе, однако проблема исторического выживания мега-государств, которую затрагивает Кондратьев, не только не снята с повестки дня, но, напротив, стала ещё более острой. По крайней мере, применительно к России.

Раскладывая в своей брошюре дальневосточный geopolитический пасьянс, характеризуя разные сферы жизни современного ему (тогда ещё четырёхсотмиллионного) Китая, автор между делом излагает собственную социально-политическую теорию. Суть её в том, что имперское государство способно развиваться, успешно конкурировать с другими, да даже просто сохранять устойчивость и жизнеспособность, при одном непременном условии – если общество имеет что противопоставить утвердившейся в современном мире идее «прогресса» (социального прежде всего). То есть при условии,

если проживающий на его территории народ имеет склонность к защите своих базовых семейных и религиозных ценностей. Образцом самого устойчивого в мире государства Кондратьев считает именно Китай. Рецепт феноменальной «живучести» огромного государства, по Кондратьеву, прост: «идея прогресса совершенно чужда китайскому укладу жизни»; в Китае «установилсяпрочно *порядок*, сохранение которого лежит на священнейшей обязанности каждого китайца» (Кондратьев В.Н. Современный Китай. – Благовещенск: Издание книжного магазина «В.М. Бутяков и Сын», 1908. С. 2. Далее после цитат будут указываться соответствующие страницы этого издания).

Спустя век можно оценить прогностический дар «пулемётного бомбардира», в 1907–1908 гг. размышлявшего о перспективах культурной «европеизации» Поднебесной. Он пишет: «Есть большое основание думать, что Китай не примет целиком культуру Запада, а только путём компромиссов приспособит её к своему укладу жизни, очень уж крепок “порядок” многомиллионного Китая...» (с. 4). Сегодня это утверждение вряд ли у кого вызовет возражения, ибо современный Китай, Китай начала XXI столетия поступает именно так, как предсказывал В. Кондратьев более столетия назад.

По мнению автора брошюры, поразительная жизнестойкость и устойчивость Китая, заложенная в идеологии и коллективном бессознательном, в самой ментальности населяющих его этнических групп, представляет серьёзную опасность для ослабленной, потерявшей внутреннее равновесие и правильный вектор развития России, вместе со всей европейской цивилизацией сделавшей ставку на идеологию тотального, неостановимого «прогресса», в жертву которому приносятся все прежние фундаментальные национально-государственные ценности.

Что же Россия может противопоставить китайскому «порядку» при, как считает автор брошюры «Современный Китай», «неизбежном столкновении» Востока и Запада? Отвечая на этот вопрос, Кондратьев высказывает суждение, что принципиальная разница двух культур заключается в том, что идеал Китая – в прошлом, в сохранении *status quo*, тогда как смысл жизни России (как и всей Европы в целом) построен на вере в спасительность прогресса как панацеи от всех бед. Следовательно, размышляет автор брошюры, китайскому «порядку» Россия за неимением других весомых аргументов противопоставит «прогресс» как самоцель и высочайшую из всех возможных ценность. При этом автор «Современного Китая» настаивает, что не является противником прогресса как такового, что он не приемлет лишь «извращённые» его формы: «С конца XVIII столетия начало развиваться понятие “прогресс” как нечто самодовлеющее, построенное на всеобщей ломке и без всякой связи с прошедшим» (с. 5). При детальном рассмотрении такой разновидности «прогресса» обнаруживается его «полная беспочвенность», ибо, как считает амурский публицист, звания «истинного прогресса» заслуживает не воцарившийся в России прогресс «разрушения», а прогресс «порядка». В начале XXI века эти рассуждения

Кондратьева воспринимаются не как архаика, а как нечто остросовременное, как будто написанное в эпоху торжества постмодернизма: «Распространители такой идеи прогресса доводят её до абсурда, утверждая, что истина безотносительна к прошлому: что сегодня принимается за истину, то завтра может оказаться ложью, эту ложь так же может заменить другая, которая в дальнейшем будет признана ложью, и тат далее до бесконечности» (с. 5). Кондратьев уверен, что называть «прогрессом» это безумное и абсурдное занятие неправомерно. Однако автор «Современного Китая» заявляет об опасности и другой крайности – об упованиях исключительно на «консервирование» существующего «порядка», особенно если он, как в России, основательно прогнил. Он пишет: «С другой стороны, реакционное начало, оберегая свои личные интересы, предлагает нам *окитаиться*, то есть установить “порядок”, вернуться к прежним прогнившим основам, и поддержать случайные формы, без всякого внутреннего содержания» (с. 5). Такого рода «китайщина», по убеждению Кондратьева, может быть губительна для России, обрекая её на слабость, жалкое прозябанье и окончательное крушение. Спасительный для России путь лежит в ином направлении: «<...> только истинный прогресс, прогресс порядка, разумеющий идею общественного строя, укоренившегося в историческом прошлом и развивающего вершину своей системы широко и свободно, в полной прагматической связи с могучими корнями» (с. 5). Подобные взгляды, очевидно отражавшие мнение значительной части российского офицерства начала XX века, вполне укладываются в набирающую ныне силу парадигму «просвещённого консерватизма».

Затрагивает автор «Современного Китая» и множество других аспектов глобального взаимодействия России и Китая. В частности, он акцентирует внимание на такой особенности государственной политики России, как желание заслужить расположение иностранцев за счёт безумной и бездумной растраты национального достояния, за счёт невиданной внешнеэкономической щедрости, за счёт перекачивания основных финансовых потоков на окраины империи и в те сопредельные страны, которые находятся в зоне geopolитического влияния и geopolитических интересов России. И это при игнорировании многих первоочередных нужд, обеспечивающих внутреннее развитие страны. Пишет Кондратьев и о тотальном расхождении интересов России и Европы, о пре-дублёйности и даже враждебности европейцев по отношению к России, ко всем её шагам и действиям, прежде всего во внешней политике. По его мнению, эта пре-дублёйность оборачивается тем, что Запад испытывает сочувствие ко всем, кто противостоит России, кто так или иначе наносит ей ущерб. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, Кондратьев обращается к теме поражения России в войне с Японией и к тем событиям, которые предшествовали ему.

Публицист отмечает, что могущество России на Дальнем Востоке в начале XX века «почти равнялось нулю и переоценивалось Европой в невероятном размере». В 1903 году, когда Россия замедлила вывод войск из

Южной Маньчжурии, все европейские державы, по словам Кондратьева, «забили набат: вот, мол, эта алчная держава, положительно хочет проглотить несчастную Маньчжурию, обездолить Китай, а главное запереть дверь интересам остальной Европы... Наконец, случай отместики представился. Толкаемая на опасную игру силою искусственных условий внешнего и внутреннего характера, Россия вступила в борьбу с Японией. Теперь платоническое сочувствие приняло реальную величину и все, кто мог, наперевес помогали нашему врагу словом и делом, не забывая и собственных выгод чисто коммерческого характера» (с. 26). Всё это прикрывалось принципом борьбы за «открытие дверей». На самом же деле, как утверждает В. Кондратьев, никакого «закрытия» дверей не существовало: «Русские народные миллионы щедрой рекой разливались в карманы дальневосточных предпринимателей и прочно оседали в руках местного китайского населения. Торговля развивалась непомерно быстро; торговали все, кто хотел и чем хотел. Фирмы Кунст и Альберс, Адлер, Зингер, Деккер, Винклер <...> и т.п. без конца наполняли своими отделениями города и городишки Южной Маньчжурии. Из Америки нам доставляли муку и керосин, индустрия была целиком англо-германская, отчасти французская, и из отечественных товаров фигурировало масло Чичкина да водка Смирнова. <...> Не только никакого закрытия дверей не происходило, а, наоборот, это была огромная брешь, через которую интенсивной струёй летело русское золото в иностранные руки, наводняло весь Дальний Восток и поддерживало все его рынки даже в Южном Китае» (с. 26–27). Автор книги «Современный Китай» убеждён, что, если бы такое положение вещей продолжалось и дальше, Российская империя «была бы высосана без остатка» и доведена до полного банкротства. Публицист удивляется, что «такой простой вещи не понимал ни Запад, ни наше правительство». Война с Японией, обернувшаяся для России болезненным ударом по национальному самолюбию, потерей трёх миллиардов рублей и десятков тысяч жизней, оказалась, по мнению В. Кондратьева, гораздо меньшим злом, чем продолжение прежней разорительной для России политики в Южной Маньчжурии: «Мы были обречены на вечное вкладывание средств и сил и никогда ничего не извлекли бы из этой <...> страны» (с. 27). Подобный ход рассуждений приводит В. Кондратьева к мысли, что русские должны быть благодарны «за ускорение событий, оттолкнувших нас от неминуемой гибели» (с. 27).

Что же выиграла Европа, с помощью Японии вытолкнувшая Россию из Маньчжурии? Рассуждая об этом, автор книжки «Современный Китай» не скрывает своего злорадства: «Желание Европы осуществилось, алчная Россия при её благосклонном участии вытеснена из Южной Маньчжурии и Квантуна, а на развалинах Карфагена осела бескорыстная Япония. Теперь всё устроилось к благополучию всего мира, двери открыли, приходи и загребай миллионы. Однако на поверку оказалось, что <...> вместо обширных рынков для своих товаров

Европа получила (в лице Японии. – A. V.) такого конкурента, который не позволит ей продать ни одного гвоздя, несмотря на *открытые двери*» (с. 26–28). Как видим, и это наблюдение Кондратьева заставляет вспомнить некоторые особенности современной geopolитики.

Главный вывод автора брошюры «Современный Китай» не только не устарел спустя столетие, но, напротив, воспринимается едва ли не более актуальным, чем в начале века двадцатого: «Единственно верный путь приобретения авторитета – сделаться самому сильным, и только на это и надо обратить умы и средства. Тогда влияние на соседей явится уже как следствие. Не надо смешивать наблюдение за соседями с бесцельным разбрасыванием там денег во имя престижа. Поскольку первое необходимо, поскольку другое прямо-таки вредно и потому неразумно во всех отношениях» (с. 40).

Что ныне известно о дальнейшей судьбе автора брошюры «Современный Китай»? Благовещенск он покинул в начале мая 1908 года. Об этом не без сомнения сообщила газета «Амурские отголоски» в номере за 9 мая 1908 года: «Известный “деятель” капитан Кондратьев, основавший купеческий орган “Благовещенск”, на днях покинул город».

Вполне вероятно, что Кондратьев перебрался в столицу. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в конце брошюры «Современный Китай» он указал место и время написания Заключения: «г. С.-Петербург, 20 июня 1908 года».

Как установил Е. Паршин, после отъезда из Приморья В.Н. Кондратьев вернулся на военную службу, по крайней мере, спустя какое-то время. Первую мировую войну он начинал в составе 2-й ударной армии генерала Самсонова, гибель которой описана в романе А. Солженицына «Август Четырнадцатого». Известно, что Кондратьев дослужился до чина подполковника, стал георгиевским кавалером.

В 1917–1919 гг. Владимир Николаевич был помощником градоначальника (по-видимому, в Одессе, так как известно, что он участвовал в расследовании обстоятельств смерти киноактрисы Веры Холодной, а она умерла в феврале 1919 года именно в этом городе).

После установления Советской власти в Одессе Кондратьев бежал на Дальний Восток, перебрался в Маньчжурию. Некоторое время преподавал в Харбине в частной гимназии Якова Андреевича Дризуля.

Умер он 23 декабря 1930 года в Пекине, похоронен на православном кладбище Пекинской миссии.

Можно добавить, что в Амурской области не сохранилось ни одного экземпляра брошюры В.Н. Кондратьева «Современный Китай». Как, впрочем, и номеров газеты «Благовещенск», в которых печатались его статьи, вошедшие в эту книжку.

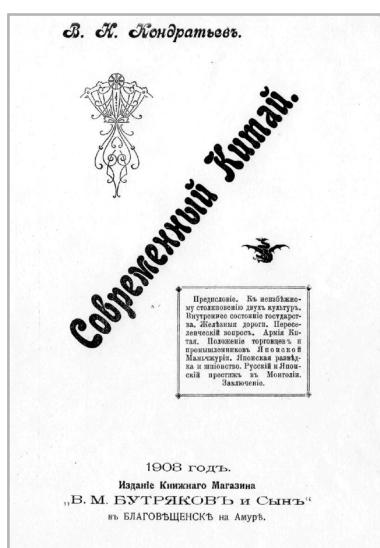
Предлагая вниманию наших читателей одну из глав ставшего раритетом издания, выражаем надежду, что эта и спустя век не потерявшая актуальности публицистическая работа будет переиздана в полном своём объёме.

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ

(Фрагменты из книги)¹

Предисловие, которое необходимо прочитать

Тревожное настроение всего Дальнего Востока по поводу сенсационных слухов о войне с Китаем и в то же время полная неосведомлённость большинства о действительном состоянии этой оригинальной страны побудили меня собрать и дополнить мои публицистические статьи по китайскому вопросу, печатавшиеся в 1907–1908 академическом году². Разумеется, предлагаемый читателю труд не является исчерпывающим затронутую тему уже потому, что кипучая деятельность китайского правительства чрезвычайно быстро меняет картину общего состояния государства так, что то, о чём я буду говорить, представит только фотографический снимок данного момента.

Кроме того, незначительное количество времени, которым я воспользовался для своих наблюдений в самом Китае, не позволило мне войти во все детали китайских реформ так широко, как бы я этого желал и как бы мог войти при более благоприятных обстоятельствах.

Не скрою, что и те сведения, какие ялагаю читателю,

мне удалось собрать лишь благодаря некоторым друзьям-китайцам, расположение которых я сумел приобрести во время моей службы в Южной Маньчжурии. Так как в деле обновления Китайской империи весьма значительную роль играет Япония, то, говоря по настоящему вопросу, нельзя обойти молчанием работу Японии на материке, тем более, что эта работа оказывается даже в направлении чисто внешней политики Китая.

Наша литература вообще не богата материалом по современным вопросам бытового характера сопре-

дельных нам желтолицых народов. Моя цель – указать читателю ту гигантскую ломку, которой подвергается жизнь 400-миллионного народа; тогда станет понятно, что такую огромную работу нельзя совершить в малый промежуток времени, а потому физиономия страны будет всегда в прямой зависимости от степени проведения в жизнь тех или иных проектов и предложений. Значит, если мы не желаем быть застигнутыми врасплох, то должны неустанно следить за соседом и своевременно принимать необходимые меры, обеспечивающие нам наше дальневосточное владение.

Если этот мой труд облегчит дальнейшую работу читателей, интересующихся китайским вопросом, а значит и взаимоотношениями трёх государств, исторически столкнувшихся на маньчжурской территории, я буду иметь полное нравственное удовлетворение.

B. K.

От издателя

Волнения в Китае и нападение на нашу границу у города Благовещенска застали нас врасплох в 1900 году. Если тогда всё закончилось для нас благополучно, то только потому, что военная мощь Китая выражалась весьма ничтожной величиной: европейски обученных войск почти не было, вооружение армии напоминало скорее артиллерийский музей, о действиях в ночное время или в ненастную погоду не имели никакого понятия, находя это не отвечающим человеческому достоинству, обход флангов или удар в тыл считался, во всяком случае, не джентльменским поступком, а для получения офицерских чинов производился экзамен по... стрельбе из лука. Вот единственно чему мы обязаны благополучием столкновения 1900 года. Печатая настоящий труд, мы даём правдивое описание действительного положения вещей у нашего соседа, с которым наше государство имеет самую большую сухопутную границу.

Лучшей гарантией будущего является самое полное изучение соседей, изучение не кабинетное, а живое, на местах, при непременном условии широкого распространения в обществе добытых результатов. С этой точки зрения мы и предлагаем читателю настоящий труд.

¹ Печатается по изданию: Кондратьев В.Н. Современный Китай. – Благовещенск: Издание книжного магазина «В.М. Бутяков и Сын», 1908. 43 с.

² На страницах газеты «Благовещенск». – Примеч. А. Урманова.

[Глава I.] К неизбежному столкновению двух культур

Бросая беглый исторический взгляд в область прошлого, нельзя не заметить, что общая участь всех самобытно-консервативных государств сводилась к распаду или внутреннему, или под влиянием чисто внешних причин, явившихся результатом завоевательных инстинктов соседей, или воздействием более сильной национальной культуры. Перечислять таких покойников нет надобности, они более или менее известны каждому интеллигентному человеку. Единственное исключение из этого положения выпало на долю Китая. В течение трёх или четырёх тысячелетий своего государственного существования Китай не только не потерял своей политической независимости, подобно Индии, не только не погиб этнографически, как империя ацтеков (Мексика), но сумел притянуть к себе окружавшие его народы и привить им в той или иной степени характерные стороны своей самобытности.

Причины такой жизненной устойчивости огромной 400-миллионной империи надо искать в положительных сторонах её религиозно-семейного начала, положенного в основу всего государственного строя и охватывающего концентрически все проявления социальных взаимоотношений. Все религиозно-бытовые условия жизни китайца определяются тем громадным значением прошедшего, которое отводится ему, при сравнительно незначительной роли настоящего и почти полном отрицании будущего. Этот кульп прошедшего, имеющий реальное значение в поклонении предкам и в сохранении сыновней добродетели, в общегосударственной жизни выражается служением императора государственным предкам (небо – сто духов) и поклонением своим усопшим предшественникам.

Всякое событие семейной жизни докладывается отцом своим предкам в домашнем храме, на каждое предприятие испрашивается в том же порядке одобрение и указание умерших предков, выраженное разного рода приметами в соответствующих гаданьях. Подобно этому император в делах государственных обращается с докладами к «небу» и просит его совета и распоряжения.

Отсюда понятно, что китайский народ живёт и управляет волею предков, имея с ними самое непосредственное общение. Взаимоотношения членов семьи между собою, отношения гражданские и государственные раз навсегда установлены и твёрдо соблюдаются, исходя из того же принципа патриархальности и культа прошедшего. Словом, установился прочно «порядок», охранение которого лежит на священнейшей обязанности каждого китайца.

Из этого ясно, что идея прогресса совершенно чужда китайскому укладу жизни, и под этим словом китаец разумеет очищение своей религиозно-политической жизни от всяких наслоений и возвращение к чистой старине, чуждой какому бы то ни было изменению. Я позволил себе подобное уклонение от темы в силу двух

причин, имеющих для нас весьма существенное значение. Прежде всего это было необходимо для того, чтобы читатель ясно представил себе весь тот гигантский переворот, который происходит в жизненной обстановке громадного государства и который не может не оказать влияния на самые основы китайской государственности.

Затем всё это необходимо для оценки той мощи, которую Китай противопоставит Европе при неизбежном столкновении двух культур. Разбирая первое положение, невольно обращаешься к прецедентам в области того порядка, который установился на таких незыблемых началах, как кульп прошедшего и связанное с ним поклонение предкам. В области философии, главным образом мистической, Китай считает великим только одного мыслителя – Лао-цзы, старшего современника Конфуция. Лао-цзы в поисках абсолютного начала, как истый китаец, обращается к прошедшему и определяет чистую возможность или неопределенную потенцию бытия понятием «tao» (в современной транскрипции – «дао». – А.У.).

Это «tao» является отсутствием деятельности бытия, то есть небытием, а потому оно пусто и бездейственно; «постоянно упражняется в бездействии», как говорил Лао-цзы.

Отсюда человек, познавший тао, должен обратиться в самое первобытное состояние, отрешиться от всякой деятельности, от какого бы то ни было мышления и чувства. Таким образом, истинное начало, по мнению китайского мистика, есть «абсолютное безразличие». Вполне понятно, что такой идеал совершенно отрицает цивилизацию и даже, в сущности, упраздняет какую бы то ни было жизнь. Несмотря на то что учение Лао-цзы возникло на почве чисто китайского принципа, прямое проведение его в жизнь оказалось совершенно не в духе китайцев, но, с другой стороны, они не могли отказаться от основного своего начала – «культта прошедшего».

Потребовался компромисс, и разрешил его, более или менее удачно, философ-практик – Конфуций. Таким образом, оставаясь верным основному цементу своей связи с прошлым, Китай принял новое учение в смысле применения отвлечённых положений Лао-цзы к реальной жизни семьи и государства. В настоящее время вторжение европейской культуры и связанное с этим изменение социально-правовых отношений, несомненно, столкнется с основным началом китайщины – тяготением к прошлому. В самом деле, у каких предков, личных или государственных, будет испрашивать совета и одобрения будущий китайский парламент? Какое положение он займёт в ряду сообщений с прошлым? и т.д. Есть большое основание думать, что Китай не примет целиком культуру Запада, а только путём компромиссов приспособит её к своему укладу жизни, очень уж крепок «порядок» многомиллионного Китая, самого древнего государства в мире.

Что же мы можем противопоставить этому «порядку» в неизбежном столкновении Востока и Запада?

Существенная разница культур заключается в том, что идеал Китая – в прошлом, в сохранении *status quo*, тогда как смысл жизни Европы построен на всеобщем

прогрессе. Итак, китайскому «порядку» Европа противопоставит «прогресс». Так как в силу многих причин само понятие прогресса получило двоякое толкование, то я должен рассмотреть эти оба значения и остановиться на том, которое сыграет, или имеет шансы сыграть, полезную для Европы роль в будущей борьбе.

С конца XVIII столетия начало развиваться понятие «прогресс» как нечто самодовлеющее, построенное на всеобщей ломке и без всякой связи с прошедшим. При детальном рассмотрении этого сорта прогресса обнаруживается его полная беспочвенность, так как не исключительно разрушительный прогресс, а прогресс порядка заслуживает названия «истинного прогресса». Всякая работа при ложной исторической точке отправления будет иметь неизвестную цель, быть может, также ложную, а тогда вся деятельность утратит какой-либо идеальный мотив. Распространители такой идеи прогресса доводят её до абсурда, утверждая, что истина безотносительна к прошлому: что сегодня принимается за истину, то завтра может оказаться ложью, эту ложь так же может заменить дурная (так в тексте; очевидно, опечатка, по смыслу в данном контексте более уместно слово «другая». – A. V.) истина, которая в дальнейшем будет признана ложью и так далее до бесконечности. На каком же основании такую «дурную смену» называть прогрессом? С другой стороны, реакционное начало, оберегая свои личные интересы, предлагает нам окитаиться, то есть установить «порядок», вернуться к прежним привычным основам и поддержать случайные формы, без всякого внутреннего содержания. Такого рода китайщи-

на может быть только губительна для Европы; для нас она будет разрушением и слабостью. Очевидно, оба рода ложного прогресса друг друга стоят, и [потому мы можем взять на вооружение (примерно такая по смыслу вставка напрашивается здесь, чтобы предложение было грамматически и содержательно полным. – A. V.)] только «истинный» прогресс, прогресс порядка, разумеющий идею общественного строя, укоренившегося в историческом прошлом и развивающего вершину своей системы широко и свободно, в полной практической связи с могучими корнями. Таким образом, предлагая Китаю *исполнение* его жизненного начала, Европа сделает завоевание и приобретение без меча, но это только в том случае, когда она сама останется верной полной истине христианства, в противном же случае, передав Китаю чисто внешние результаты своей культуры, Европа создаст непримиримого и несокрушимого врага.

Как известно, христианские проповедники особым успехом в Китае не пользуются, как не пользовались им до недавнего времени практические результаты чужеземной культуры. Быстрые успехи Японии, в связи с захватными тенденциями Европы, разбудили Китай, заставили его силою обстоятельств стать на защиту своих государственных интересов и таким образом пробудили огромную силу, которая в связи с техническими орудиями борьбы, услугливо предложенными самой Европой, обрушится на её же слабо защищённую голову. Я и хочу рассказать читателю, в какой мере назрела эта опасность и как скоро можно ожидать её полного расцвета.

YABAO.RU

Главы из повести в рассказах

От автора. Все эти истории – подлинные, и произошли с обитателями русскоязычной улицы Ябаолу в Пекине. Соотношение жизненной правды и литературного вымысла в них где-то фифти-фифти. Среди героев этой повести мало положительных персонажей, но не судите строго – их деяния и поступки уже стали новейшей историей русско-китайских отношений.

Новогодняя сказка с китайским акцентом

Для китайцев Новый год по европейскому календарю – рядовая дата. Всё серо и обыденно. Разве только в морозном Харбине и в тропическом Санья, куда приезжает на этот праздник много российских туристов, вы встретите Деда Мороза со Снегурочкой и пьяных соотечественников.

В Пекине зима бесснежная, и о приближающемся Новом году напоминают лишь ростовые кукольные Санта Клаусы да наряженные разноцветными мигающими гирляндами синтетические ёлки, оставшиеся после католического Рождества. По китайскому телевидению, естественно, вы не увидите наш культовый фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!», «голубые огоньки» и «песни о главном».

«Советское шампанское» и «селёдку под шубой», а также песни из реанимированного репертуара «Ласкового мая» и старые русские романсы в дурном исполнении каких-нибудь читинских или хабаровских гастролёров вы получите, так сказать, в одном флаконе. Для этого надо пойти на новогоднюю ночь в какой-нибудь из ресторанов возле легендарной улицы Ябаолу.

Этот торговый район считается русским, хотя славян здесь меньше, чем азербайджанцев. Также присутствуют казахи, буряты и якуты. И евреи – куда без них? Язык международного общения – русский. Даже заносчивым прибалтам, когда их сюда заносит, приходится переходить на язык «оккупантов». Стало быть, для китайцев все мы – русские. Сидишь в таком окружении, и порой возникает ощущение, что вновь оказался в СССР.

После третьей стопки «Московской» уже не кажется столь вульгарным эротический танец юной красавицы блондиночки. Знали бы её мама и папа, чем их дочь зарабатывает в Пекине хлеб насущный...

Труппа артистов китайского цирка отрабатывает традиционный репертуар. Малышка лет пяти демонстрирует чудеса гибкости своего гуттаперчевого тельца. Девушки вертят на длинных тросточках фарфоровые

блондца. Танцов в халате с широкими рукавами неуловимыми движениями меняет на лице разноцветные маски.

Но всех их затмевает своими незаурядными способностями щуплый и невзрачный на вид китаец лет сорока. Запрокинув голову, вытянувшись в струнку, он заглатывает более чем полуметровый клинок. Потом он вбивает себе в ноздри по огромному десятидюймовому гвоздю, по самые шляпки. И все по-честному, без обмана!

Когда этот уникум начинает показывать очередной номер, его вдруг прерывают из зала громкими криками и свистом. Так наиболее бдительные зрители напоминают всем остальным, что через несколько секунд наступит Новый год. Публика начинает поспешно откупоривать шампанское, пенистое вино проливается на салат из креветок и утку по-пекински, на дорогие костюмы и вечерние платья.

Стрелки настенных часов сходятся на цифре «12», из динамика раздаётся запись боя кремлёвских курантов. «Ур-я-я! С Новым годом!»

Через пару часов мы идём на съёмную квартиру. Новогодняя сказка с китайским акцентом закончилась.

По-настоящему, с размахом и вдохновенно, китайцы отмечают Новый год по лунному календарю, который приходится в разные годы на разные числа февраля-марта. Но это уже будет совсем другая новогодняя история.

Как торгуется хохлушка

По Ябаолу со скоростью звука распространяется новость: в продуктовой лавке возле башни Вань Бан по божеской цене продают свежую сёмгу. Дзинь (500 г) – 25 юаней. Дома, в России, этот деликатес мне не по карману, а здесь – вполне. Значит, надо брать. Такого же мнения и другие братья-славяне.

Не только братья, но и сёстры. Впереди меня стоит хохлушка. Девушка очень болтлива, и все стоящие в очереди уже знают, что она неделю назад прилетела из Киева за товаром, а сегодня вечером возвращается домой. Заодно хохлушка отрывается по полной программе, это видно по её припухшему лицу и по зелёным отпечаткам от хвои на белой блузке-вышиванке. Ну, зачем же надо было прошлым вечером ложиться на спину на газоне в соседнем парке Житань? Для этого есть кровать в одноимённой гостинице.

Впрочем, быть может, дама в парке смотрела на звёздное небо, чтобы набраться вдохновения для написания хайку.

Подходит очередь хохлушки, и она начинает торговаться с китаянкой.

— Маша, отрежь мне вот столько (показывает пальцами).

Продавщица отрезает шмат сёмги, взвешивает и называет цену:

— Двасать сем.

— Ой, а за двадцать можно? — сбивает цену покупательница. — Ты её мне посоли — в обед под пиво пойдёт.

— За двасать не мозно, — не соглашается китайская Маша, беря из-под прилавка полгорсти соли и втирая в сёмгу.

— А за двадцать пять? Ты её в плёночку заверни.

— За двасать пять мозно, — соглашается китаянка, оборачивая рыбу тонким полиэтиленом с рулончика.

Хохлушка достает кошелёк, отслюнявливает две бумажки по 10 юаней и считает мелочь, жалостливо причитая:

— Только двадцать три юаня. Больше нету.

— Забилай! — не разрешает, а просит китаянка, видя, что застопорившаяся очередь уже пошла хвостом.

— Спасибо, Маша! Ты — настоящая подруга! — благодарит любительница сочинять хайку на лоне природы под звёздным небом.

— Ты хитлы! — режет правду-матку Маша.

И тут хохлушка выдает нечто.

— Ой, а про пиво-то забыла! — спохватывается она.— Дай две бутылки «Цинтаго».

Она достаёт сто юаневую бумажку и докупает две бутылки китайского пива по семь юаней.

Всем, и украинской девице, известно, что на Ябаолу пиво стоит, как минимум, в два раза дороже. Пройди ты сто метров до супермаркета и купи то же «Цинтаго» по три с половиной юана за бутылку. Выторговала четыре юана за сёмгу и тут же переплатила за пиво шесть юаней — где логика?!

То ли и вправду с большого перепоя, то ли показала, что не бедная. Но впечатление произвела.

Как торгуется еврейский мальчик

Когда у пекинского торговца обувью во время обеда вдруг застrevает в горле кусок жареной свинины, это неспроста. В этот момент в далёкой Одессе родился еврейский мальчик. Какая же связь между китайцем, продающим ботинки и туфли на русскоязычной улице Ябаолу, и еврейским младенцем, писающим в пелёнки где-то на Малой Арнаутской, спросите вы у меня? И я вам отвечу: связь — прямее не бывает.

У китайского обувщика есть ещё ровно двадцать два года, чтобы спокойно торговать и расширять своё дело от уличного лотка до собственного мелкооптового магазина. Еврейский мальчик тем временем подрастёт и пойдёт в школу, с отличием окончит институт торговли, а потом приедет в Пекин изучать китайский язык.

Понятно, что еврейский мальчик должен что-то кушать и во что-то одеваться и обуваться. И последняя из названных потребностей как раз-то и приведёт его в лавку того самого некогда подавившегося пекинского обувщика.

Небу было угодно, чтобы именно в тот момент там оказался и я. И моя скромная миссия в том, чтобы рассказать вам, как торгуется в Пекине еврейский мальчик из Одессы. Это не просто торг, это стихи в прозе, одновременно «Екклесиаст» и «Плач Иеремии»!

Пекинский обувщик уже давно имеет в найме полтора десятка складских рабочих и продавцов и может по несколько дней не появляться на Ябаолу. Но по многолетней привычке он часто сам становится за прилавок, чтобы своим примером показать подчинённым, как надо торговаться. Ах, если бы он знал, что сегодня не его день, он лучше бы поиграл с друзьями в маджонг (китайское домино).

У дверей звенит бронзовый колокольчик, и входит еврейский мальчик. Он вежливо здоровается, соколиным взором выхватывает на полке за спиной у хозяина лавки самую дешёвую пару туфель и равнодушно спрашивает:

— Сколько это стоит?

— Триста юаней, — не оборачиваясь к обуви, лениво отвечает торговец.

— Ты меня обманываешь, — спокойно возражает еврейский мальчик, — это не может стоить триста юаней.

Торговец обувью в лёгком замешательстве, он вынужден посмотреть на предмет спора.

— Эта пара стоит триста юаней, — повторяет он свою начальную цену, но уже не столь уверенно.

— Эти туфли не могут стоить триста юаней! — категорично утверждает еврейский мальчик.

— А сколько же они могут стоить? — делает вид, что удивляется, один из самых опытных торговцев обувью с улицы Ябаолу.

— Минимум пятьсот юаней! — сражает его наповал молодой нахал с Малой Арнаутской.

Пекинский обувщик, впервые оказавшись в столь глупой ситуации, не находит сразу, что сказать на это.

Еврейский мальчик берёт с полки туфлю и вертит её в руках, горячо комментируя при этом:

— Смотри, это же натуральная кожа! Этой подошве не будет сноса! Какой модный каблук! Какая мягкая стелька! И ты утверждаешь, что эта пара стоит триста юаней?! Пятьсот юаней и не меньше!!!

— Тебе отдаю за четыреста, — говорит сбитый с толку обувщик.

— Всего-то за четыреста? Да я не дам за них и сорока! — диаметрально меняет тактику торга еврейский мальчик. — Разве я похож на дурачка? Каблук-то сделан из картона! Это же самый дрянной кожзаменитель! В эти туфли можно обуть лишь покойника!

— Можно подешевле, — неуверенно говорит хозяин обувной лавки.

— Бери за пятьдесят!

— Отдам за шестьдесят!

— За шестьдесят-три пары!

— Забирай, — соглашается совсем запутавшийся в расчётах торговец обувью, краем сознания всё-таки понимая, что продешевил, минимум, вдвое.

— Если порвутся, принесу на замену, — ставит точку в торге еврейский мальчик.

Пекинский обувщик согласно кивает головой. Сейчас у него одно лишь желание — прийти в кабинет и вызвать по телефону девушку из массажного салона, чтобы она своими сильными пальцами нашупала на его голове обезболивающие точки, намяла шею и плечи.

Я выхожу из обувной лавки вслед за еврейским мальчиком. Узнав во мне соотечественника, он жалуется:

— А ведь обманул меня китаец. Живу я здесь больше года, и ещё ни в одном магазине мне ни разу не заменили бракованную обувь. Вся прихожая завалена порванными туфлями.

— Но почему же ты не покупаешь по двести юаней хорошую обувь? — спрашиваю я.

— Оно, конечно, надо бы так, — соглашается еврейский мальчик, — но я не столь богат. Зато, каждую неделю — в новых туфлях.

Теперь-то я знаю, за что китайцы очень уважают евреев.

Мишко карго

Мишку я знаю давно — он мой земляк по Благовещенску. За свои тридцать с небольшим лет он перепробовал много занятий: перепродаивал подержанные «тойоты» и «ниссаны», был валютчиком-менялой и даже приторговывал наркотиками в ночном клубе.

И вдруг встречаю его в Пекине на улице Ябаолу. С удивлением узнаю, что Мишаня остынился — стал владельцем карго (так здесь называют маленькие транспортные предприятия). Но, при более подробном знакомстве с его новым бизнесом, убеждаюсь, что своим жизненным устоям этот человек нисколько не изменил.

То, чем занимается Мишка, можно назвать серой логистикой в её классическом виде.

Он снимает на Ябаолу небольшое складское помещение, здесь же, за перегородкой, его офис площадью полтора квадратных метра. В найме у него русская студентка-переводчица и пара-тройка грузчиков-китайцев. Регистрационных документов, естественно, никаких. Между тем, Мишаня весьма популярен у предпринимателей средней руки, особенно из нашего города.

Надо видеть расписки, которые Мишка выдаёт своим клиентам: «Я, такой-то (паспортные данные), принял от такого-то груз (краткое описание) стоимостью во столько-то долларов. Груз будет доставлен в указанный срок туда-то. В случае порчи или пропажи груза обязуюсь полностью возместить ущерб. Дата, подпись».

Если кто-то из клиентов просит более весомых гарантит, Мишаня предъявляет свидетельство о праве собственности на квартиру в нашем российском городе. Почти всем этого бывает достаточно для подтверждения его платёжеспособности.

Так и хочется сказать им: «Люди, разуйте глаза! С чего вы взяли, что этот тип, в случае чего, будет продавать свою квартиру, чтобы вернуть вам деньги?!».

Мой знакомый, как это свойственно всем аферистам, производит впечатление исключительно честного человека. Плюс к благообразной внешности — шикарный автомобиль, золотая цепь на шее и дорогие часы на руке.

Но Мишка, как бы он ни надувал передо мной щёки, бояк по жизни. Как и прежде, мешает водку с пивом. За вечер в ресторане он выкладывает мне все свои сокровенные тайны, хоть я и не прошу об этом.

Сам Мишаня в логистике никто и звать его никак. Собранные грузы он передаёт более серьёзным транспортным компаниям. Серьёзным, не в смысле их надёжности, а по масштабам серой логистики.

Вот и представьте, в чьи «надежные и заботливые» руки попадает ваш груз после того, как вы поручили его доставку подобным деятелям. Случись внезапная замена «прикомленных» таможенников, и вся эта серая логистическая схема полетит в тартарары, а груз, оформленный с нарушениями, будет арестован.

И ищите потом Мишку (Эдика, Мустафу) на необъятных просторах Китая. А коль найдёте, то попробуйте отсудить у него свои деньги. А если отсудите, попытайтесь получить их по исполнительному листу.

В последний приезд на Ябаолу я не нашёл своего земляка по старому адресу — там было другое карго. Не отвечал и его сотовый телефон.

Сеня-хитрован

Одна из достопримечательностей улицы Ябаолу — магазин и аптека «Сеня». Магазин — с российскими продуктами (водка, пиво, консервы, шоколад, майонез и пр.).

А вот про аптеку надо сказать отдельно. Зная тягу русских ко всякого рода чудесным китайским снадобьям, Сеня написал и развесил там очень оригинальную рекламу:

«Очень хороший препарат от перхоти — испробовал на себе!»; «Таблетка для женщин. Выпил — через 10 минут секс хочу»; «Мужская потенция. Одна таблетка — три дня не падает». И прочее в том же напористо-убедительном стиле.

Не устояла и моя спутница, купила «сжигатель жира». Аптекарь обещал через месяц употребления, в день по капсуле, результат — потерю восьми кг лишнего веса.

Потом мы показали коробочку из-под этих пилюль в китайской государственной аптеке. Нам объяснили, что это вообще не лекарство, а что-то травяное. Совершенно безвредное, но и настолько же бесполезное.

Месяц прошёл, контрольное взвешивание показало, что сто пятьдесят юаней на «сжигатель жира» были потрачены зря. Но кому уже предъявить претензию?

Хитрован этот Сеня! Разбогател на продаже лекарственных пустышек благодаря юморной рекламе. Интересно, сам додумался или кто-то из русских челнов начал 90-х подсказал?

Сейчас Сеня миллионер и сам за прилавком уже не стоит. Но дело его не затухает. У молодых продавцов и аптекарей язык столь же хорошо подвешен, и врут они, не краснея. Вижу, появился в заведении новый отдел — с семенами овощей. Написано, что вырастут из них огурцы длиной с метр и арбузы такого же диаметра. Сразу вспомнилось Общество Гигантских Овощей и Незнайка. Я тогда посмеялся и те семена не купил, а сейчас жалею.

В аптеке и в магазине у Сени можно делать на память фото и видео. Потом эти картинки и ролики появляются в интернете. И не удивительно, что вновь прибывающие туристы часто спрашивают на Ябаолу, как пройти к аптеке «Сеня».

На другом конце улицы Ябаолу есть ещё один магазин русских продуктов — «Юра». Но «Юра» не конкурент «Сене» — покупателей там заметно меньше. Нет у «Юры» такой креативной рекламы и почему-то запрещено снимать на фото- и видеокамеры.

Вряд ли Сеня с улицы Ябаолу знает, что где-то существуют такие мудрёные предметы, как «маркетинг» и «паблик рилейшнз». Одно слово — самородок.

А. МАТЮШЕНСКИЙ И «ДЕЛО ДЕВЯТИ СМЕРТНИКОВ»

Александр Иванович Матюшенский (1862–1931), печатавшийся чаще всего под псевдонимом А. Седой, – один из наиболее ярких представителей литературы и журналистики Приамурья 1910-х годов, редактор-издатель газет «Амурский пионер» (1911–1912) и «Благовещенское утро» (1912–1917), публицист, прозаик, ведущий автор коллективного романа «Амурские волки» (1912), единоличный автор романов «Фальшивые сторублёвки» (1913) и «Взаимный банк» (1916), ряда других произведений, пользовавшихся шумной, зачастую скандальной, популярностью у амурских читателей начала XX века. В альманахе «Амур» мы уже обращались к его чрезвычайно противоречивой личности и неоднозначному творчеству [1]. В изданной в 2013 году «Энциклопедии литературной жизни Приамурья...» Матюшенскому посвящено несколько статей [2]. В одной из них автор данных строк рассказывал о том, что спустя четыре года после Октябрьской революции, 9 декабря 1921 года, Матюшенский был арестован и на следующий день заключён в Благовещенскую областную тюрьму по обвинению в связях с подпольной белогвардейской организацией, возглавляемой генералами Сычёвым и Сербиновичем и позднее есаулом Рязанцевым, которая действовала в Благовещенске и в Сахалине, на правом берегу Амура (ныне г. Хэйхэ). Основанием для ареста видного амурского литератора стало его письмо, изъятое во время обыска у одного из фигурантов дела – Яна Кивистика. Матюшенский просил Кивистика отправить это письмо по китайской почте из Сахалина в Харбин А. Яблоновскому – сотруднику газеты «Русский голос». Кивистик согласился, однако, вскрыв и прочитав письмо, не решился брать его с собой, и оно у него осталось до обыска. В письме говорилось о борьбе Матюшенского «на литературной почве с коммунистами» и содержалась просьба устроить его корреспондентом в харбинскую газету «Русский голос». К делу также была приобщена корреспонденция Матюшенского «Как мы живём», обрисовывавшая бедственное положение населения, злоупотребления представителей власти и ГПО (ГПУ). В ней, в частности, говорилось: «Мы живём под властью воров и мошенников, покрываемых РКП».

22 февраля 1922 года все девять обвиняемых (А.И. Матюшенский, Я.Ю. Кивистик, А.В. Коссов, Н.П. Бетенёв, А.Н. Шелевой, И.Г. Таранов, А.С. Баженов, Т.М. Трушин и В.Р. Новиков) были приговорены к смертной казни. Уже на следующий день приговор поспешно был утверждён начальником тыла Приамурского военного округа, заместителем главнокомандующего Народно-революционной армией ДВР Евгением Трифоновым (Бражневым) [3].

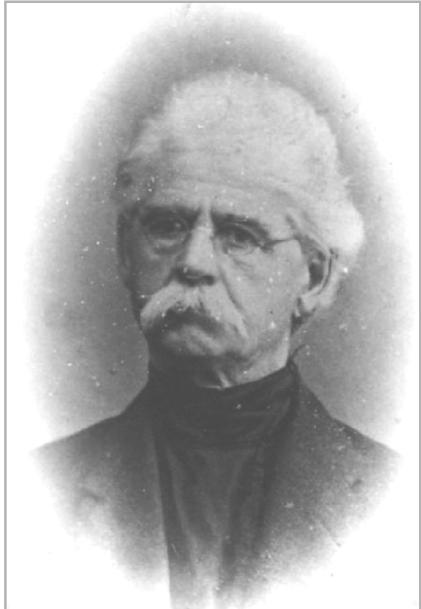
Однако 24 февраля произошло нечто необъяснимое, почти невероятное: согласно телеграфному предписанию зампредседателя правительства ДВР приговор в отношении девяти осуждённых был отменён, а сами

они 5 марта 1922 года были отправлены «со всеми материалами» в Читу в распоряжение Главного кассационного суда ДВР.

Во второй половине августа – начале сентября 1922 года издававшаяся в Благовещенске местной группой РСДРП газета «Волна», оппозиционная к большевикам, опубликовала ряд материалов, рассказывающих о ходе Высшего кассационного суда ДВР, который пересматривал приговор «девяти смертникам» (№№ 88, 90, 98, 100). Суд происходил в Чите, куда доставили осуждённых. Некоторые из приговорённых военно-полевым судом в Благовещенске к смертной казни заявили, что признания у них были вырваны «путём пыток и истязаний». Судя по газетным отчётом, на заседании кассационного суда Матюшенский заявил, что «никогда не имел сношений с белогвардейскими организациями, членов их не знает. В Сахалине не был с 1917 года» (Волна. 1922. № 98. 1 сентября. Отчёт судебный. «Дело девяти смертников»). Матюшенский дал показания, что в приписываемых ему преступлениях виновным себя не признаёт: «Об организации Рязанцева ничего не знал. По убеждениям он (то есть Матюшенский) эволюционист, полагает, что никакие насилистенные перевороты не ведут ни к чему»; «Я полагаю, – говорит он, – что самое худое правительство лучше всяких банд, атаманов». На суде зачитывалось заявление Матюшенского начальнику тыла о помиловании, в котором говорилось, что он был оговорён и ошибочно осуждён. Ошибка суда, по словам Матюшенского, произошла «по молодости судей»; «такая ошибка очень повредит правопорядку нашей родины, а поэтому надо её поправить и дело пересмотреть». Решением Высшего кассационного суда ДВР смертный приговор в отношении Матюшенского и Кивистика был отменён и заменён «выговором». Баженов, Новиков, Шелевой и Трушин были полностью оправданы, остальные получили от трёх до пяти лет с учётом срока предварительного заключения.

В литературно-краеведческом музее БГПУ им. А.В. Лосева хранятся сделанные в 1983 году копии связанных с «делом девяти смертников» (прежде всего с участием в этом процессе А. Матюшенского) документов из фондов ЦГА РСФСР ДВ – Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (в начале 1990-х годов этот архив был переведён из Томска во Владивосток и стал называться РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока) и Государственного архива Читинской области (ныне Государственный архив Забайкальского края), любезно переданные музею Ольгой Фёдоровной Федотовой – в 1990–1998 годы зав. литературным отделом Амурского областного краеведческого музея.

Документы проливают дополнительный свет на эту давнюю историю и на личность одного из подследственных – известного амурского литератора Александра Матюшенского (А. Седого). Кроме того, они воссоз-

A.I. Matyushenky

Главное архивное управление
при Совете Министров РСФСР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РСФСР
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ЦГА РСФСР ДВ

АРХИВНАЯ СПРАВКА
ОЛ.08.83. № 013с
г. Томск
На № 3/3-7176 от 06.07.83.

На Ваш запрос

В архивном фонде "Благовещенская областная тюрьма" имеется статистический листок на арестанта МАТИШЕНКОГО АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА, 59 лет, в котором указаны преметы МАТИШЕНКОГО А.И. На статистическом листке в правом верхнем углу имеется пометка, написанная синими чернилами "Прибыл 10/III-21 г.", в левом верхнем углу имеется резолюция, написанная красными чернилами, "Отправлен в Читу 5/VII-22 г." (подпись неразборчива).

Основание: Ф.Р-1034, оп.5, д.2067, лл. 1-3. Подлинник. Рукопись.

Л.А.Владимирова
Т.П.Касаткина

Директор архива *Л.А.Владимирова*
Зав. отделом *Т.П.Касаткина*

77

Главное архивное управление
при Совете Министров РСФСР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РСФСР
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ЦГА РСФСР ДВ

ОЛ.08.83. № 013с
На № 3/3-7176 от 06.07.83.

Высыпаем Вам три архивные выписки, архивную справку и архивную копию на МАТИШЕНКОГО (МАТИШЕНКОГО - так в документах) А.И. Приложение на 8 листах.

Л.А.Владимирова
Т.П.Касаткина

Директор архива *Л.А.Владимирова*
Зав. отделом *Т.П.Касаткина*

Экз. № 1

Главное архивное управление
при Совете Министров РСФСР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РСФСР
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ЦГА РСФСР ДВ

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА
ОЛ.08.83. № 013с
г. Томск
На № 3/3-7176 от 06.07.83.

Выписка из списка лиц, обвиняемых по политическим делам, и освобожденных из Благовещенской областной тюрьмы с января 1921 г. по март 1922 г.

№ по поряд- ку	Фамилия, имя и отчество	С какого времени одержал заключение	По чьему постан- овлению одержал заключение	В чем обвиня- ется	Когда и кем освобож- ден
276	Матишинский Александр Иванович	10/III-21г	г.п.о. 10/III-21г. за № 558	Уч. в белогр. орга- низации.	отпр. в Читу

Основание: Ф.Р-1034, оп.5, д.53, л.71⁰⁶. Заверенная копия.
Рукопись.

Верно! *Марк* Т.Ю.Долгина

Главное архивное управление
при Совете Министров РСФСР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РСФСР
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ЦГА РСФСР ДВ

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА
ОЛ.08.83. № 013с
г. Томск
На № 3/3-7176 от 06.07.83.

Выписка из списка лиц, заключенных в областной Благовещенской тюрьме за 1918 г.

№ по поряд- ку	Имя, отчество и фамилия	№ камеры	№ отделе- ния	Примечание
444	Матишинский Александр Иванович	21	одиноч.	

Основание: Ф.Р-1034, оп.6, д.24, л.14. Незаверенная копия.
Рукопись.

Верно! *Марк* Т.Ю.Долгина

дают атмосферу эпохи, позволяют получить наглядное представление о советской судебной системе первых послереволюционных лет, о её функционировании, о методах ведения следствия, об особенностях ведения судебной документации.

Часть этих копий будет представлена в их реальном виде, а часть – в текстовом варианте, что позволит комментировать их, указывать на встречающиеся в них неточности и т.д.

Несколько предварительных замечаний. Тексты документов воспроизводятся без редакторских исправлений, с встречающимися в них фактическими ошибками, с сохранением особенностей орфографии и пунктуации. Фактические неточности отмечаются в комментариях. Многоточием в документах маркируются сокращения – как правило, фрагменты, посвящённые другим, помимо Матюшенского, восьми подследственным.

Александр УРМАНОВ

ПРИГОВОР

Именем народа Дальневосточной Республики военно-полевой суд тыла Приамурского военного округа в г. Благовещенске в закрытом судебном заседании 20, 21 и 22 февраля 1922 года в составе: председателя суда Устимова, членов: Багаева и Осипова при секретаре Пичугове рассмотрел дело о гражданах:

МАТЮШЕНСКОМ АЛЕКСАНДРЕ ИВАНОВИЧЕ. 59 л., ... обвиняемых в причастии к контрреволюционному заговору, имевшему целью вооружённое выступление для свержения существующей власти.

На основании данных судебного следствия суд признал виновными:

... МАТЮШЕНСКОГО ... в том, что все они принимали активное участие в белогвардейской организации генерала Сербновича и генерала Сычёва, а впоследствии есаула Рязанцева [4], имеющей целью вооружённое выступление для свержения существующего демократического строя, осуществление коего выступления предначертано было в зависимости успеха белобандитов, выступивших в Приморской области, тем самым нанести окончательный предательский удар в спину трудящихся Амурской области. ... МАТЮШЕНСКИЙ, являясь информатором организации, злостно извращал факты о политическом положении города и области, вырисовывая их в гнусной и пошлой провокации, дабы таким образом воодушевить белогвардейщину, означенными действиями он явно призывал к свержению существующего строя и восстановлению власти насилиников и палачей, кроме того, он состоял тайным корреспондентом Харбинской реакционной газеты «Русский Голос», куда посыпал статьи, содержащие самую бесстыдную подлую клевету, направленную против государственных учреждений, ответственных работников народно-революционной армии и выбранных всем народом органов власти Дальневосточной Республики, как-то Народного Собрания Амурской области и Народного Собрания ДВР, называя их в посылаемых статьях собраниями мошенников и разбойников.

ПРИГОВОРИЛ:

... МАТЮШЕНСКОГО ... за означенные преступления подвергнуть высшей мере наказания – смертной казни через расстрел ...

Приговор представить на утверждение начальнику тыла Приамурского военного округа.

Председатель суда: Устимов.

Члены: Багаев и Н. Осипов.

Приговор утверждаю. 23 февраля начальник тыла Е. Трифонов.

Секретарь военно-полевого суда тыла Приамурского военного округа (роспись неразборчива).

ДВР

член Военного Суда Народно-революционной армии и флота

24 февраля 1922 года

Председателю военно-полевого суда тыла Приамурского военного округа.

Согласно телеграфного предписания зампредседателя правительства ДВР приговор военно-полевого суда в отношении 9-ти осуждённых:

... МАТЮШЕНСКОГО ... отменяется и указанные лица должны быть отправлены в Читу в распоряжение Главного кассационного суда со всеми материалами.

Начальник тыла и члены военного совета НРА и флота Е. Трифонов.

Секретарь военно-полевого суда Приамурского военного округа (роспись неразборчива).

(ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р-1034, оп. 4, д. 948, лл. 1-1 об.)

ПРИГОВОР

Именем народа Дальневосточной Республики 1922 года августа 14-16 д.г. Чита. Высший кассационный суд Д.В. Республики в открытом судебном заседании в составе: председателя Е.И. Матвеева, членов суда: Ф.И. Дриго и Т.П. Бочкирев, при общественном обвинителе Колесниченко, при секретаре Долгушине. Слушали дело по обвинению: 1) КОССОВА Александра Васильевича, 21 год, б. прaporщика, из гр. Забайкальской обл., Читинского уезда, Урульгинской вол. с. В.-Талача, 2) БЕТЕНЕВА Николая Павловича, 32 лет, б. подъесаула из гр. Благовещенска, 3) ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича, 43 лет, из гр. Амурской обл. Козьмодемьяновской вол. и того же села [5], 4) ТАРАНОВА Ивана Григорьевича, 42 лет, из гр. гор. Харькова в том, что они состояли в белогвардейской организации есаула Рязанцева, находящейся в Сахалине [6] и составившей себе целью вооружённое выступление против существующей в Дальневосточной Республике власти. 5) МАТЮШИНСКОГО [7] Александра Ивановича, 60 лет, литератора, из гр. Самарской губ., Ново-Узеновского уезда, Мало-Узеновской вол. и того же села [8] в

том, что он оказывал вышеупомянутой организации о политическом положении в Амурской области. 6) КИВИСТИК Яна Юрьевича, 35 лет, эстонского подданного. 7) БАЖЕНОВА Александра Семёновича, 21 года, бойца 4 кавполка НРА, из гр. Амурской обл. Марковской вол. села В-Благовещенска. 8) НОВИКОВА Владимира Руфьевича, 25 лет, бойца того же полка, той же области и села, в том, что они оказывали содействие в установлении связи с организацией есаула Рязанцева и её единомышленниками, проживающими на территории ДВР и 9) ТРУШИНА Тимофея Михайловича, 44 лет, чернорабочего из гр. Симбирской губ., Ардатовского уезда, Мидиевской вол., села Сарнилей [9] в том, что он принимал участие в укрывательстве членов упомянутой белогвардейской организации. Ознакомившись с имеющимися в деле документами, выслушав на судебном заседании обявление обвиняемых и заслушав мнение сторон, суд нашёл: I) что обвиняемый КОССОВ Александр дезертировал из рядов народно-революционной армии и ранив в селе В. Талача Урульгинской вол. одного из гр. этого села, скрылся за границу в гор. Сахалин, где принял активное участие в белогвардейской организации, поставившей себе целью борьбу с трудовым народом ДВР. 2) обвиняемый БАТЕНЕВ [10] Николай после падения в Сибири власти Колчака и в Забайкалье Семёнова, отступив вместе с остатками белогвардейских банд в полосу отчуждения полосы К.В.ж.д. прибыл оттуда в город Сахалин, где и вступил в белогвардейскую организацию, поставившей себе целью борьбу с трудовым народом ДВР. 3) Обвиняемый ТАРАНОВ Иван, растратив принадлежащие профессиональному совету пищевой промышленности гор. Благовещенска деньги, вверенные ему по службе, скрылся за границу в гор. Сахалин, где вступил в связь с белогвардейской организацией и отдельными её членами КОССОВЫМ, БЕТЕНЕВЫМ и др. 4) Обвиняемый МАТЮШИНСКИЙ Александр передал обвиняемому КИВИСТИКУ для переотправки в гор. Харбин письмо Яблоновскому и корреспонденцию, в которых ложно освещал политическое положение и жизнь Амурской обл., с целью напечатания названной корреспонденции в черносотенной газете «Русский Голос». А потому высший кассационный суд, руководствуясь 159 ст. положения о полит. судах, ПОСТАНОВИЛ: I) КОССОВА Александра Васильевича 21 года и БЕТЕНЕВА Николая Павловича 32 лет, подвергнуть принудительным работам с лишением свободы сроком на пять лет с зачётом предварительного заключения. 2) ТАРАНОВ Иван Григорьевич 42 лет, подвергнуть лишению свободы сроком на три года с зачётом предварительного заключения, 3) МАТЮШИНСКОМУ Александру Ивановичу 60 лет, раскаявшемуся в своём преступлении и принимая во внимание его преклонный возраст, болезненное состояние и предварительное до суда заключение с 9 декабря 1921 года и КИВИСТИКУ Яну Юрьевичу 35 лет, объявить выговор [11], 4) БАЖЕНОВА Александра Семёновича 21 года, НОВИКОВА Владимира Руфьевича 25 лет, ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича 49 лет, ТРУШИНА Тимофея Михайловича 44 лет по не доказанности преступления считать по суду оправданными [12]. 5) МАТЮЩЕНКО [13], КИВИСТИК, БАЖЕ-

НОВА, НОВИКОВА, ШЕЛЕВОГО и ТРУШИНА из под стражи немедленно освободить. Приговор окончательный и ни какому обжалованию не подлежит, согласно заявления обвиняемых КОССОВА, БЕТЕНЕВА и ТАРАНОВА об избиении их агентами Амурского отдела Г.П.О. произвести расследование и в случае обнаружения виновных таковых привлечь к судебной ответственности [14].

Секретарь выскаксуда: ДОЛГУШИН.

(ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р-2460, оп. 3, д. 132, л. 279)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1922 года, июля 6 дня, я, особый следователь Высшего Кассационного суда ДВ Республики БАРАШ допрашивал в качестве обвиняемого по делу, который показал:

Имя, отчество и фамилия: МАТЮШЕНСКИЙ Александр Иванович.

Сколько лет: 60.

Уроженец какой местности: Самарской губернии Н.Узеновск у. М.Узеновск. вол. того же села [15].

Место постоянного жительства: г. Благовещенск.

Какой национальности: Русский.

Партийность: Беспартийный.

Семейное положение: Женат.

Социальное положение: Пролетарий [16].

Образование, где, когда и какое окончил: Окончил юридич. факульт. Казанского ун-та в 1881 г. [17].

Имущество: Недвижимости нет.

Специальность: Литератор.

Был ли под судом, следствием, где, когда и в чём обвинялся: Много раз привлекался до 1917 г. к следствию по делам печати по обвинению в диффамации, дискредитировании прав [18], власти, возбуждении одной части населения против другой, в клевете в печати, оскорблении в печати должностных лиц; дела оканчивались оправданием [19]. Привлекался жандармами в 1881 г. по обвинению в причастности к убийству Александра II [20]. Сидел три с половиной года и был выслан в администрацию порядка на 3 года в Екатеринбург, Пермской г.

Служил ли в полиции, жандармерии, охранке, где и когда: Нет. Слухи об этом распущены Благовещенской буржуазией и Гапоном [21].

Служил ли в колчаковской, семёновской, меркуловской армиях, где, когда, в качестве кого: Нет.

Состоял ли в родстве с обвиняемым: Нет.

Письмо на имя Яблоновского и статья для помещения в одной из Харбинских газет по его усмотрению, действительно написаны мною. Оказалось то и другое у КИВИСТИКА потому, что я просил его сдать их на почту в Сахалин, т.к. если бы я сдал их на почту в Благовещенск, то ни то ни другое по назначению не дошло бы.

С КИВИСТИКОМ я случайно познакомился в охотниччьем обществе и попросил его взять на себя доставку в Сахалин на почту моего письма и статьи. Он изъявил

согласие исполнить мою просьбу, почему он этого не исполнил – не знаю. Я его спрашивал несколько раз, исполнил ли он порученное ему, он отвечал утвердительно. Впоследствии он объяснил, что распечатав письмо и прочитав его не решился отправить из-за резкого тона моей статьи.

Я был фактическим редактором газет «Демократ», затем «Амурская жизнь» и «Демократическая мысль», их одну за другой закрывали. Не желая оставлять без освещения печальные явления Амурской жизни, я после закрытия последней газеты намеревался корреспондировать в Харбинские газеты, почему и написал вышеуказанную статью. Остановился на Харбинских газетах, т.к. не надеялся, что моя корреспонденция придёт по назначению в Читу.

Посылка статьи в Харбин была моей первой и последней попыткой сотрудничать в Харбинских газетах. Не повторял этих попыток, полагая, что статья моя оказалась непомещённой и что редакции вообще моё сотрудничество не желательно.

Предъявленное мне обвинение – участие в белогвардейской организации, считаю неправильным и виновным себя не признаю. Показания против меня Коссова, Таранова и Батенева считаю измышленными. Последний раз был я в Сахалине до Февральской революции 1917 года и после этого ни разу не был там.

О существовании подобного рода организаций в Сахалине мне ничего не известно. Ни с кем из моих со-процессников, кроме Львова, до суда знаком не был. Со Львовым я был знаком по делам издания газеты «Демократической группой». В партии «Народной воли» я не состоял, но проводил её идеи в печати, напр., в «Самарской газете» в 1890 годах.

ИЖБОЛДИНУ совершенно не знал, и сейчас не представляю её себе.

С КИВИСТИКОМ познакомился дня за 3 до отправки письма.

Он был представителем какой-то американской фирмы, которая имела в Благовещенске магазин.

КИВИСТИК согласился отправить мою корреспонденцию из любезности. Для выяснения моей политической физиономии прошу приобщить к делу газеты «Демократической группы».

Больше показать ничего не могу, показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, в чём и подписываюсь – подписал А.И. МАТЮШЕНСКИЙ

Особый следователь БАРАШ

(ГАЧО – Государственный архив Читинской области. Ф. Р-360, оп. 1, д. 158, л. 56, 56 об.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу гр-н ТАРАНОВА Ивана Григорьевича, ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича, БАЖЕНОВА Александра Семёновича, КОССОВА Александра Васильевича, МАТЮШЕНСКОГО Александра Ивановича, БАТЕНЕВА [22] Николая Павловича, НОВИКОВА Владимира Руфьевича,

КИВИСТИКА Яна Юрьевича, ТРУШИНА Тимофея Михайловича, обвиняемых в участии в белогвардейской организации, поставившей себе целью вооружённое выступление против существующей власти ДВ Республики.

... III. МАТЮШЕНСКИЙ Александр Иванович.

Согласно показаниям КОССОВА (т. 1-45) и БАТЕНЕВА (т. 1, л. 64 об.), подтверждённых ими на суде (т. I, л. 171 об.), от чего они, однако, отказались на последующих допросах (II-51-55 и 59-61) гр. МАТЮШЕНСКИЙ, не состоя в организации есаула РЯЗАНЦЕВА, оказывал пособничество таковой путём информации о политическом положении в Амурской области.

По показаниям МАТЮШЕНСКОГО (т. II, л. 56-58) он был фактическим редактором ряда газет, издаваемых в Благовещенске «Демократической группой» и после закрытия последней из них, «не желая оставлять без освещения печальных явлений Амурской жизни», пытался освещать их в Харбинской прессе.

О характере освещения даёт представление его статья (т. 1, л. 52-58), не появившаяся в печати – газете «Русский Голос» по независящим от него обстоятельствам. При опросе его на суде, автор обещал подтвердить содержание этой статьи, за исключением одного пункта о гр. Щеголеве, документально. Отправка этой статьи была «первой и последней попыткой (его) сотрудничать в Харбинских газетах», как показывает МАТЮШЕНСКИЙ (т. II, л. 56-58), ибо для отсылки туда материала для печати он пользовался услугами и др. лиц, кроме гр. КИВИСТИКА (т. 1, л. 52 об.).

Обещав подтвердить «документально» факты, изложенные в данной статье, что было бы только исполнением его гражданского долга, гр. МАТЮШЕНСКИЙ, «старый провокатор», по выражению ИЖБОЛДИНОЙ (т. 1, л. 137), когда статья попала вместо «Русского Голоса» в руки властей, всячески старается сгладить впечатления от её содержания.

В своём прошении о помиловании (т. 1, л. 62) он пытается центр её тяжести перенести на пункт о Щеголеве, считая в остальном не возбуждающей сомнений в её соответствии действительности, берёт на себя роль защитника «народного дела», которому, якобы, «вредит» состоявшийся о нём приговор, называет белогвардейцев своими «исконными врагами», считая, должно быть, что ориентация «Русского Голоса» не может быть квалифицирована этим термином, ссылается на своё прошлое – «старого народовольца» – по убеждениям, но не по деятельности, как видно из его показаний (т. II, л. 56-57) и борца «в течение сорока лет... за восстановление народной власти». Он по существу ничем не расходится и с «Лениным» с тех пор, как тот «начертал новую экономическую программу, под которой (он) готов подписатьсь с обеими руками» [23].

Статья и письмо датированы 8/IX-21 года (т. 1, л. 52).

Статья была передана для отправки гр. КИВИСТИКУ спустя якобы три дня после того, как МАТЮШЕНСКИЙ с ним познакомился, и на неоднократные вопросы МАТЮШЕНСКОГО о судьбе его корреспонденции гр. КИВИСТИК отвечал, что она отправлена по назначению.

«Политическая физиономия» гр. МАТЮШЕНСКОГО в этой статье выявлена достаточно выпукло и едва ли в этом отношении может дать что-либо новое и «приобщение» к делу номеров газет, изданных «Демократической группой», о чём просит гр. МАТЮШЕНСКИЙ (т. 1, л. 56-57).

Как говорилось выше, сопоставление общего тона содержания, как показаний на следствии и суде, так и прошений о помиловании гр-н КОССОВА и БАТЕНЕВА, с последними их показаниями и теми заявлениями, которые были ими поданы В.К. суду, после прибытия в Чит. облтюрьму, в которых они невольно проговариваются о своей принадлежности к организации есаула РЯЗАНЦЕВА, дают основания заключить, что в общем и целом, что первые показания обоих этих лиц об упомянутой организации и причастных к ней лицах, в каких бы условиях эти показания даны не были [24], рисует верную картину того, что было на самом деле.

А из статьи гр. МАТЮШЕНСКОГО видно, насколько его идеология разнится от устремлений всевозможных деятелей белогвардейских организаций – не входя в конфликт с самим собой, ибо и тот и другой боролись одинаково, хотя и неодинаковыми способами против власти «изменников, воров и разбойников», как атtestует МАТЮШЕНСКИЙ существующую в ДВР власть – он вполне мог давать РЯЗАНЦЕВУ информацию о политическом положении в области [25].

Поэтому, как КОССОВ и БАТЕНЕВ, «не могли не верить РЯЗАНЦЕВУ..., что его информирует МАТЮШЕНСКИЙ» (т. 1, л. 171 об.) [26], так и в данном случае, имея ввиду данную выше оценку показаний этих лиц, нет оснований не верить их словам на этот счёт и на суде, произнесённых в присутствии гр. МАТЮШЕНСКОГО. Для цели информации последнему не было необходимости ездить самому в Сахалин лично, раз переход границы помимо рогатки и даже проживания в городе элементов вроде КОССОВА, как видно из его показаний (т. I, л. 45 об. и т. II, л. 54), не представлял значительных затруднений.

Ввиду изложенного, факт пособничества МАТЮШЕНСКОГО организации есаула РЯЗАНЦЕВА путём информирования о политическом положении в области, следует считать доказанным...

НА ОСНОВАНИИ всего изложенного: гр-не

1) КОССОВ Александр Васильевич, 21 года, бывший прапорщик, из граждан Заб. обл., Читинского уезда Уральгинской волости, села В.-Талача;

2) БАТЕНЕВ Николай Павлович, 32 лет, бывший подъесаул, из гр-н г. Благовещенска;

3) МАТЮШЕНСКИЙ Александр Иванович, 60 лет, из гр-н Самарской губ., Новоузенского уезда, Малоузенской вол. и села, литератор;

4) КИВИСТИК Ян Юрьевич, 35 лет, торговый посредник, эстонский подданный;

5) ТРУШИН Тимофей Михайлович, 44 лет, чернорабочий, из гр-н Симбирской губ., Ардатовского уезда, Миндиевской вол., села Серлиней [27];

6) БАЖЕНОВ Александр Семёнович, 21 года, боец 4 Кав. полка НРА (хлебопашец), из гр-н Амурской области, Марковской вол., села В.-Благовещенск;

7) НОВИКОВ Владимир Руфьевич, 25 лет, боец того же полка, (хлебопашец), той же области и села;

8) ШЕЛЕВОЙ Андрей Никитич, 49 лет, из гр-н Амурской обл., Козьмодемьянской [28] вол., и села, домовладелец и содержатель ломовой биржи;

9) ТАРАНОВ Иван Григорьевич, 42 лет, техник путей сообщения и электротехник из гр-н гор. Харькова

ОБВИНЯЮТСЯ

в том, что первые два – КОССОВ и БАТЕНЕВ, а также ШЕЛЕВОЙ и ТАРАНОВ состояли в белогвардейской организации есаула РЯЗАНЦЕВА, находившейся в Сахалине и ставившей себе целью вооружённые выступления против существующей в ДВР власти, а остальные оказывали этой организации пособничество в её деятельности, путём: МАТЮШЕНСКИЙ – информации о политическом положении Амурской области; КИВИСТИК, БАЖЕНОВ и НОВИКОВ – оказания содействия в установлении связи с её единомышленниками на территории ДВР; ТРУШИН – укрывательства её членов.

Особый следователь БЫСШКАССУДА БАРАШ.
18 июля 1922 года.

ПРИГОВОР ИМЕНЕМ НАРОДА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

1922 года августа 14-16 дня гор. Чита

Высший Кассационный суд Дальневосточной республики в открытом судебном заседании в составе:

Председателя Е.М. Матвеева, членов суда: Ф.И. Дриго и Т.П. Бочкарева при общественном обвинителе Колисниченко, при секретаре Долгушине слушал дело: по обвинению

1. КОССОВА Александра Васильевича, 21 года, б/прапорщика, из гр. Забайкальской обл., Читинского уезда, Уральгинской вол., с. В.-Талача;

2. БАТЕНЕВА Николая Павловича, 32 лет, б/подъесаула, из гр. гор. Благовещенска;

3. ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича, 49 лет, из гр. Амурской обл., Космодемьянской [29] волости и того же села;

4. ТАРАНОВА Ивана Григорьевича, 42 лет, из гр. гор. Харькова,

в том, что они состояли в белогвардейской организации есаула РЯЗАНЦЕВА, находившейся в Сахалине и ставившей себе целью вооружённое выступление против существующей в Дальневосточной республике власти;

5. МАТЮШЕНСКОГО Александра Ивановича, 60 лет, литератора, из гр. Самарской губернии, Новоузенского уезда, Малоузенской вол. и того же села в том, что он оказывал вышеупомянутой организации есаула РЯЗАНЦЕВА пособничество в её деятельности путём информации о политическом положении Амурской области;

6. КИВИСТИКА Яна Юрьевича, 35 лет, эстонского подданного;

7. БАЖЕНОВА Александра Семёновича, 21 года, бойца 4-го Кав. полка НРА, из гр. Амурской обл., Марковской вол., с. Верхне-Благовещенского;

8. НОВИКОВА Владимира Руфьевича, 25 лет, бойца того же полка, той же области и села, в том, что они оказывали содействие в установлении связи с организацией есаула РЯЗАНЦЕВА и её единомышленниками, проживающими на территории ДВР;

9. ТРУШИНА Тимофея Михайловича, 44 лет, чернорабочего, из гр. Симбирской губ., Ардатовского уезда, Миндиевской вол., села Серлиней [30], в том, что он принимал участие в укрывательстве членов упомянутой белогвардейской организации.

... А потому Высший Кассационный Суд, руководствуясь 159 ст. Положения о политических судах, ПОСТАНОВИЛ:

1. КОССОВА Александра Васильевича, 21 года и БАТЕНЕВА Николая Павловича, 32 лет подвергнуть принудительным работам с лишением свободы сроком на 5 лет с зачётом предварительного заключения;

2. ТАРАНОВА Ивана Григорьевича, 42 лет, подвергнуть лишению свободы сроком на 3 года с зачётом предварительного заключения;

3. МАТЮШЕНСКОМУ Александру Ивановичу, 60 лет, раскаявшемуся в своём преступлении и принимая во внимание его преклонный возраст, болезненное со-

стояние и представленное до суда заключение с 9-го декабря 1921 года, и КИВИСТИКУ Яну Юрьевичу, 35 лет, объявить выговор;

4. БАЖЕНОВА Александра Семёновича, 21 года, НОВИКОВА Владимира Руфьевича, 25 лет, ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича, 49 лет, ТРУШИНА Тимофея Михайловича, 44 лет, по недоказанности преступления считать по суду оправданными.

5. МАТЮШЕНСКОГО, КИВИСТИКА, БАЖЕНОВА, НОВИКОВА, ШЕЛЕВОГО и ТРУШИНА из-под страсти немедленно освободить.

Приговор окончательный и никакому обжалованию не подлежит.

Согласно заявления обвиняемых КОССОВА, БАТЕНЕВА и ТАРАНОВА об избиении их агентами Амурского отдела ГПО произвести расследование и, в случае обнаружения виновных, таковых привлечь к судебной ответственности

Председатель суда: Матвеев

Члены суда: Дриго Бочкарев

(ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р-360, оп. 1, д. 158, лл. 69, 69 об., 73, 102, 102 об., 103, 103 об.)

Комментарии

1. См.: *Лосев А.В.* Александр Иванович Матюшенский (Полемические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы) // Амур: Литературно-художественный альманах. № 6. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 39–60; *Урманов А.В.* «На Амуре всё возможно...»: Роман «Амурские волки» как литературный феномен // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 11. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 87–97.

2. См.: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 28–30, 39–41, 67–68, 254–259 и т.д.

3. См. о нём статью Е.В. Паршина: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 74.

4. См.: Чепик М.В. Деятельность дальневосточных чекистов по пресечению подрывной работы иностранных спецслужб в 1920–1922 гг. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/hr/article_8738.html. – 11.01.2015; Абеленцев В.Н. Председатель Восточного казачьего союза генерал Е.Г. Сычёв // Белая гвардия: Альманах. № 8. Казачество России в Белом движении. М.: Посев, 2005. С. 292–301. Интернет-версия статьи. – Режим доступа: <http://a-pesni.org/grvojna/bel-a-sytchev.php>. – 11.01.2015.

5. Так в документе, правильно: Козьмодемьянской волости.

6. Так в документе, правильно: в Сахалине – прежнее название г. Хэйхэ.

7. Так (здесь и в некоторых случаях далее) в документе, правильно: МАТЮШЕНСКОГО.

8. Село Малый Узень входило в состав Саратовской, а не Самарской губернии; кроме того, в реальности Матюшенский родился в с. Александров-Гай Саратовской губернии. Если путаница с губернией в принципе могла быть на совести составителя документа, записывавшего показания подследственного на слух, то ошибочное место рождения могло появиться только из желания Матюшенского ввести следствие и суд в заблуждение и тем самым скрыть некоторые факты собственной биографии, которые могли бы ему повредить.

9. Так в документе, правильно: село Сорнелей Медаевской волости. Очевидно, составитель документа записывал название села и волости на слух, не давая подследственному возможности прочесть протокол и внести исправления.

10. Так (здесь и в некоторых случаях далее) в документе, правильно: БЕТЕНЕВ.

11. Характерная особенность судебного производства первых советских лет, проявившая себя и в «деле девяти смертников», – возможность за одно и то же преступление выносить любое наказание – от сугубо формального, безобидного – выговора, до крайнего по степени суровости – смертной казни. Это, как показывает данное дело, порождало произвол судебных инстанций, субъективность выносимого приговора, зависящего зачастую от человеческого фактора, от настроения членов военно-полевых судов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, не подвергая сомнениям обоснованность вынесенного военно-полевым судом тыла Приамурского военного округа смертного приговора, высший кассационный суд Дальневосточной республики, тем не менее, снизил наказание с расстрела до выговора, то есть, по сути, дезавуировал решение предыдущего суда.

12. Ещё одна характерная особенность судебной системы послереволюционного времени: отменив в отношении четырёх из девяти осуждённых прежний расстрельный приговор, зафиксировав недоказанность вменённых им преступлений, высший суд

республики не вынес никаких частных определений по поводу некомпетентности или даже преступной халатности председателя и членов окружного суда, вынесших, как оказалось, смертный приговор невинным людям.

13. Так в документе обозначена фамилия МАТЮШЕНСКОГО. Этот и многие другие подобные не исправленные в документах неточности и грубые ошибки свидетельствуют о формальном отношении к ведению судебной документации, а также о недостаточной компетентности и, возможно, о малограмотности тех, кто занимался судебным делопроизводством, и тех, кто рассматривал судебные дела.

14. Сведениями о том, что такое расследование проводилось и виновные были наказаны, мы не располагаем. Судя по всему, никакого реального наказания «заплечных дел мастера» из Амурского ГПУ не понесли.

15. Этот фрагмент допроса подтверждает, что Матюшенский сознательно вводил следователя в заблуждение по поводу своего места рождения – с. Александров-Гай Саратовской губернии: очевидно, в расчёте на то, что в случае, если следователи направят по месту рождения Матюшенского запрос, он останется без ответа и А. Седому удастся оставить в полной тени некоторые тщательно скрываемые им от революционной власти обстоятельства – социальное происхождение, духовное образование и т.п.

16. Матюшенский скрыл от следователя ВКС ДВР своё подлинное социальное происхождение: на деле он родился в семье священника, а не пролетария.

17. Ещё одно свидетельство того, что Матюшенский сознательно вводит следователя в заблуждение: на самом деле он окончил не юридический факультет Казанского университета, а Саратовскую духовную семинарию. Матюшенский явно строит свои ответы следователю таким образом, чтобы избежать расстрела, к которому его приговорили в Благовещенске за контрреволюционную деятельность, чтобы спасти и себя, и своих родных. Он сознательно путает карты, пытается представить себя человеком социально близким, имеющим заслуги перед революцией, и скрыть то, что могло быть расценено как доказательство его враждебности по отношению к советской власти.

18. Так в документе, очевидно, имеется в виду правительство.

19. На самом деле далеко не всегда дела завершались оправданием. Так, 13 декабря 1915 г. Матюшенский был арестован за нарушение обязательного Постановления Приамурского генерал-губернатора и после отказа уплатить штраф в 3000 рублей пробыл в заключении три месяца. Ещё раз Матюшенский сидел в тюрьме с 3 по 18 октября 1916 г. (РГИА ДВ. Ф. 704, оп. 7, ед. хр. 478). А в 1917 г. его осудили за клевету. Газета «Амурское эхо» в номере за 14 (27) января 1917 г. сообщала в «Местной хронике» о приговоре суда по делу Матюшенского, которого городской голова Иосиф Дмитриевич Прищепенко обвинил в клевете в печати. Обвинение признано абсолютно доказанным, Матюшенский был приговорён по ст. 1535 Уложения о наказаниях к шести месяцам тюремного заключения (высшая для данного преступления мера наказания).

20. Комментарий к этому мифу см.: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 254–255.

21. См. об этом: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 37–38, 255–257.

22. Так (здесь и далее) в документе, правильно: БЕТЕНЕВА.

23. Имеется в виду сменившая политику «военного коммунизма» новая экономическая политика (НЭП), принятая по настоянию В.И. Ленина в марте 1921 г. на X съезде РКП(б).

24. Исходя из того, что Коссов, Бетенев и Таранов на заседаниях кассационного суда заявляли, что во время следствия в Благовещенске представители ГПУ выбывали у них нужные показания под пытками, получается, что ВКС ДВР добывшие в таких «условиях» показания не подвергает серьёзным сомнениям.

25. Поразительная в своей извращённости логика высшего кассационного суда: критические суждения Матюшенского о советской власти, высказанные им в статье, предназначеннной для открытой публикации в газете, становятся доказательством его сотрудничества с лидером белогвардейской контрреволюционной организации!

26. Даются ссылки на показания, которые, по признанию тех же Коссова и Бетенева, выбывались у них под пытками!

27. Так в документе, правильно, как отмечалось выше: село Сорнелеи Медаевской волости.

28. Так в документе, правильно, как отмечалось выше: Козьмодемьянской.

29. Так в документе.

30. Так в документе, правильно, как неоднократно отмечалось выше: село Сорнелеи Медаевской волости.

ЛЮДИ В ТАЙГЕ¹

Очерки

I

Я прибыл на прииски осенью. Мы выехали из Благовещенска на пароходе, название которого я уже успел забыть. Помню только, что подвигался он по рекам со скоростью километра в 3 часа.

Мы шли по Амуру, Зее и Селемдже. Набранные в Благовещенске приискатели пили водку, играли в карты и сотрясали судёнышко немыслимой чечёткой «сербянки» – танца, очень распространённого в этих местах.

Гармоний было много, они трепыхались в огромных руках парней подобно пёстрый, раздувшимся индюкам.

Мы высадились, наконец, на заброшенной среди сопок и ключей пристани Дагмаре – становке старого купца Сафонова, который был когда-то несметно богат, а теперь доживает остатки дней в заслуженной нищете с приёмным сыном Санькой Гайдуковым и невесткой. Но о них речь дальше.

От Дагмары до прииска Майского – первой остановки – уже рукой подать. Нас везли на костлявых, вихлястых лошадях по мелкому березняку. Колёса таратаек прыгали, проваливаясь в щели бревенчатого настила.

Шуршала пышная рыжая пена деревьев, и воздух кололся, как лёд, от чистоты, густоты, свежести. В сопки не верилось, – казалось, что аккуратно нарисованы они средней руки пейзажистом, а между тем это были те самые таинственные суровые предгорья Яблонова хребта, о которых мы так много слышали, отправляясь сюда.

Если не сказать, что во время нашего приближения к приискам стоял над тайгой закат, вы многое себе не представите. Закат висел тяжёлой широкой полосой, как висят обвиснувшие в безветрии кумачовые плакаты. Это был невероятных размеров ярко-красный мокрый вздрагивающий плавник рыбы.

Кончился березняк. Кругом подвивались полносочные величественные растения дальневосточных болот.

Прииски показались внезапно из-за увала.

Так вот они! Несколько зарывшихся в землю тупоносых бараков... Лошади побежали веселее. Бараки, оказывается, выстроены в кольцо и замыкают чисто выме-

тенный и будто утрамбованный двор. Рабочих почти не видать. Они все, как после выяснилось, ушли «на бутары». Нас вышли встречать несколько мужчин и женщин.

Но Рыбникова я отметил среди других сразу же. Он взял меня под руку и повёл к одному из бараков.

– Ну что же, – сказал он. – Вот вы и приехали. Вижу, что из вас кое-кто и по культурке будет. Культурку к нам привезли.

Из-под каштановой кубанки выглядывало бледное, одутловатое лицо с серыми ощупывающими вас на скользкую руку глазами и висящие табачной бахромой рыжие усы, удивительно к месту посаженные.

На плечах у Рыбникова надета была коричневая кожанка с поясом. Обут он был в сапоги бутылками. Глядя на него, хотелось думать, что человек выкинет сейчас козла и затанцует. Когда Рыбников говорил, он как-то по-особенному раздувал усы... В глазах же его, небольших и рыжевеких, было что-то особенное – они поблескивали, как две бусинки, как два обслонявленных леденца, и только после я понял, что рыбниковские глаза крепко прополосканы голубым спиртом.

Рыбников ввёл меня в барак. Бревенчатые плотно сложенные стены выглядели солидно, твёрдо, и не в пример им был разбит барак лёгкими, заклеенными бумагой перегородками. Рыбников усадил меня за длинный сосновый стол и сам сел напротив. Сначала он сидел, сложив руки, и так же настороженно ощупывал меня глазами, как и я его. Потом вдруг неожиданно предложил спирта и тогда сам начал пить чашку за чашкой ухарски, не заедая, кряхтя и посматривая опять же на меня вкось, как бы стараясь угадать, плохо или хорошо отнёшусь я к тому, что он так много пьёт, и, с другой стороны, показать беспечность и неудержимость своей пьянки.

Может быть, это подкузьмило его. Так же неожиданно заговорил он о себе, о скучной «теперешней» жизни, о приисках, о своей работе:

– Пьём. Глушь... Н-н-ooo... пьём и знаем дело. Всё здесь направили и пустили на рельсу. Извольте, будет после свободное время, загляните ко мне в амбулаторию... оборудована, первый сорт – не подкопаешься. Точно, пузырьки собирал, составлял лекарства, делал хирургические принадлежности... У любого спросите, как лечу...

¹ Печатается по изданию: Васильев П. Люди в тайге: [Очерки]. М.–Л.: Физкультура и туризм, 1931. 40 с.

Сразу же во время разговора я заметил (не замечать было нельзя), что Рыбников – большой похабник, – всё время подпускал он острого и тонкого сальца и ухмылялся в ус: вот-де как отмочил, вот как подвёз – слушайте...

Я не смеялся. Он удивился этому слегка и насторожился ещё больше.

Если бы я знал его биографию, я, вероятно, написал бы целую интереснейшую повесть о фельдшере Рыбникове. Но прошлое перед всеми он задернул занавесом полуслов, намёков и кривых улыбок.

Нет, Рыбников не имеет биографии.

Биографию имеет Брутцкий... Он вошёл в барак, огромный и застенчивый. Его тяжёлые, колосальные руки всё время искали выхода, куда бы спрятаться, куда бы скрыться от человеческих глаз. Брутцкий часто, побрячески открывал рот удивлённо и спокойно. На чёрном от солнца, ветра и мороза лице буквально сияли голубые «послушные» мальчишеские глаза; губы были розовые, пухлые, и тем чудовищнее казалась дремучая борода, похожая на искромсанный кусок медвежьей шкуры.

Прежде чем заговорить, Брутцкий ещё долго сидел и улыбался, как бы говоря: я – человек непонимающий, так уж извините меня, пожалуйста.

После я видел Брутцкого у медвежьей берлоги с рогатиной наперевес – решительного и непоколебимого. Видел его успокаивающим целую толпу взбунтовавшихся приискателей, видел непогрешимо и уверенно выискивающего золото в селемджинских болотах и спрашивал себя: чем же объяснить в нём обыденную застенчивость, даже робость? В конце концов я понял: Брутцкий робел перед городом, перед городской неизвестной, таинственной силой, которую он угадывал в словах и действиях людей, приезжающих от низовой Селемджи. Брутцкий робел перед городом точно так же, как робеет зверь, неожиданно учавший дым и пыль железнодорожной линии, ворвавшейся в его заповедные места.

Брутцкий родился и вырос в пределах Яблонова хребта, в селении Уланочка. Он рос среди спиртоносов, охотников и приискателей, он искалесил тайгу на сотни вёрст вокруг по тропам и без троп, свыкся с ней «нутром», по его же собственному выражению.

Безвыездно 40 лет пробыл он в здешних местах, окружённый снегом, зверьём, голубыми от мороза зимами и ядовитыми комариними веснами. Для него стало законом то, что спирт нужно пить из горшка, за женщину драться дубиной и ножом, белку бить одной дробиной в глаз, через всякие лишения идти к златоносным жилам... В мире конкретных, достоверно известных ему явлений он чувствовал себя крепко приложенным. Он чувствовал на ощупь широкие тяжёлые кости свои, застравшие в могучих сплетениях мышц, верил в верность и меткость глаза и руки, у него не было просто названий – всё, о чём он говорил, было облечено в мясо, шерсть, кожу, листья, оперенья и т.д.

Но вот вдруг появляются другие названия, для него отвлечённые и таинственные – дыхание города. Если раньше его поражало ружьё, вывезенное из города, самовар,

завезённый в тайгу, то теперь появились новые предметы, впечатления и новые рассказы, которые покорили и смяли его. Город смял Брутцкого и по технической, и по общественной линии...

Город практически доказал ничтожество его, Брутцкого, перед ним, таинственным и всемогущим. Что стоят его храбрость и меткость и верность его узловатой рогатины, на вилах которой не раз металось окровавленное тело обезумевшего от боли и злобы зверя, если на прииске «Утёсном» люди с девическими руками поставили скрежещущее неведомое чудовище – драгу, и она черпает золотоносные пески с самого дна Селемджи? Зачем смекалка тяжёлого разведчика, если «штука» из стекла и железа безразлично шевелящимися стрелками отыскивает золотые залежи?

Город загипнотизировал Брутцкого, и он потянулся к нему всем своим огромным телом, всей кровью. Старые истины пошли прахом, уступив место другим. В его сознание медленно втесывались неизвестные до сего слова: «драга», «красный уголок», «Ленин», «радио», «аэроплан»... Всё это было ещё не размещено, как следует, а валялось, как имущество, перевезённое на новую квартиру. Но уже не странным казалось то, что Брутцкий сидит и ждёт от вас новых слов, что его руки стали работать честно для ворвавшейся сюда молодой эпохи, и то, что он первым и пока единственным из «стариков»-приискателей по-тёжкому величественно плонул на ценный для него ранее спирт.

Рыбников, подмигнув мне, предложил Брутцкому выпить. Тот потупил глаза:

– Будто смеётесь. Не пью...

– Здорово! – пьяно захочат фельдшер. – Вот здорово-то! Не пью!.. Бочонок в день выпивал – рекордыставил! А теперь, вон, «не пью»! Единственная, можно сказать, гордость кульгработника. В красный уголок ходит... Ребят на курсы в город послал учиться. Уж вы обязательно в записную книжечку черкните, уж не откажите, черкните... Брутцкий, а то, может, выпьем?..

Тут я заметил, что Брутцкий рассердился. Он пристально и сурово взглянул на фельдшера:

– Не затроньте. Не скандальте перед человеком.

Рыбников сразу переменил разговор. А через несколько минут он уже лез в окно, опрокидывая бутылки, и кричал:

– Ивонин, сукин сын, иди сюда, тебе говорят, иди сюда!

Я взглянул в окно.

Человек улыбался.

Но улыбался он так, что весь без остатка выражал себя в этой улыбке. Улыбка была центром, к которому стремилось в Ивонине всё – от раскрытых будто бы для объятий рук до кончиков сапог, начищенных под «лунный свет».

Ещё не перешагнув порога, Ивонин поднял вверх руку и произнёс свою, как после оказалось, историческую фразу:

– Всё высокое, всё прекрасное основано на разнообразных и контрастных фактах.

Он выпустил слова лёгкими и круглыми, и они покатились куда-то в сторону, не задев нас.

Ивонин повалился на устланную оленями лоснищимися от крепости шкурами кровать и начал петь и свободно насыщивать «Роз-Мари»:

Цвето-о-ок душистых прерий...
Там-та-ри-ри-ри-ри... [1].

Ивонин приподнялся над кроватью на локтях и пел всё громче и громче, так что сквозь бурый румянец его щек проступали голубые и плотно скрученные жилы.

После моего приезда многие длинные таёжные вечера проводим мы с Ивониным вместе.

Он мне рассказывал, как драли в краснознамённых частях и под Таганрогом, и под Ургой, и на Камчатке. Он рассказывал, как расправлялся с японцами уссурийский мороз и как после красные части входили в оставленный интервентами город Великого Трепанга [2]. Он сопровождал свои рассказы тихим и всегда довольным смехом. Смех не мешал. О Владивостоке Ивонин вспоминал особенно охотно. Там, на тихой улочке, возле Амурского залива, он оставил девушку, которую любил. При рассказах о ней он особенно напирал на то обстоятельство, что у девушки были мягкие и тёплые руки. «Такие хорошие руки», – повторял он и снова смеялся.

Я не встречал более общительных, более приемлемых и более простодушных в общежитии людей. И тем более поразил меня Ивонин своим поведением на работе.

Он работал на приисках горным смотрителем. В его подчинении и под его наблюдением находилась артель китайцев в 18 человек.

Китайцы прибыли на промыслы из Сахо-Ляна [3], Чи-Фу [4], Харбина, из северной провинции Хубэй [5]. Они даже не могли говорить по-русски. Культработа среди них не велась. Китайцы перевалили русскую границу, чтобы заработать денег и уйти вновь. Контора Союззолота принимает руду по 5 рублей за золотник. У китайцев – тайная мечта, затаённая по-азиатски: принести золото к банкам Харбина или хотя бы к барышникам Благовещенска. Там оплата больше в несколько раз. Драгоценный металл может быть утаён от смотрителя и скрыт в потайных кладницах. Так возникает страшное и позорное для любых приисков слово «утечка». Золото течёт, ускользает, и круг выходцев из Хубея по-прежнему безразличен и тёмен.

Глаза китайцев непроницаемы. Лишь изредка выдают их слабости, привитые им на родине. По вечерам в низких, душных фанзах варится опий и звякают бутылки контрабандного спирта.

Узкая полоска китайских карт ложится на циновки веером, и азарт входит в свои права.

Китайцы звали Ивонина «Капитан Союза».

В первый раз случилось так. Случайно я зашёл в общую фанзу артели. «Капитан Союза» стоял на расшатанном столе и, размахивая руками, вразумлял рабочих:

– Товарищи китайцы! Приходится убеждаться, что сознательности от вас ждать трудно. Вы, сукины дети, воруете золото и осуществляете экономическую контрреволюцию полностью через прорыв золотодобычи.

Но, уважаемые граждане китайцы, я вам загну во всетаки такие карачки, о каких вам и не снилось. Пролетарс-

кие идеи вам чужды, но вы не хотите даже понять, что работаете на социализм, который благоустроит вас. Товарищи китайцы, я самолично сниму с себя сейчас бушлат и покажу раны, которые ношу с гордостью, как полученные в боях за советскую власть. И я хочу заставить вас понять, за что вы работаете, разъяснить... Я уже не впервой разъясняю вам, хоть вы и не слушаете. Получается, товарищи китайцы, так, что я разъясняю, а вы воруете золото, я бы мог прогнать вас, но те, кто придёт на ваше место, тоже будут продолжать вредительскую работу.

Так вот, граждане китайцы, я сделаю из вас кровяную кашу, сокрушу вдребезги, но вы не украдёте у меня и ползотника золота. Я вам укажу установку пролетариата к мошенникам в полной форме...

Ивонин говорил грозные слова, сдвигал брови, но всё же улыбка то и дело прорезывала его лицо. Китайцы горянко перекликались и вытягивали шеи, стараясь понять, о чём он говорит, кряжистый, рыжий человек в по-тёртом и продранном бушлате.

Второй раз я был уже непосредственным помощником Ивонина – его заместителем. Солнце стояло высоко над селемджинскими болотами. Ещё чувствовался утренний холодок. Китайцы работали, а Ивонин точными, размеренными шагами ходил вдоль их рядов. Вдруг он остановился и упёрся взглядом в одного из китайцев.

– Украй, – тихо и горестно сказал он. – Растопырь пальцы.

Китаец растопырил пальцы, и на землю упала крупинка золота величиной в зерно кукурузы.

– Украй... – весь закипая от злобы, побагровев, закричал Ивонин и неожиданно выхватил из-за пояса наган:

– В фанзу!

Китаец покорно поплёлся вслед за Ивониным в фанзу. Из открытых окон фанзы было слышно, как надсадно кричал Ивонин:

– Социализм строим, скотина. Индустрину... Чрез рабочих... Через тяготы... кровь проливали... А ты... Что ты делаешь?.. У кого воруешь, кого обкрадываешь?..

Китаец длиенно выл:

– Ка-а-а-иитэн, ка-а-а-питан!

Когда Ивонин вышел из фанзы, лицо у него выглядело похудевшим и осунувшимся. Он не улыбался.

II

Мы однажды в шутку мерили Кирюшатова аршином – вышло аршин и три четверти.

Глаза у него были карие, кроткие и ласковые. Глаза говорили: «Нате меня – возьмите. Вот я какой простой, весь как на ладони. Ну что ж, вы меня можете и обидеть, а я стерплю».

Он запомнился в высокой шапке из беличьих хвостов и полушибке, туго затянутом кушаком. Над толстыми, широкими губами у него обозначались бурые, будто отрубленные усы.

– Его, золотишко-то, кабы знать. Оно здесь ведь кучковое... – говорил он и покачивался из стороны в сторону, выставляя вперёд то одну, то другую ногу.

А золото на самом деле было кучковое. На шаг от того места, где только что день работал «бутарь», добывалось полфунта-фунт золота.

Золото проступало то тут, то там... Вдруг приносилось известие, что «Кирюшатов напал на жилу», и Кирюшатов приходил в бараки багровый от спирта и едва стоявши на ногах. Его сопровождала неизменная свита из трёх сыновей.

Три сына Кирюшатова сказочно огромны и сильны. Отец был не выше пояса каждого из них. Они стояли сзади него молчаливые и спокойные, откидывая в сторону гигантские лохматые тени. Кирюшатов хриплым голосом пел длинные печальные песни, стучал по столу кулаком и кричал о своём горбе, который, по его словам, «может всё вынести».

Если он начинал буйнить больше, чем надо, сыновья брали его на руки и уносили домой при смехе приискателей.

Золото «кончалось» на кирюшатовской делянке, и... снова тихий, кроткий Кирюшатов приходил рассуждать о «кучковом золотнике». Так искал Кирюшатов увиливавшее от него золото, предводительствуя артелью кряжистых и напористых товарищей. Так на каждом квадрате шахматного поля старатели боролись за добычу распыленных золотников, фунтов, пудов драгоценного металла...

Я раз зашёл к Кирюшатову в гости. Артель только что расположилась на обед. В глубоких чашках дымился козулий суп. Красноватые ароматные куски козульего мяса валялись на деревянных тарелках.

Приискатели подцепляли их прямо острыми якутскими ножами и, осыпав крупной хрустящей солью, отправляли в рот.

— Дело, — закричал мне навстречу Кирюшатов. — Дело, Павл Николаевич. Присаживайся с нами.

Я не отказался. Несмотря на еду, все оживлённо разговаривали. Разговор вращался по преимуществу вокруг двух тем: о приезде на прииски нового управляющего и о качестве «содержания» последней делянки, занятой артелью.

— Скоро, должно быть, придётся бросать бутарку-то да браться за сплошную шурфовку, — многозначительно заявил Кирюшатов.

Его поддержали:

— Именно. Это конечно. Шурфовку-то к левому берегу надо клонить...

Кирюшатов дал поговорить артели вдосталь и снова с прежней многозначительностью продолжал:

— Не знаю, как с новым управителем будет. Насчёт барака и дров поговорить бы надо...

Его поддержали. Барак никуда не годится — продувало его со всех сторон, и доставку дров на государственный счёт уже давно было перевести.

Кирюшатов как бы председательствовал, поднимая вопросы один за другим. Его авторитет и популярность можно было заметить сразу. Чувствовалось, что он был неоспоримой и признанной головой артели.

После, на общих собраниях рабочих приисков, это выступило ещё ярче. Рассудительности, хозяйственности и чутью Кирюшатова доверяли. Столь ценные качества эти вынес он ещё, вероятно, из деревни, и в противоположность другим — они у него не были уничтожены

приискательством, а, наоборот, укрепились. А приискателем Кирюшатов был без малого 20 лет.

Интересно было смотреть, как сходился актив «стариков». Они вспоминали времена амурских, зейских и норских Эльдорадо. Их воспоминания походили на бред, на несвязную экзотическую выдумку. В рассказах они бежали за проголодавшимися собачьими упряжками, замерзали, скитались в непроходимых таёжных дебрях, болели цингой, дрались с казачьими охранными сотнями, охотились на рысей, тигров, зубров...

Тогда явственнее проступали на их чёрных, обветренных лицах следы несчастий и удач, морщины, наложенные голодом, морозом... И я заметил, как они незаметно для нас и для самих себя обнимали друг друга за плечи, тяжело и ободряющее:

— Эх, старина...

В таких случаях Кирюшатов располагался всегда вблизи грозных седых усов Катовщика. Они были друзьями. У Катовщика тоже была своя артель. Но, как и сам он, артель резко отличалась от кирюшатовской.

У Кирюшатова люди, все как на подбор, были крепкие и испытанные, «со стажем». Его артель искала золото... напористо, но с оглядкой. Лучше меньше, но всё-таки найти.

У Катовщика, наоборот, артель заполнялась новичками, парнями, приехавшими на Селемджу с Урала, из Казани, Чернигова, В.-Устюга и Астрахани. У них были ещё тонкие, неокрепшие шеи и вихлястые, часто прямо мальчишеские фигуры, и они шли за старым волком Катовщиком, куда тому вздумается. Он отъезжал с ними в сторону и начинал, к ужасу «управления», работать на самых неожиданных местах.

— Опять старина свою сопливую команду в сопки повёл, — смеялись приискатели, когда мимо них на двух собачьих упряжках с песнями и гиком проносилась артель Катовщика. Вопреки всяkim ожиданиям, часто обнаруживала «сопливая команда» богатейшие жилы. Были и провалы, но, во всяком случае, у Катовщика молодёжь получала самую прочную закалку.

В 1905 г. Катовщиков жил и работал «при дяде».

Дядя Катовщика имел на Норской системе богатую золотоносную площадь и каждый месяц отправлял в Благовещенск на оморочках несколько пудов золота.

Дядя богател, и, несмотря на его скопость, соответственно с этим улучшалось существование племяша. Катовщиков-племянник расхаживал в жёлтой бархатной куртке под красивый пеньковый кушак, в лаковых сапогах бутылками, отращивал синие стрельчатые усы и затевал буйные свадьбы по округе, — а в округе было шестьсот-семьсот вёрст. Славился племянник норского богача своим умением ловко доставлять золото на место назначения, избегая лакомых на него людей, и дядя не раз поручал ему руководство золотыми караванами. Оморочки каравана шли от ключа Уштыма по Норе, по Селемдже, мимо тех мест, где расположена теперь Дагмарा, вплоть до пёстрых благовещенских пристаней, ставших у впадения этой зеленоватой пустынной реки в великий Амур.

Катовщиков-племяш продавал золото русским и китайским скупщикам, государственным кредиторам,

пропивая заранее назначенный ему магарыч в благовещенских кафешантанах, а выручку клал на дядин счёт.

Так продолжалось из года в год по заведённому порядку, пока не случилась одна история, или, как выражается сам Катовщиков, пока не случился «перелом жизни».

Привёз Катовщиков в город два пуда золота с верховьев Норы, благополучно продал их и шёл уже в банк с честным намерением пополнить капиталы дядины, как вдруг попадается ему на пути старый его приятель Кирюшатов.

Ну, встреча как встреча. Приискатели решили зайти в соседний шантан, поболтать в отдельном кабинете и выпить один- другой графинчик водки «под редиску».

Зашли. Официант водки, редиски принёс. Начали приятели чокаться и толковать о золоте, женщинах, лошадях. Попросили следующий графин. Показалось мало, давай ещё... А дальше, если слово Катовщикову дать, «купецкая гулянка в шантане происходила, купцы пили надсадно, пели студенческие песни и лили шлюхам за блузки шампанское. Вдруг подходит это к нам какой-то купчик в белых манишках и два бокала в руках держит: „Выпейте, – кричит, – господа приискатели, моего угощения“... „Врёшь, – отвечаю, – купецкая твоя морда, не будем пить твоего сусла вовеки. А уж если зашёл к нам в кабинет, так не смей выходить отсюда, а садись с нами за стол и пей водку“, и с этими словами требую я ещё дюжины графинов водки. Купчик испугался да в сторону. А Климентий (Кирюшатов) его – цап.. „Стой, – говорит, – не уйдёшь. Принимай наше угощенье теперь, а не то ножом“... И на самом деле вынул якутский нож, длинный, не по своему росту. Тут как заорёт наш купчик благим матом:

– Карапул, режут!..

Остальные купцы к нам. Образовалась свалка. Оказалось, в шантане штук пять братвы с Норы. Согнали мы купцов в угол: „Ну, – говорим (для испуга, конечно), – сейчас животы вам будем резать“. А они, отрезвившись, нас умоляют: „Оставьте, – говорят, – шалить, господа приискатели, мы вас на славу угощать будем“.

Тут я не стерпел: „Вон, – кричу, – отсюда, чтобы и духу вашего не было“. И хозяину: „Гони их“, – говорю. Тот и сам струсили: „Никак, мол, нельзя, не скандальте лучше. Меня в убыток введёте. Если так продолжаться будет, полицию приведу“. У меня вся кровь к глазам подошла. Разинул я пасть: „В чём дело? – заявляю. – Бери тысячу рублей и давай шантан на суточный откуп“.

Выбросили мы купцов на улицу и пошли кутить. Троє суток кутили, сорок извозчиков наняли и автомобиль. Ухнули дядины денежки.

Дядины денежки действительно ухнули, но Катовщикову это даром не прошло. Дядя прогнал его, и пошёл он по свету горемыкой и бродягой до самых седых усов. Позабыли усы о галантной парикмахерской бритве и разрослись бурым непокорным буряном в две стороны.

Катовщиковских усов боялись белогвардейские «карательные экспедиции»... «Какие они к чёрту карательные, – горячился теперь Катовщиков. – Мы сами их карали»... Попомнят они, как усатый партизанил.

Рассказывают про Катовщика, как, повстречав в тайге однажды офицера, снял он сначала ему пулями

погоны с плеч, а потом взял самого в плен. Да и вообще, наверно, много офицерских косточек гниёт в селемджинских и хинганских буреломах по его милости...

Пору своего партизанства Катовщиков вспоминает с молитвенной гордостью. Эта пора, пожалуй, и была его настоящим переломом.

На моих глазах он варился и варился в кotle новых советских приисков.

Однажды Катовщиков выступил на общем приисковом собрании:

– Постольку поскольку все мы пролетарские рабочие, целиком и полностью, то мы в целом должны пойти навстречу администрации.

Я мыслю (таким значительным словам научился он у комсомольцев), я мыслю, товарищи, что, повторяю, шкурничество есть казус, в наших рядах недопустимый.

Всем существом Катовщиков, подойдя к молодому, новому, упорно охватывает это новое своим беспокойным и диким умом. Он своего рода трибун приисков, облечённый их несомненным доверием.

III

Когда получились у рабочих со старой администрацией нелады по поводу действительно безобразного, вольного или невольного, обсчёта последних, послали делегатом в Благовещенск именно Катовщика да на подмогу ещё известного «блатыря» Карпова. Катовщиков и Карпов приехали в Благовещенск на оморочке. Высадились и, поев городского борща и ножек фри, отправились в контору Союззолота. Катовщиков рассказывает об этом так:

– Ну, приходим мы, это, туда и попадаем сразу в лапы очкастой девицы, раскрашенной по последней моде. Чирикает она: как, почему, в чём дело... Не беспокойтесь, мол, мы вот сейчас вас зарегистрируем, и всё в таком же роде. А я ей в ответ: «Вы, мол, уважаемая гражданка, нам носы не пудрите. Нам носы пудрить нечего. Ведите нас к самому главному». Она, конечно, обиделась – туда, сюда. А мы повернулись и пошли прямо в кабинет к заву. На заве очки точь-в-точь, как на девице. Роговые. «Вы, – говорит, – не туда, товарищи, пошли, вам нужно в отдел»... «К чёрту, – отвечаю, – ваш отдел – вы нам дело говорите, а не отдел. Раз вы зав, значит – за всё отвечаете».

Тут и начал он, и начал... О самосознательности, о такте, о золотом времени... А я ему между тем протягиваю бумаги для просмотра, а сам шепчу Карпову: «Ударь по столу раз кулаком, если бумаги брать не будет, но только не перестарайся»...

Не берёт зав бумаги. Тогда Карпов ка-а-ак развернётся да как хрюнет по столу кулачищем. Ну и что же, гляжу – треснул стол во всю длину и что было на нём – полетело во все стороны. Взяли нас в милицию, содрали штрафы, а бумаги всё-таки рассмотрели, но опять в том же отделе. Не смогли их дисциплинки сломать. Так-таки девица верх и взяла. Резолюцию наложила: «Покрыть задолжность перед рабочими». Подкузьмила чертова баба.

На лице у Катовщика, когда он рассказывает, играет улыбка, усы топорщатся, и в словах слышится всё-

таки несомненное уважение к «их дисциплине» и к «чёртовой бабе»...

Катовщиков понял, что старые порядки рухнули, кулаком никого не напугаешь и в следующий раз за справедливость можно быть спокойным в «любом отделе». Да кто его знает: может быть, и раньше это было ему известно, и он только хотел «попробовать»...

Да, безусловно, это был лишь дипломатический манёвр Катовщика: ведь ударил-то по столу не он, а Карпов, знаменитый голосистый «блатырь» Карпов. Карпов – последний из могикан Селемджи, славный своей невероятной силой и ещё более невероятным голосом, прозванный якутами «Синте-Ихэ», что значит «лесной бог».

Слышили ли вы когда-нибудь крик, вернее – клич погонщика, призывающего собачьей упряжке ринуться вперёд со всей возможной для неё быстротой?

Однажды в Москве в редакции «Пролетарского авангарда» [6] зашёл разговор о Севере, об упряжных собаках, о золотых экспедициях. Присутствовавшие там Николай Николаевич Ляшко, Жига, Гудков [7] и другие стали просить меня, чтобы я продемонстрировал им крик погонщика, пускающего упряжку на полную скорость. Я вначале отказывался, но в конце концов всё-таки согласился, условившись лишь, что буду по возможности сдерживать свой голос. Предварительно пошли и предупредили работающих в соседней комнате машинисток. Все были подготовлены, но всё же, когда взвился вверх пустынный и грозный клич «эге-ге-гей», перешёл вдруг в острый ледяной свист и кончился угуканьем, длинным, как бич погонщика, и таким же отрывистым и резким в конце, – среди любопытных произошло явное замешательство, а из-за перегородок явственно долетело испуганное и тривиальное «ой!» одной из машинисток уважаемого журнала.

Я вёл упряжку из 12-й Норской экспедиции. Но что стоит всё-таки мой голос против голоса Карпова, моё дилетантство против его самозабвенного вдохновения?

Интересно смотреть и слушать, как в Москве поэт Кирсанов [8] артистически декламирует на сцене и делает хорошиими часто даже плохие стихи, как читает пролог к «Пушторгу» Сельвинский [9], но, право, перед Карповым они – сущая ерунда.

Его «эге-ге-гей-тью-ю-угук» звучит как северная поэма, непревзойдённая по своей силе и впечатлительности. Так, если верить ему, так должен кричать лесной бог «Синте-Ихэ».

Клич Карпова, начинающийся как бы с призыва собак броситься вперёд в седую нависшую мглу, продолжается потрясающим морозом по коже предостережением и обрывается неожиданным и твёрдым приказанием:

– Вперёд!

И после безмолвия продолжается этот звук, но это уже странный, тонкий звук нарт, скользящих по насту, звук, похожий на повизгивание побитой, обиженной собаки.

Вплоть до последних Яблоновых хребтов Карпов считается лучшим непревзойдённым погонщиком собак. Он неутомим. Он был бы вполне пригоден для типажа Джека Лондона, даже Кервуда, если бы не состоял членом пяти советских обществ: «Друг детей», «Мопр» [10],

«Осоавиахима» [11], «Долой неграмотность» и «О-во спасения на водах».

Я глубоко сомневаюсь в том, чтобы Карпов особенно нежно был настроен к молодому поколению или чтобы ему когда-нибудь приходилось задумываться над судьбой утопающих, но, тем не менее, он аккуратно из месяца в месяц отправлял в город членские взносы. Его грудь украшало пять значков. Он ими гордился так, как, наверно, солдат Севастопольской кампании никогда не гордился своими медалями.

В представлении якутов норд вот что такое: на северном конце земли лежит на золоте огромный лупоглазый бог с китайскими усиками и, стараясь потушить солнце, дует что есть сил, и его седое дыхание сеет холод, голод, мрак, опустошение.

Не касаясь якутской мифологии, норд – это обледенелый кнут, который хлещет по человеческим лицам беспощадно и свирепо до тех пор, пока человек не закричит от боли и испуга и, повернувшись, не подставит ему спину. Тогда он будет гнаться за ним, леденить ему затылок, сдирать со спины кожу и сверлить, сверлить в ушах сумасшедшими свистом...

И вот при таком-то норде Карпов делал со своей упряжкой до 60 километров в сутки.

Он въезжал в ограду приисков вместе с выногой, сам клубящийся и белый, как вынога, с синими льдинками глаз на обледенелом лице.

После распряжки собак в комнате он пил душистый, настоящий на бруснике чай и продолжал петь ещё не оконченную в дороге песню:

А-о-э-а-оэ,
Дьяволята пляшут в печурке...

Потом он шёл в угол, со вздохом брал какую-то потёртую гармонь и начинал играть тягучие песни Средней России...

Кто его знает, быть может, в эти короткие минуты отдыха, когда дымный, тускло освещённый барак кажется человеку раем, Карпов вспоминал далёкую Смоленскую губернию, где он пас пёстрых белолобых отцовских коров и пел погудки на ивовой дудке. Может быть, он вспоминал памятный день, когда сошлились в отцовской избе темнолицые мужики и при поддержке своих жён решили поехать на переселение в далёкие иркутские края.

Из Иркутской-то губернии после метавшегося по новоотстроенной деревне пожара и ушёл Карпов «на золото».

Теперь он носится за собачьей упряжкой, как раньше был ходил за плугом, и зарабатывает себе чёрственный хлеб и сырье, красные куски медвежатины.

Выходец из Смоленской губернии отличается невероятной силой. Груз в 150–200 кг на спине ничего ему не стоит. Шутя и смеясь, он свёртывает в трубку ножи и вилки, рвёт медные пятаки и каруселью крутит на своих могучих плечах подгульяющих, не уступающих ему ростом товарищей.

Крутая земляная сила!

На общих собраниях приисков его всегда избирают в президиум, и он сидит за красным столом, спокойный, тяжеловесный и удовлетворённый.

Когда разгорячтесь не в меру грозные, крутые пристательские споры, председатель, злясь и надрываясь, перегнувшись, кричит Карпову:

— Карпуша, скажи им!

Тут Карпов поднимается во весь рост за столом и говорит: «Погодить»... Споры моментально кончаются, становится тихо, ледяные глаза «Карпуши» отыскивают не послушавшихся его окрика, и потом он садится, такой же спокойный, уверенный в себе.

Должность Карпов занимал на приисках почётную. Он был как бы начальником снабжения приисков, проще — командиром продовольственных обозов. Он привозил из-под самого Слободного [12] для всех нас всякой всячины, кончая мылом и куриными яйцами.

Продовольствие поступало с карповского обоза в склады и цепкие руки Саньки Гайдукова, о котором нам раз уже приходилось вспоминать.

Нужно сказать, что Санька был единственным человеком на приисках, который, по крайней мере по видимости, не ставил Карпова ни в грош, а выкидывал с ним такие «штучки», которые никому другому, конечно, даром ни за что бы не прошли.

— Приказчик опять Карпова дразнит, — заявлял кто-нибудь, когда из-за перегородки слышались хмурые раскаты карповского баса и визгливый тенорок Гайдукова.

— Пошёл ты к чёрту... — рычал Карпов. — Не понимаешь ничего. Ду-урак!

— Сам ты дурак, — наседал Гайдуков. — Ты ответить не можешь, вот и виляешь. Ведь виляешь. Виляешь ведь, говорю... Ну, почему тебя никто с бабой не видел? А вот почему — потому что нет у тебя мужской силы, оторвали тебе её собаки...

— Врёшь. Сам ты худой сок, семя крапивное, — в ярость приходил Карпов, — сам ты пустая жила, сука вихлястая. На меня бабы шли, как медведь на рогатину. У меня любы были...

— Хо-хо-хо! — на всю узкую грудь свою разворачивался Санька. — Хо-хо-хо!.. Вот оно, оказывается, как. Лапал, значит, у нас Карпов медведей. Да, так и есть, с медведями тебе только и жить. В берлоге... Хо-хо-хо...

Махал Карпов рукой и безмолвно уходил, а по бараку ещё долго метался надсадный, визгливый смех Гайдукова, похожий на коклюш.

На Дагмаре у Гайдукова жила жена, сгорбившаяся от непосильной работы женщина, с бледным лицом и тёмными умными глазами. Жила она под присмотром купца Сафонова — Санькиного отчима.

Ещё давно, на заре, как говорится, своей силы и воли, после первой жены взял безродный купец гайдуковскую матерь да самого Саньку в приданчу.

И под его тёплой бородой крепла худосочная Санькина жизнь до самых наших дней. Теперь Санька пойт вместе с остальными рабочими на собраниях: «Смело, товарищи, в ногу», развратничает, бузотёрит, за прилавком держит себя на манер приказчиков из бакалейного магазина, которых довелось Гайдукову видеть за время пребывания его в Благовещенске.

Вся семья Санькина теперь — жена и старик Сафонов.

Роли переменились совершенно неожиданно. Теперь не Сафонов — щит Саньки, а Санька — ему щит. Из-за Саньки не отобрали у купца дом на Дагмаре, оставили

скотину, и Гайдуков к тому же все свои дивиденды, как говорится, «вхаживает в хозяйство».

Купец Сафонов был одним из первых основателей «амбарного» хозяйства на Селемдже, или, как говорят, «амбарного способа».

Сущность последнего заключается в том, что старателю, открывшему россыпь, купец даёт необходимые средства для её разработки за процент из золотодобычи и за монопольное снабжение продуктами рабочих, занятых на приисках.

На золотых делянках купец ставит амбары. В этих амбара рабочие могут получать всевозможные припасы и орудия производства и за наличный расчёт, и в кредит. Расплата производится преимущественно золотом. Ясно, что купец-амбарник богател головокружительно быстро. Часто случалось так, что через месяц-два после установки «амбаров» у купца уже появлялось своё пароходство на Зее, а в другой раз — и собственная контора в Благовещенске.

Сафонов — типичный амбарник. Я вглядываюсь в его лицо. Он схож с гравюрными портретами вельмож Нидерландов. У него высокий ясный лоб, немного выпуклые синие глаза и холёный каштановый поток бороды. Он строен и ощутимо силён. И кроме того, он как-то резко и безусловно отделяется от всех других. Каждое движение выдаёт в нём мота, барина, человека удачи. Он по-особенному развязывает плюшевый кисет, по-особенному разваливается на кровати.

В его большом белом теле есть что-то от капризной женщины, нарочито, но ловко манерничающей.

Слушаешь его — кажется, что революция, разгром купечества — для него просто личные его неудачи, первые неудачи, которыми он не потрясён, а просто обижен.

Но вот в красивом и беспечном его рассказе вдруг мелькают отдельные замечания, и начинаешь понимать Сафонова лучше.

Он поблескивает ослепительными острыми зубами:

— Ха, раньше дураками люди были. Бо-ольшиими дураками. Теперь умнее пошли. Раньше тысячи рублей на разведку убивали и доставали золота всего-навсего пудами, теперь ни одной копейки на розыски не трятят, а золото берут целыми фунтами. Хо... Хозяйственники...

Последнее слово звучит уже презрительно.

— Золото не бухгалтерией достаётся, а мученьями.

Внутри Сафонова таится зверь недовольства, досады и злобы. Он лучше других знает значение бухгалтерии, он сам неплохо вёл тройную — итальянскую, — но язвительные слова закручены у него всегда остро и тонко. И что ж... Они часто попадали в цель. На самом деле, как плохо поставлено у Союззолота разведывательное дело, как зачастую «хозяйственники» сидят у нас на приисках. «Обиженный» прав.

Но, впрочем, он сам бы не прочь, пожалуй, получить место в советском хозяйстве. Ну, хотя бы вот устроиться завхозом на прииске Майском...

Ведь вот другой богач, миллионер, китаец Ли-Пу-Шу, работает же в конторе переводчиком. Рублей двести зашибает. Необходимый человек.

Ли-Пу-Шу. Это — целая история. О Ли-Пу-Шу уже пели песни китайцы-скальды Сахо-Ляна и Чи-Фу, уже

писали стихи поэты, его имя порхало на губах многих китайских, корейских, японских и русских женщин; сам генерал-губернатор говорил о нём почтительно, как о друге. Ли-Пу-Шу жил в Благовещенске и имел основной капитал в полтора миллиона рублей. Теперь он – переводчик при конторе Союззолото и получает двести рублей в месяц. Это – большие деньги.

Ли-Пу-Шу – буквально лилипут. Он удивительно мал ростом. У него ручки и ножки ребёнка. Но на плоском подвижном лице бегают, сверкают узко прорезанные глаза – глаза, поражающие силой заложенной в них жизни. Губы у Ли-Пу-Шу всегда полуоткрыты и обнажают два тяжёлых золотых слитка зубов – зубы у него все сплошь золотые.

Ли-Пу-Шу разговаривает смешно, по-ребячески. Над ним все смеются. От его смеха даже добреют. Он ругается, плюётся, сердится. Всё это делается страстно, но как-то по-игрушечному страстно, вот именно игрушечно...

Но может сделаться и страшно, если подумаешь, что эти детские руки держали полтора миллиона и миллионы золота, ещё таящиеся в земле. Да, Ли-Пу-Шу обладал громадной силой, недаром о нём так почтительно отзывался генерал-губернатор.

Неизвестно, как сын торговца женщинами пришёл к миллионам. Известно только, что Ли-Пу-Шу держал в руках даже все организации контрабандистов, расположенных по Приамурью. У него были свои конторы, свои пароходы, свои магазины, свои прииски, свои табуны, свои поля риса, пшеницы, луга.

Его боялись, перед ним заискивали.

Сначала он располагал четырьмя жёнами: одной китаянкой, одной кореянкой и двумя русскими. Но потом он прикупил ещё одну – японку. Это была девочка, которую ему уступил отец за пустяки.

Ли-Пу-Шу вспоминает своих жён и ругается (всё отняли!). При этом глаза у него делаются фиолетовыми от спрятанного в них огня, а детские ручки сжимаются в кулаки.

Иногда с золотых приисков Ли-Пу-Шу бежали китайцы-рабочие. Труд был невыносим. Тогда казачьи части ловили беглецов и приводили обратно. Ли-Пу-Шу велел их пороть и сажать в тюрьму. Его кулаки сжимались тогда точно так же, как и сейчас, глазки сверкали... Он богател...

Сейчас его держат в конторе потому, что он умеет «договариваться» с китайскими рабочими. Вероятно, он берёт взятки. И кроме того, он так смешон, так безобиден...

Нет, заговорите с ним о советском строительстве, посмотрите ему в глаза. Он ненавидит советскую власть.

IV

Моторный ходит в гимнастёрке, оставшейся у него после демобилизации конных частей Красной армии, и в мягких чёрных пимах (валенках). Он пользуется большим успехом у артельных мамок, но, кажется, сам совершенно не обращает на них внимания. Он – общественный работник. Все свои знания он упорно бросает на общественную работу. Заведующий клубом, секретарь при-

искома, фактическая милиция – всё это взвалено на него. Впрочем, всё это он взвалил на себя добровольно.

Вечером в клубе шум. Идёт репетиция. Моторный сидит верхом на скамейке и суфлирует. Жёны счетовода, бухгалтера и завхоза визжат на сцене, мужчины басят успокоительно. Мужской голос вообще гораздо спокойнее женского.

Пьесы ставятся самые разнообразные – от агитки и водевиля до драмы включительно, причём последние Моторный просто урезывает. Я видел такие урезанные драмы. «Бедность не порок» Островского, например, сокращена в несколько раз и умещена в одном акте. Моторный обращается с пьесами круче, чем Мейерхольд.

Пьесы идут в тесном культбарае. Народу набивается – не прдохнуть. Приходят решительно все – и русские, и китайцы, и кореицы. Игру артистов то и дело прерывают аплодисментами.

К концу представления в бараке делается непереносимо душно, и все спешат разойтись. Днём и вечером в бараке обыкновенно нечто вроде клуба. Моторный однажды в административном порядке привлек бухгалтера Егорова к читке лекций на тему «Временные хозяйствственные затруднения страны и выполнение программы по приискам».

Счетовода Твердова он заставил три вечера подряд читать собравшимся рабочим горьковского «Фому Гордеева». На следующий день была назначена читка рассказов Веры Инбер [13], но Твердов приревновал Моторного к своей жене и читать отказался.

Вместо него сел читать фельдшер Рыбников, но он щё в середине читки безнадежно скатился к похабщине, и его стащили со стола за фалды.

Тогда Моторный стал читать сам. Когда в стороне кто-нибудь начинал шуметь, он сдвигал брови, глядел в сторону неспокойно и говорил:

– Товарищ! – затем читка продолжалась.

На другой день я видел, как Моторный арестовывал пьяного, буйнившего приискателя. Он тащил его в амбар и ругался:

– На читку не ходишь, а только безобразничашь!

Моторный входил в повседневность приисковой работы со своей гимнастёркой и мягкими валенками как-то просто, в обязательном порядке.

Всё было в порядке: Моторный должен был сдерживать приискателей пыл, бороться с пьянством, проводить лекции и суфлировать жёнам счетоводов. Это было порядком вещей.

Когда бежал со стана вредитель Кабанов, захватив с собой золото и винтовку, Моторный гнался за ним в голове отряда и, по-кавалерийски осадив лошадь у самого направленного на него дула, закричал, размахивая наганом:

– Сдавайся!..

И Кабанов сдался. Его торжественно привели обратно на прииски и посадили в знаменитый амбар до пересылки. Моторный взял бердан и собственнолично охранял амбар всю ночь.

У него был определённый авторитет. Политическое кредо. Когда он говорил на собраниях, в его лице слушали комсомол и относились с большим уважением.

Он был признанным оратором приисков. Его логика побеждала. Потому что он исходил всегда от пролетариата и революции.

Моторный демонстративно отказывался от многих благ. Отказывался и от спирта, единственное что служило доводом в его пользу.

И всё-таки трудно было нашупать ту грань, от которой начинался Моторный-администратор. Сами условия скученности, семейственности людей заставляли объясняться по-семейственному.

— Так, мол, зарываешься ты, братишко Рыбников...

И фельдшер в ответ смеялся просительно и стихал на некоторое время, конечно, потому, что чего в самом деле лезть на рожон?

Раз один из буйнейших и сильнейших приискателей неожиданно выкинул фокус. Похоже было, что в него вселился дьявол. Он выгнал всех из барака, выпил всё, что находилось под рукой, и сломал всё, что можно было сломать; затем он ворвался в рыбниковскую лабораторию и растоптал двенадцать пузырьков капель датского короля. Рыбников рвал на себе волосы.

Затем приискатель вдруг развеселился. Он снова ввалился в разгромленный барак, сел, положил голову к себе на колени и начал петь песни, в перерыве пуская изо рта пузыри.

Демобилизованные красноармейцы три раза входили с верёвками в барак, чтобы связать одержимого. Но каждый раз неизменно они вылетали один за другим в окна и двери, подобно бомбам.

Буян стрелял в потолок. А Рыбников бегал вокруг барака и, заглядывая в окна, театрально кричал:

— Безумец, что ты делаешь?!

Затем фельдшеру пришла в голову гениальная мысль. Он налил стакан слабительного и, симулируя пьяного, ввалился в барак, дико икая и предлагая распоясавшемуся приискателю выпить на брудершафт. Ему удалось легко перетасовать стаканы, и приискатель осушил слабительное одним залпом.

Через некоторое время он, изрыгая проклятия и материнщину, с безумными глазами ринулся в клозет.

Там на него навалились все сююм и, опутав ноги гачами штанов, потащили через двор, как кабана на убой.

Но на середине двора он вырвался, удачно оставив брюки в руках нападающих, и с диким криком сам напал на них.

Те рассыпались, как воробы. Фельдшер Рыбников бежал впереди всех, прижав руки к груди по-спортсменски и надсаженно вереща.

И снова неукротимый водворился в бараке.

Тогда позвали Моторного.

Моторный побледнел, вынул браунинг и вошёл в барак.

Приискатель двинулся на него медведем. Он свёл браунинг с предохранителя и сказал:

— Пристрелю.

Нижняя губа у него мелко тряслась.

— Убью!

Приискатель сел на пол. Его связали.

Говорили: сам в тюрьму пошёл бы, а убить — убил бы.

Моторный был твердокаменным сторонником порядка и дисциплины. Он противопоставлял свои установки анархическим установкам приисков.

Сейчас об этом говорит просто, спокойно. Но позади тёмные, беспутные прииски, пьяные драки...

За Моторным легко было разглядеть сплошённую группу актива из комсомольцев, демобилизованных красноармейцев.

Свежая кровь приисков.

Под их напором уступали бретгартовские прииски [14] место приискам советским.

Они первые изобрели и провели в жизнь слова: «Социалистическое соревнование»...

Соревнование охватило сначала только две артели: артель Моторного и артель Терского (демобилизованный красноармеец).

Артели работали рядом бутарами.

Люди врывались в рыжий крупный песок двумя глубокими канавами, расположеннымми саженях в двадцати друг от друга.

Когда над канавами поднимались головы работающих, казалось, что вот сейчас они выскочат и пойдут друг на друга атакой.

Но в перерыве работ разгорячённые рабочие обеих партий сходились вместе пить чай, хотели и отшлёпывали стоптанными ичигами «подгорную» и украинского лихого гопака.

Потом они снова приступали к своему делу.

Входя на «вал» своей «ямы», теровцы кричали:

— Оставили, держись, кацапы!

И язвительно громко отвечали им из партии Моторного:

— Держи карман шире. Мотри, гимберы взмокли.

Моторный размешивал породу на решете. Галька гремела под лопатой.

— Ог-ге-гей! — кричал Моторный, раскрасневшись лицом и играя мускулами обнажённых бицепсов.

— О-ге-ге! Даёшь темп!..

— Темпу! — вторили приискатели.

Работа разгоралась.

Теровцы тоже нажимали. Они не хотели уступить пальму первенства. Работали угрюмые, до испарины, до ссадины на руках. В такт напряжённой работе текли недели. Соцсоревнование протекало с переменным успехом. Золотодобыча на делянках усиливалась.

На очередном собрании приисков Моторный горячился и размахивал руками:

— Товарищи... комсомол есть застрельщик... усилим наш советский... золотой фронт...

Александр УРМАНОВ

РУССКИЙ ГЕНИЙ XX ВЕКА НА АМУРЕ (Вместо послесловия)

Павел Nicolaевич Васильев (1910–1937) – один из самых выдающихся поэтов первой половины XX века [15]. О прозаическом творчестве русского гения, расстрелянного на самом взлете (в двадцать семь лет), слышали немногие. А между тем оно тоже представляет огромный интерес. Тем более для жителей Амурской области. Так сложилось, что проза П. Васильева – и содержательно, и своей творческой историей – тесно связана с Приамурьем.

В конце августа 1928 г. по заданию редакции новосибирской газеты «Советская Сибирь» вместе с еще одним молодым сибирским поэтом Николаем Титовым восемнадцатилетний Павел Васильев совершил длительную творческую поездку по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, основными топографическими координатами которой стали Иркутск, Верхнеудинск (Улан-Удэ), Чита, Сретенск, Благовещенск, реки Зея, Селемджи и Нора, а также Свободный, Хабаровск и Владивосток...

П. Васильев (крайний справа) на Селемджинских приисках

29 января 1929 г., находясь уже в Хабаровске, Васильев написал об этой поездке Ираиде Пшеницыной – сестре своего школьного товарища: «<...> Сейчас я пишу тебе из г. Хабаровска. Хочешь, я расскажу тебе, как я сюда попал? / В августе 1928 г. я получил командировку от газеты «Советская Сибирь» на золотые прииски. / Я пересек сначала всю Западную Сибирь, обогнул озеро Байкал, задержался в Бурято-Монгольской республике, посетил знаменитую катаржанскую Шилку, разрезал затем пополам почти всю и Восточную Сибирь и свернулся на знаменитые Нижне-Селемджинские золотые прииски. <...> Я охотился, разыскивал золото и в конце концов отправился с экспедицией Союззолота на реку Нору, берущую начало у Яблонова хребта. Во время этой экспедиции я заболел цингой и был принужден уехать в город. Сейчас я пока живу в Хабаровске, но скоро уеду во Владивосток...».

По этому письму можно получить представление не только о маршруте сибирско-дальневосточного путешествия, но и о времени пребывания Васильева в Приамурье – приблизительно с начала октября 1928-го по январь 1929 г. Вообще же поездка по Сибири и Дальнему Востоку заняла примерно год. Однако этот сравнительно протяженный отрезок жизненной и творческой судьбы Васильева – из самых «тёмных», в большинстве биографических справок о поэте он либо вообще отсутствует, либо проговаривается невнятно, либо, чаще, представляет собой набор мифов и фактических неточностей. Так,

нередки утверждения, что Васильев «был старателем на золотых приисках Лены», «работал старателем на ленских золотых приисках». Ошибка, возможно, возникла из-за путаницы, связанной с тем, что прииск под распространённым в советскую эпоху названием «Майский» был не только в Приамурье, но и в Якутии, на реке Лене. Васильев же находился не на якутском, ленском, а именно на амурском, селемджинском прииске Майский (современный Мазановский район Амурской области).

По первоначальному плану из Благовещенска Васильев и Титов собирались отправиться во Владивосток, однако, поддавшись порыву и уговорам, решение свое изменили. Причина такова: живя в гостинице, они случайно познакомились там с Фёдором Цетлиным, только что назначенным на должность управляющего Нижне-Селемджинскими приисками, и по его приглашению решили отправиться на Селемджу.

Друзья не стали золотоискателями, на прииске «Майском» они занимались культурно-воспитательной работой. Молодые поэты должны были стать «инженерами человеческих душ», но не вfigуральном, а в буквальном смысле. Им предстояло совершить почти невозможное – так увлечь культурно-просветительной, культурно-воспитательной работой обитателей приисков, чтобы те кардинально изменили представление о жизненных ценностях. Прежде всего – отучились от пьянства – пагубной привычки, которая поразила буквально всех, начиная с простых рабочих и вплоть до руководителей. Васильев со своим товарищем добились многоного: был отремонтирован клуб, приискатели поставили спектакль...

Представления П. Васильева о роли литературы в жизни общества вполне традиционны для 1920–1930-х годов: писатели должны быть активными участниками социалистического переустройства жизни, в этом и состоит их главная миссия. Они должны бороться с разного рода недостатками, используя для этого и оперативные жанры. П. Васильев не избежал и этого. Осенью 1928 г. в газете «Амурская правда» под псевдонимом *Старатель* была напечатана его заметка «Рабочие прииска «Майский» разоблачают бюрократизм и разгильдяйство».

Своё пребывание в Приамурье (тогда, на рубеже 1920–1930-х, упразднённая и разделённая на два административных округа Амурская область входила в состав Дальневосточного края – ДВК – с центром в Хабаровске) Васильев отразил в двух очерковых книжках, выпущенных в московском издательстве «Физкультура и туризм»: «В золотой разведке» (1930) [16] и «Люди в

Павел Васильев и Николай Титов. Конец 1920-х гг.

тайге» (1931) [17]. Книги эти неразрывно связаны: события, описанные в них, происходят в одно время (осень – зима 1928 г.), в одних и тех же географических координатах (бассейн реки Селемджа – крупнейшего притока Зеи). Общая в них и топонимика – названия населённых пунктов (Благовещенск, Свободный, Дагмаря, Майский, Уланочка, Норский Склад, Харбин и Сахалин (ныне Хэйхэ), рек и ключей (Амур, Зея, Селемджа, Нора, Бом, Мамын, Тыгда, Уштым). Большинство героев, о которых рассказывает автор, упоминаются или действуют в обеих книжках: это, прежде всего, бывший председатель приискового Карпов, фельдшер Рыбников, приискатели Катовицких, Брутцкий, Моторный и др. Произведения родственны по жанру, стилю, манере повествования. Общий у них и герой-рассказчик – приехавший в Приамурье издалека молодой литератор, собирающий материал для книги об экзотическом крае и тех, кто его населяет.

Художественные очерки Васильева, в основу которых легли непосредственные впечатления автора, а также рассказы его собеседников – приискателей, открывают нам немало нового, прежде неизвестного. В первую очередь это касается истории золотой лихорадки на Амуре. Васильев детально описывает тех золотоискателей, с которыми его свела судьба, а кроме того, основываясь на их рассказах, воссоздаёт то, что было прежде, на рубеже XIX–XX веков (эта тема затрагивается в очерках «В золотой разведке»). Эти страницы очерков особенно интересны с познавательной точки зрения.

В проблемно-тематическом и художественном отношении «В золотой разведке» и «Люди в тайге» – не два разных произведения, а скорее две части неразрывного целого, содержательно и эстетически единого текста. Вопрос о том, почему Васильев разделил его, остаётся открытым. Возможно, он не уложился в отведённый издательством срок, из-за чего пришлось вначале публиковать лишь готовую часть, возможно, причина в чём-то ином. О том, что автор планировал выпустить одну очерковую книгу, а не две, косвенно свидетельствует цитированное выше письмо И. Пшеницыной. В нём Васильев, желая, очевидно, произвести впечатление на девушку, допустил ряд «художественных преувеличений»: «Я печатаюсь в журналах „Новый мир“, „Красная новь“, „Сибирские огни“ <...>. / Я побывал в Ташкенте, Самарканде, Москве, Батуми, Константинополе, Владивостоке...». В реальности же из перечисленных

журналов стихи Васильев к тому времени печатались единственный раз только в «Сибирских огнях», а из названных шести городов поэт побывал лишь в двух: Москве и Владивостоке. Далее в письме следует ещё одна «неточность»: «Вышел в Сибиррайиздате сборник моих художественных очерков». На самом деле никакого сборника очерков ни в Сибиррайиздате, ни в каком ином издательстве у Васильева не выходило. Похоже, и здесь планы свои (а возможно, предварительную договорённость с издательством) Васильев выдаёт за свершившийся факт. Тем не менее, последняя цитата, по сути, подтверждает предположение, что в январе 1929 г. в планах у Васильева была одна книга «художественных очерков», что он первоначально не предполагал дробить свои очерки. Ещё одна труднообъяснимая странность: книга очерков, выпущенная в 1930-м («В золотой разведке»), описывает события, которые случились позже тех, о которых автор рассказывает в очерках, напечатанных годом позже («Люди в тайге»). Так что в случае, если бы автору предложили переиздать его очерки под одной обложкой, скорее всего, он бы расположил их так, чтобы была восстановлена временная и событийная последовательность – «Люди в тайге» в этом случае должны стоять перед «В золотой разведке», а не после неё.

Главная художественная удача Васильева-прозаика – именно «люди в тайге», образы приискателей: техника, Брутцкого, Катовицкого, Карпова и др. Все эти персонажи наделены яркими индивидуальными чертами. Писатель не только мастерски рисует неповторимо-выразительные портреты каждого из них, но и проявляет, высвечивает их внутренний мир – прежде всего через их речь, диалоги и монологи. Васильев любит своих героев-амурчан, восхищается ими: «Удивительный человек техник!»; «Какой непоколебимый великан этот Брутцкий!»; «Вплоть до последних Яблоновых хребтов Карпов считается лучшим, непревзойдённым погонщиком собак. <...> Он был бы вполне пригоден для типажа Джека Лондона, даже Кервуда <...>».

Художественно-очерковые книги Васильева «Люди в тайге» и «В золотой разведке» заслуживают переиздания, заслуживают того, чтобы современный амурский читатель имел возможность познакомиться с ними. Руководствуясь этими соображениями, мы и перепечатываем очерки «Люди в тайге». Возможно, в следующем выпуске альманаха мы представим нашим читателям очерки П. Васильева «В золотой разведке».

Примечания

1. «Цветок душистых прерий...» – слова из арии Роз-Мари в одноимённой оперетте Р. Фримля и Г. Стодгарда (1924).
2. Имеется в виду Владивосток.
3. В современной транскрипции – Сахалин (прежнее название китайского города Хэйхэ).
4. В современной транскрипции Чифу (современное название – Яньтай) – город, порт, городской округ в китайской провинции Шаньдун.
5. В современной транскрипции Хубэй – провинция на востоке центральной части Китая.
6. Под этим названием журнал, издававшийся с 1928 г. группой пролетарских писателей «Кузница», стал выходить с № 2 за 1930 г., до этого – под названием «Журнал для всех».
7. Николай Николаевич Ляшко (1884–1953) – русский советский прозаик, автор знаменитой производственной повести «Доменная печь» (1925); Иван Фёдорович Жига (1895–1949) – советский прозаик, очеркист; Гудков – сотрудник редакции журнала «Пролетарский авангард».
8. Семён Исаакович Кирсанов (1906–1972) – известный советский поэт.
9. «Пушторг» (1928) – роман в стихах известного советского поэта Ильи Львовича Сельвинского (1899–1968).
10. МОПР – Международная организация помощи борцам революции, благотворительная организация, созданная по решению Коминтерна в качестве коммунистического аналога Красного Креста.
11. ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, советская общественно-политическая оборонная организация (1927–1948), предшественник ДОСААФ.
12. Имеется в виду город Свободный Амурской области.
13. Вера Михайловна Инбер (1890–1972) – известная советская поэтесса и прозаик.
14. Бретгартовские прииски – прииски, описанные Фрэнсисом Брет Гартом (1836–1902) – американским писателем, прославившимся описаниями жизни калифорнийских золотоискателей.
15. См. о нём: Урманов А.В. Васильев Павел Николаевич // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 85–90.
16. Васильев П. В золотой разведке: [Очерки]. М.–Л.: Физкультура и туризм, 1930. 47 с.
17. Васильев П. Люди в тайге: [Очерки]. М.–Л.: Физкультура и туризм, 1931. 40 с.

Штудии

От редакции. Появление в альманахе «Амур» новой рубрики «Штудии» вполне закономерно, ведь издание наше – вузовское, а в вузе люди не только открывают в себе литературный талант, но и развиваются умение оценивать и анализировать литературное творчество. Представленные в рубрике тексты созданы студентами-филологами БГПУ в процессе размышлений над страницами амурской поэзии и прозы, над высказываниями учёных и писателей. Результатом выполнения учебных заданий стали произведения разных жанров – от эссе и рецензии до фантастического рассказа.

ЗАДАНИЕ 1. Написать эссе или рецензию на стихотворение известного амурского поэта Игоря Ерёмина «Свет в окне»:

Тронет вожжи отец: – Н-но, Чубарый!
А Чубарый и сам по себе,
Чуя запах жилья, будто парой,
Тянет воз торопливо к избе.

Далеко ещё. Но, как указкой,
Тычет батя кнутом в темноту.
– Ждут! – басит он со сдержанной лаской,
Свет во тьме разглядев за версту.

Хорошо-то как после дороги,
После пыльной её кутерьмы,
Знать, что встретит нас мать на пороге,
Как бы поздно ни прибыли мы.

Что и ужин стоит, не остужен,
Будто сваренный только теперь,
Что отец, перед тем, как за ужин,
Мать покупкой одарит: – Примерь!

Я устал. Скулы ломит зевота,
Мне бы лечь, чем сидеть на скамье.
Но терплю, пропустить неохота
Этот маленький праздник в семье.

Я и нынче о нём вспоминаю
Потому, что, спеша на большак,
Сам, как прежде – отец, уезжаю.
Да вот жаль, возвращаюсь не так.

В чём причина? И рад бы, да разом
Не ответишь. Не сделаешь вид,
Что вот только пропискою связан
С этим домом, где свет не горит.

Где не то, чтоб совсем отлучают,
Но и в двери не слишком зовут,
Где меня потому не встречают,
Что ни в мыслях, ни сердцем не ждут.

Вот и тянешься в детство душою,
Где и с полной луной, и во мгле
Был он радостью самой большою
Свет в окне – свет любви на земле!

Валерия КАТЮЖИНСКАЯ
студентка 3 курса ИФФ БГПУ

ТО, О ЧЁМ НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ

В последние годы жизни поэт Игорь Ерёмин часто вспоминал края своего детства и предлагал другу Анатолию Филатову съездить в Тамбов. Но у них никак не выходило. Как поясняет Филатов, из-за того, что Игорь Алексеевич катастрофически боялся высоты и наотрез отказывался лететь самолётом. Добираться же поездом также не получалось: на это нужно было много времени. Но мысленно поэт жил воспоминаниями о родном доме. Так появилось стихотворение «Свет в окне».

Здесь поэт по принципу антитезы рисует два образа дома. Первый – светлый, полный воспоминаний, автор тянется к нему всей душой, там устроят тёплый приём с ужином – «маленький праздник», как сам автор его называет. Второй же образ описывается иначе: «...вот только пропискою связан с этим домом...», «...где меня потому не встречают, что ни в мыслях, ни сердцем не ждут», в нём нет и следа теплоты, которой был полон отчий дом. Но центральным образом стихотворения является не сам дом, а свет в его окнах. Понимать его можно по-разному. Свет в окне для автора – это «свет любви на земле», свет семейного счастья, благодатной и тёплой семейной атмосферы. В доме родителей он и видит «свет во тьме», а вот в своём собственном доме, к сожалению автора, «свет не горит», там нет тепла и радушного приёма, который так ему важен.

Моё понимание «света в окне» совпадает с авторским. При упоминании этого словосочетания на ум приходит много ассоциаций: «тепло», «мама», «вкусный ужин», «душевный долгий разговор» – ведь все они связаны с домом. Семья – это то, о чём никогда нельзя забывать и чем нужно дорожить, именно она даёт нам тепло, заботу и ощущение полноты бытия.

ЗАДАНИЕ 2. Написать эссе или рецензию на стихотворение Владислава Лещика «Когда ты меня разлюбишь...»:

Когда ты меня разлюбишь,
Я стану пустым пакетом,
Рваным куском целлофана,

Обёрткой от «чокопая»,
И вдаль меня по асфальту
С шуршаньем погонит ветер.

Когда ты меня разлюбишь,
Я выйду из дома с толстым
Бумажником, полным бумажек,
И мимо бомжей и нищих,
Торговок и безработных
Пройду в магазин престижный
И там отоварюсь, как царь,
И с сумкой, похабно полной,
Прошествую в свой подъезд.
Девушка со школьным ранцем
Мне пикнет почтительно: «Здрасьте!» –
Я важно в ответ покиваю.
Когда ты меня разлюбишь,
Я буду пыхтеть на собраньях,
И важные шишки и мымры
Все будут меня величать
По отчеству, интересуясь,
Что думаю я по вопросу
О той ерунде собачьей,
Которая столь волнует
И шишек, и мымр, и меня.
А в перерыве в буфете
Налью себе тёмного пива,
Но цвет его, тайну хранящий,
Мне глаз твоих не напомнит...

А знаешь – не так всё страшно.
Когда ты меня разлюбишь,
Меня пожалеет судьба.

Когда ты меня разлюбишь,
Судьба мне пошлёт развязку,
Стремительную, как хитрость,
Спасительную, как сон.
И ангел с мечом инсульта,
Или придурок в «Тойоте»,
Или кирпич простодушный
На выручку мне придут.

И я усну улыбаясь,
Уже навсегда улыбаясь,
Уже навсегда не зная,
Что я тобой не любим.

Произведение Вл. Лецика «Когда ты меня разлюбишь...» – одно из немногих, понравившихся без каких-либо «но». Оно не похоже ни на одно стихотворение о любви, прочтённое мной ранее. И в этом его прелест.

Удивила, привлекла и, можно сказать, очаровала манера повествования. Автор с какой-то необычайной лёгкостью и простотой говорит о сложном – о любви.

Что такое жизнь без любви? Вакуум, в котором человек остаётся лицом к лицу с пустотой и ощущением собственной ненужности и никчемности... Вот что такое жизнь без любви! Но это всё очень сложно представить. Ведь даже слова «пустота», «никчемность», «ненужность» – слова с отвлечённым значением, это невозможно понюхать, потрогать, попробовать, пока не придётся испытать. А значит, и понять состояние человека со стороны весьма затруднительно. Да и описать тоже. Однако автору стихотворения удалось очень доступно, с помощью понятного каждому языка выразить душевное состояние лирического героя.

Потеряв любовь, он лишится смысла жизни и будет похож на пустой пакет, рваный кусок целлофана, обёртку от «чокопая», которую с шуршаньем погонит ветер... Удивительно! Как сложно, но в то же время просто описывается состояние этого несчастного человека! И всё сразу становится понятно, ведь все мы можем представить себе эту жалкую обёртку или пустой пакет. Показаны приоритеты героя: любовь – это основополагающее, самое важное в жизни. Без неё всё обесценивается – в бумажнике теперь «бумажки», пакет с продуктами – «похабно полон», с иронией говорится о когда-то важной должности: «буду пыхтеть на собраньях», «важные шишки и мымры»... Эту же мысль подтверждает восприятие смерти как избавления: развязка – «спасительная, как сон»: «ангел с мечом инсульта».

Как уже говорилось выше, основная идея стихотворения – невозможность жизни без любви. Казалось бы, о какой лёгкости изложения можно здесь говорить? Ведь само сочетание «невозможность жизни» уже навевает тоску, угнетённость, даже страх, но никак не лёгкость. Произведение, по всем правилам, должно было как бы «придавать» читателя и показать всю тяжесть такой, «безлюбовной» жизни. Но как это ни удивительно, ощущения всепоглощающего уныния и страха не возникает. Присутствует, если можно так выразиться, констатация факта... Создаётся впечатление, что автор стихотворения – реалист, который принимает подобную развязку как данность. Жизнь без любви невозможна – это факт. Но, так как стихотворение описывает возможное будущее («когда ты меня разлюбишь», «стану», «выйду» и т.д.), можно говорить о том, что в данный момент любовь в жизни автора (героя) есть, а значит, есть зачем жить.

Валентина БУГАЕВА
студентка 3 курса ИФФ БГПУ

ЕСТЬ ЗАЧЕМ ЖИТЬ

Я не большая поклонница поэзии вообще и современной в частности. Очень редко стихотворение вызывает у меня однозначно положительную реакцию.

ЗАДАНИЕ 3. Написать эссе или рецензию на рассказ Вл. Лецика «Костюмы» (Амур: Лит.-худож. альманах. № 1. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. С. 10-17).

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ

Как и любое произведение о детстве, рассказ Владислава Лецика заставил меня вспомнить времена, когда я сам был подростком. И пробудил чувство зависти.

Я не очень люблю вспоминать своё детство. Многое из собственного прошлого меня сейчас огорчает. Когда мне и моим сверстникам исполнилось семь лет, в каждом доме появились первые компьютеры и игровые приставки. И мы ушли из реального мира в «новый мир», нас затянуло в воронку, на дне которой компьютерные игры, социальные сети и интернет. Многое из того, что описано в рассказе Лецика, нам было неведомо. Вот, например, эпизод, в котором главного героя накануне новогоднего маскарада посещают «режиссёрские идеи»: «Эх! Уговорить бы трёх девчат – нарядить одну попадьёй, другую поповной, а третью кобылой. “Маленький бес под кобылу подлез...”». Нам бы никогда на ум не пришло придумывать костюмы на маскарад. Это бы показалось скучным и глупым, так как мы не привыкли мыслить образами, а были приучены к готовой картинке.

А ещё запомнилась сцена, в которой директор отчитывает героя. Примечательны мысли мальчика в тот момент: «Образ попа, созданный мною, есть карикатура на церковь, и карикатура беспощадная! И что же? Высмеивать религию – значит пропагандировать её? Это ли не абсурд? Наш директор – типичный человек в футляре! Как бы чего не вышло! Как же – ведь может пойти слух, что в его школе ученики крестят друг друга. Перестраховщик! Беликов! Премудрый пескарь! Глупый пингвин робко прячет...». Для восьмого класса ребёнок хорошо начитан: тут и Чехов, и Салтыков-Щедрин, и Горький. Когда нас отчитывал директор, в наших головах не мелькали фразы из книг. В лучшем случае, там были грубые слова, потому что мы не читали столько, чтобы мыслить литературными образами. Наше поколение бежало от книг, они казались унылыми мертвецами, а на самом деле в них жизнь. Мы существовали в искусственном мире: на отшибе.

Пробыв долгое время без воздуха, тяжело было начинать снова дышать. Только в шестнадцать я стал осознавать, что происходит, и начал бегство из этого мира. Даже сейчас я словно одной ногой ещё там, а другой нашупываю новую дорогу. Поэтому и не люблю оглядываться назад. Это вызывает горечь в груди.

ЗАДАНИЕ 4. Прокомментировать высказывание известного петербургского лингвиста начала XX века Е.Ф. Будде: «Смотря на груду запылённых пергаментов, хартий разного содержания, мы задаёмся невольно вопросом, что может дать старая безграмотная письменность для разработки языка, который имеет уже свою грамматику, учащую нас правильно писать и говорить...».

ТАТЬЯНА

*Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С её холодною красою
Любила русскую зиму...*

– Эмма! Эмма! Где ты? – послышался голос снизу. – Я дома! Спускайся! Будем ужинать.

– Сейчас, Эндрю!

...На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарёю поздней
Сиянье розовых снегов...

– Только ещё немного почитаю.

Дверь открылась.

– Милая! Уже полчаса прошло, а ты всё читаешь.

– Ох! Ничего себе! – удивилась девушка. – Время-то как пролетело.

– Ммм... – Эндрю вошёл и присел рядом. – И что тебя так увлекло?

– Пушкин! – девушка показала на старую потрёпанную книгу в руках.

– Пушкин?

– Да! Это писатель девятнадцатого века! Такая прелесть!

– Не слышал о таком, – Эндрю призадумался. Он внимательно осмотрел книгу с жёлтыми страницами: «Александр Сергеевич Пушкин». – Наверное, не наш писатель?

– Эмма! Ты этой дрянью испортишь себе зрение! – показал он на размытые слова в книге. – Возьми лучше электронник и читай. И что-нибудь наше, современное – две тысячи пятьсот четырнадцатого года.

– Эндрю! – возмутилась девушка, и глаза её заблестели не то от слёз, не то от гнева. – Какая же это дрянь? Выбирай выражения. Это же Пушкин! Это же... книга!

– Где ты её взяла?

– Случайно купила на рынке «Забавы прошлого».

– Опять ты там была! Эмма! Поругать тебя надо.

Наш дом и так напоминает музей, а ты всё не уймёшься! Собираешь всякое... – Эндрю хотел сказать «барахло», но осёкся – Эмма была и так в гневе, а за подобное слово она бы его убила, – всякие ненужные вещи... Матрёшки, горшки, ложки... самовары, а теперь и книги... Ну зачем это?

Эмма тяжело вздохнула.

– Я там приготовила...

– А, да, я заметил! – Эндрю обрадовался, что они сменили тему. – Да, такая странная выпечка. Что это?

– Кулич. Я прочла и узнала, что сегодня Пасха. Христианский святой праздник. Раньше отмечали...

– Ммм... – задумался Эндрю, – вкусный кулич...

Эмма продолжала грустить.

– Дорогая! – обнял её супруг. – Хочешь, завтра же полетим на Марс? Отдохнём.

— Нет… не хочу. Давай лучше в музей поедем?
— Но мы же там были несколько раз?
— Нет, в новый! — засияла Эмма. — Поедем? Старинные музыкальные инструменты!
— Поедем! — улыбнулся Эндрю.
— Урра! — закричала девушка. — Я увижу балалайку! Настоящую! Какая прелесть!

Эмма начала, как ребёнок, скакать по комнате, а Эндрю с улыбкой за неё наблюдал и сдерживал хохот. Потом она устало присела около него и обняла.

— Эмма… — прошептал тихо Эндрю. — Почему же ты так любишь всю эту старину?

Эмма задумалась.

— Не знаю, Эндрю. Наверное, это в крови. Мне всегда были интересны такие вещи. Это же труд наших предков. Такая роскошь! Жаль только, что люди не знают цену всему этому. Вместо того чтобы продавать книги (Эмма бережно потрепала иссохшие страницы томика Пушкина) за большие деньги, они отдают их за бесценок. Кому они нужны? Кто их читать будет? Чуть ли не выкидывают… Люди теперь называют такие вещи «забавы прошлого». Можно было бы назвать «хламом» — они бы назвали.

Эндрю покраснел.

— Да какие же это забавы? — возмутилась девушка.

— Это же память. Это же наше родное. Святое. Меня с детства всё это привлекало. Невалишки, скакалки, мячики…

— Что? — не понял супруг.

— Игрушки, Эндрю. Игрушки. Я тебе потом покажу. А знаешь? Я расстроена, что прабабушка так мало мне всего оставила из своего прошлого. И что бабушка совсем не читала Пушкина, а мама назвала меня Эммой.

— А как бы ты хотела?

Эмма покраснела:

— Татьяной, например.

Эндрю заулыбался.

— Какая же ты у меня… необычная! Подарить тебе кокошник — ты и счастлива будешь!

— Знаешь, Эндрю. Не хочу повторять ошибки своих родителей. Пусть хоть наши дети знают предков. Знают, как раньше жили, как одевались. Всё-всё… О каком движении вперёд можно говорить, если мы не знаем нашего прошлого, правда ведь?

— Ты права, дорогая. Но всё же время идёт. Всё меняется. Мы меняемся. Время диктует своё.

— Я понимаю, но можно же бережнее относиться к тому, что когда-то было ценным? К исконному? Знаешь, все эти вещи, праздники, какие-то открытия — будто семя, из которого выросло целое дерево. Вот как мы с тобой. Мы — дети наших предков. Ты сын своей матери, а мать — дочь твоей бабушки. Не было бы твоей бабушки — не было бы и тебя. Понимаешь? Как домик карточный — убрать одно звено снизу, и верхушка падёт. Да что там говорить: весь домик рассыплется! А сейчас что? Всё какое-то электронное, иностранное, будто искусственное. Не наше. Нет в этих вещах жизни. Нет в них прелести.

Они задумались и с минуту молчали, а потом Эндрю вдруг подскочил и подхватил Эмму на руки:

— Всё! Решено!

— Что? Что решено? — сконфузилась она.

— Завтра же едем смотреть на балалайки! А если у нас сын родится, то мы его Ванькой назовём!

— Эндрю? Ты серьёзно? — глаза Эммы засияли.

— А что такого?

— Ничего, просто так всё… Неожиданно.

— Лучше поздно, чем никогда. А теперь пошли ужинать. Я ужасно проголодался! Как там его…

— Кулич? — подхватила радостно Эмма.

— Да! Кулич! Пошли кулич есть!

Из читательских откликов

Ричард ТЕМПЕСТ

профессор Иллинойского университета (США)

К ЮГО-ВОСТОКУ ОТ СОЛЖЕНИЦЫНА: Отзыв на одно справочное издание

Спешу пояснить: несмотря на то что в «Энциклопедии литературной жизни Приамурья» представлен ряд статей, посвящённых связи между текстами и личностью Александра Солженицына и этим регионом, они не исчерпывают содержания книги, ибо оно именно энциклопедично, в соответствии с заданным форматом справочного издания. Дело, однако, в том, что в авторский коллектив вошли несколько моих российских коллег, которые, как и я сам, занимаются изучением творчества писателя. Мне доводилось пересекаться на научных конференциях с Александром Урмановым, Вячеславом Гуськовым, Татьяной Смыковской и Сергеем Оробием, а с первым из них и непосредственно сотрудничать, поэтому моё прочтение «Энциклопедии» было в определённой степени связано с тем, как в ней представлены солженицынская тема и смежная рубрика ГУЛАГа.

Исходя из этих соображений, начну мой обзор со статьи, посвящённой Солженицыну. В ней даны любопытные факты о пребывании возвращавшегося из американского изгнания писателя на берегах Амура летом 1994 года. Многодневное путешествие автора «Архипелага ГУЛАГ» из Вермонта в Москву, в ходе которого он посетил многие города азиатской и европейской России, получило в своё время широкое освещение в российских и иностранных масс-медиа и было зафиксировано телевизионно и кинематографически. По словам английского биографа Солженицына, перед зрителями предстал феномен «Толстого через Эйзенштейна»¹. Тронули меня упомянутые в статье эпизоды из пребывания писателя на берегах Амура: на встречах писателя с местными людьми один из присутствующих встал перед ним на колени, «а некая женщина всеми силами пыталась протолкнуть через толпу своего 80-летнего отца, узника ГУЛАГа»², с тем чтобы он мог выразить благодарность писателю за его труды по увековечению памяти заключённых. Весьма полезна систематизированная сводка сведений о том,

как и где Приамурье и его жители упоминаются в исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» и эпопее «Красное Колесо». Также запомнилась доселе неизвестная мне подробность о посещении писателем сопредельного с Благовещенском города Хэйхэ на китайской стороне реки: интересный штрих к его биографии. Ценной для меня как для исследователя стала приведённая в статье ссылка на интервью А. Урманова газете «Литературная Россия» от 11 декабря 2009 года, в котором он рассказал о том, что подвигло его изучать творчество Солженицына, и привёл неопубликованные комментарии писателя о сборниках статей издательства Благовещенского педагогического университета, редактором и одним из авторов которых является мой амурский коллега.

«Литература БАМлага» – ёмкое мини-исследование, предлагающее хорошо продуманную типологию литературы, созданной узниками местного филиала советской карательной системы. Среди них были Анастасия Цветаева и о. Павел Флоренский. Между «поднотипной» поэзией и прозой лагерных органов печати и не предназначавшихся для публикации «потаённых» манускриптов, многие из которых продолжали традиции Себерянного века, существовал «пограничный пласт» произведений, создатели которых находились в оппозиции к коммунистическому строю, но пытались «приспособиться к лагерной действительности» (С. 233-234). Их сочинения содержали «подтексты» подрывного свойства (С. 234). Тонкой ironией исполнен комментарий в начале статьи о том, что на рубеже 40-х годов «[...] амурская подразделение [ГУЛАГА] стало носить название Свободлаг» (С. 233).

Отдельный очерк о Флоренском описывает его жизнь в амурской ссылке и подчёркивает, что деятельность советской тайной полиции была направлена на уничтожение интеллектуальной и нравственной элиты страны. Этот карательный проект осуществлялся посредством арестов, пыток и расстрелов, но не только: сотрудники НКВД были убеждены, что рукописи всё-таки горят. И вот я читаю, что «труды Флоренского» по мерзловедению при переводе О[пытной] м[ерзлотной] с[танции] в Тынду были уничтожены, часть отправлена в Москву, в архиве учреждения сохранилось лишь неск[олько] работ, переписанных лагерным каллиграфом» (С. 394).

¹ Thomas, Donald Michael. Alexander Solzhenitsyn – A Century in His Life. New York. St. Martin's Press. 1998. P. 514.

² Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 356. Далее страницы этого издания указываются после цитат в круглых скобках.

Статья об Антоне Чехове упоминает о его пребывании летом 1890 года в Благовещенске по пути на Сахалин и предлагает следующий интригующий тезис: «То, что он наблюдал по пути, зачастую волновало, затрагивало его не меньше, чем сахалинская каторга [...]» (С. 422). Более того, пребывание автора «Дяди Вани» в этом городе и его окрестностях оказалось заметное влияние на формирование его мировоззрения: «Амур в представлении писателя был именно той ретортой [изящный и в данном случае очень уместный научно-медицинский водянной образ! – Р.Т.], в которой зарождалось, созревало и проявляло себя будущее России» (С. 423).

Моё внимание привлекли сведения о Фёдоре Чудакове (1887-1918), сатирике и «прирождённом фельетонисте» (С. 424), имя которого до недавнего времени было мне неизвестно. Из очерка о писателе и бывшем политзаключённом Борисе Черных (1937-2012), творчество которого получило одобрительную оценку Солженицына, я узнал, что «доминантой» его прозы «является автобиографич[еский] дискурс» и что «факты» и «вымысел» в равной мере определяют её содержание, – хорошая точка отправления (С. 420) для читателя, впервые обращающегося к произведениям этой незаурядной личности.

Перелистывая страницы книги, я нашёл статью об Анатолии Лосеве – и зачитался. Основатель Благовещенской филологической школы и дуайен литературного краеведения Приамурья, Лосев был также героям целой научной эпопеи. В конце 60-х гг. он обнаружил, что автором четырёх из опубликованных в собрании сочинений Горького стихотворений в действительности являлся крестьянский поэт Морозов. Желая довести своё открытие до сведения читателей, Лосев вступил в текстологическую схватку с когортой воинственных горьковедов и горькофилов, из соображений научной исключительности или стодличного снобизма не желавших признать его правоту. Лишь годы спустя его научная кампания увенчались пусть и частичной, но победой: «Редколлегия [нового собрания сочинений] признала [...] ошибку позже

– в малотиражном [...] приложении к изданию, адресованном лишь узким специалистам» (С. 238).

Отмечу также информацию о литературном альманахе «Амур», несколько номеров которого я прочитал благодаря любезности моих благовещенских коллег, приславших мне презентативную подборку номеров этого издания. Позволю себе маленько отступление. В выпуск альманаха за 2013 год я впервые познакомился с поэзией Чудакова. Мне запомнилось его пародийное переложение известных лермонтовских строк, которое и сейчас звучит весьма актуально в свете постоянно крепнущих коммерческих контактов, как официальных, так и неформальных, между российским и китайским берегами Амура.

Дети Бурхановки! Вечные странники!
По льду Амура на сторону правую
Тихо бредёте вы, словно изгнанники,
Чтоб окопачить таможню лукавую...³

Возвращаясь к «Энциклопедии», добавлю, что меня уже несколько лет занимает вопрос о растущем китайском присутствии в культурных и географических пространствах России, и в первую очередь в азиатской её части, и я был впечатлён тем, как справочник трактует процесс китайско-русского сближения – обдуманно и спокойно, подчёркивая положительные стороны этого явления.

Прозрачность изложения, богатый фактологический материал и эффективность сжатого анализа – определяющие черты «Энциклопедии». Её авторы пишут о культурных деятелях и институтах амурской земли с любовью и даже гордостью, не забывая в то же время показать их место в общерусском культурном контексте последних двух столетий. Помимо своих несомненных достоинств как научного и библиографического ресурса эта книга – яркий фрагмент национальной культурной мозаики исторической и современной России.

³ Чудаков Ф. Пародия // Амур. Литературный альманах БГПУ. 2013. С. 4.

Письмо в редакцию

Уважаемая редакционная коллегия альманаха «Амур»! Заканчиваю читать очередной – двенадцатый номер – альманаха и не могу сдержать чувств благодарности и восторга. Вы делаете поистине исключительный журнал. Содержание его – обёмно, тематика материалов разнообразна и драгоценна своей историчностью, научной выверенностью, широтой охвата литературной жизни и позицией сотрудников – взвешенной, объективной, сердечно-проникновенной. Альманах в каждом номере открывает новые стороны литературной и культурной жизни Приамурья. Вот и в двенадцатом номере в каждой из восьми (!) рубрик интереснейшие тексты. Чего стоит публикация стихов Фёдора Чудакова, трагически погибшего в 1918 году, словесное искусство которого и смелость сатирических обличений вызывают восхищение, ставят на уровень настоящих мастеров. С большим интересом читаются приключенческо-юмористическая повесть Евгения Гончарова «Пекинский агент», бывшая Анатолия Кайды «Последний динозавр Цветкова», рассказ Гульчеры Быковой и другие вещи. Ценно то, что каждый материал предварён редакционным «вводом» (сведения об авторе, времени создания текста, его творческом пути) – это и уважение к читателям, и маленький ликбез. Альманах, публикующий произведения авторов прошлых времён, мастеров сегодняшнего дня и тексты начинающих, раскрывает перед читателем литературный процесс, образовывает его. В этом отношении отдельное

спасибо за открытие страниц бамлаговских изданий, изученных и с тактом представленных Татьяной Смыковской, благодарность за знакомство с замечательным китайским поэтом и переводчиком Ли Яньлинем (автор материала Н.В. Киреева). С большим интересом прочитала фрагмент из книги французского филолога, исследователя русской литературы Жюля Легра, переведённый О. Кухаренко. Такая редкостная информация о прошлом нашего города, приамурского края – заслуга Александра Урманова, который, как настоящий золотоискатель, находит крупинки драгоценного культурного достояния. Особо хочется отметить высокий научный уровень альманаха, исследовательский характер, который проявляется не только в открытии имён, творивших литературу и культуру на нашей земле, в осмыслении их места и роли, в культуре подачи материалов (выверенные и точные комментарии – это колossalная работа редактора и других сотрудников редакционной коллегии), но и в концепции издания, благодаря которой из забвения и неизвестности восходит творчество живых людей, голоса которых мы слышим и можем отдать дань благодарности за сотворённое ими добро. Теперь мы, амурчане, не Иваны, родства не помнящие. Спасибо, альманах «Амур»!

4 марта 2014 г.
Назарова Т.В.

